

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Синаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьердь Сарвар* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткин* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philosoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutschikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Феномен и понятие информации: опыт интерпретации на примере систем природы и культуры <i>Рыбин В.А., Денискин С.А.</i>	5	The phenomenon and the concept of information: the experience of the interpretation of the example of biological and cultural systems <i>Vladimir A. Rybin, Sergey A. Deniskin</i>
Философские концептуальные аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни <i>Изуткин Д.А., Смирнова Н.Е.</i>	14	Philosophical conceptual aspects of interconnection of lifestyle and disease <i>Dmitriy A. Izutkin, Natalia E. Smirnova</i>
Теории ценностей и проблема целостности мировоззрения личности <i>Нагой Ф.Н.</i>	20	Theories of values and problem of integrity of the person's worldview <i>Fatima N. Nagoy</i>
К вопросу об основаниях философско- антропологического дискурса <i>Черданцева И.В.</i>	29	The problem of foundations of philosophical anthropological discourse <i>Inna V. Cherdantseva</i>
Полет как ожившая метафора: Уайтхед, Латур и авиация <i>Мышкин О.С.</i>	35	Flight as the animated image: Whitehead, Latour and aviation <i>Oleg S. Myshkin</i>
Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) <i>Снетова Н.В.</i>	43	Charles Darwin's theory in the critical reflection of Nikolay Danilevskiy and Nikolay Strakhov (from the history of Darwinism in Russia) <i>Nina V. Snetova</i>
Гносеологическая концепция В.В. Зеньковского в контексте «метафизики сердца» <i>Бабина В.Н.</i>	51	V. Zenkovsky's gnosiological concept in context of metaphysics of the heart <i>Vera N. Babina</i>

ПСИХОЛОГИЯ

О рациональности человеческого мышления <i>Ускова Е.В.</i>	57	About the rationality of the human thinking <i>Ekaterina V. Uskova</i>
Рефлексивные характерные адаптации: современное состояние исследований <i>Щебетенко С.А.</i>	63	Reflexive characteristic adaptations: a review of the current research <i>Sergey A. Shchebetenko</i>
Субъективное ощущение одиночества как фактор смены половых партнеров <i>Гайворонская А.А., Осипенко И.М.</i>	71	The subjective feeling of loneliness as a factor of change of sexual partners <i>Alexandra A. Gaivoronskaya, Irina M. Osipenko</i>
Ценности россиян в контексте возрастных различий <i>Федотова В.А.</i>	78	Values of Russians in the context of intergenerational relations <i>Vera A. Fedotova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Взаимосвязь феноменов отчуждения, разделения труда и классового неравенства в учении К. Маркса <i>Алампиев О.А.</i>	87	Interrelation between phenomena of alienation, division of labor and class inequality in K. Marx theory <i>Oleg A. Alampiev</i>
Обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте и перспективы развития этнометодологического проекта. Статья первая <i>Кузнецов А.Е.</i>	97	The discovery of a chiasitic structure in a natural text and the prospects of the ethnomethodology progress. First article <i>Alexander E. Kuznetsov</i>
Концептуализация и операционализация понятия «социальный капитал» в исследованиях организаций <i>Германов И.А., Плотникова Е.Б.</i>	106	Conseptualization and operationalization the concept of social capital in organizational study <i>Igor A. Germanov, Elena B. Plotnikova</i>
Христианская церковь в современном мире: ее сущность, традиция андроцентризма и новые тенденции <i>Семенова В.Э., Семенова Л.Э.</i>	115	Christian church in the modern world: its nature, tradition of androcentrism and new trends <i>Vera E. Semenova, Lidya E. Semenova</i>
Разновидности исламского проекта в системной трансформации общества <i>Федотова М.Г.</i>	123	Variety of Islamic project on system transformation of society <i>Marina G. Fedotova</i>
Информация для авторов	131	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316.774

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-5-13

**ФЕНОМЕН И ПОНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ:
ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СИСТЕМ ПРИРОДЫ
И КУЛЬТУРЫ***Рыбин Владимир Александрович, Денискин Сергей Александрович**Челябинский государственный университет*

Концепт информации, выработанный к настоящему времени в рамках системно-кибернетического подхода на основе анализа и моделирования технических систем, уже не отвечает потребностям науки и общественной практики, поскольку феномен информации рассматривается в нем преимущественно в количественном аспекте, а соответствующее ему понятие информации страдает неопределенностью. История формирования сложившегося информационного концепта и особенностей его функционирования в современном научном дискурсе свидетельствует о том, что он выстроен по технологической мерке и обладает императивно-редукционистским характером. Это обусловлено сложившимся в истории положением человека в социуме, когда он действует и воспринимается не в качестве цели, а как орудие-средство социальных сообществ, что порождает абсолютизацию узкоинструментального подхода во всех аспектах человеческого отношения к миру и приводит к доминированию подобного мировоззрения как в научном дискурсе, так и в обыденном сознании. Исследование специфики функционирования информации в системах живой природы и культуры раскрывает многомерность феномена информации, создает основу для его более содержательного истолкования и позволяет в соответствии с тремя сферами человеческого существования (природной, технической и сугубо человеческой, связанной с общением) выделить и три формы информации — контекстную, бесконтекстную, сверхконтекстную. Определение информации в качестве потока сведений, определяющего характер взаимодействия агентов живых систем в зависимости от уровня развития их способности интерпретировать эти сведения, а также предложенная классификация создают прочную теоретическую основу решения актуальных современных проблем научного познания и социального развития, прежде всего связанных с человеком.

Ключевые слова: информация, система, жизнь, природа, культура, человек, субъект, инновация, развитие, информационное общество.

**THE PHENOMENON AND THE CONCEPT OF INFORMATION:
THE EXPERIENCE OF THE INTERPRETATION
OF THE EXAMPLE OF BIOLOGICAL AND CULTURAL SYSTEMS***Vladimir A. Rybin, Sergey A. Deniskin**Chelyabinsk State University*

The concept of the information generated to date according to the system-cybernetic approach, based on the analysis and modeling of technical systems, no longer meets modern requirements of science and social practice, because it understands phenomenon of information mainly in quantitative terms, while the corresponding concept of information suffers from uncertainty. History of a current information concept formation and its functioning in a modern science discourse shows that this concept was formed on technological criteria and has reductionist imperative character. The reason of it is historical place of human in society, when he acts and perceived by others as an instrument of social communities, but not as an aim. This leads to absolutization of instrumental approach in all the as-

pects of human attitude to the world and to the domination of such ideology both in science discourse and in everyday consciousness. Investigation of specific of information functioning in the systems of wildlife and culture shows multidimensionality of information phenomenon and provides a basis for more meaningful interpretation of it, allowing in accordance to three spheres of human existence (natural, technical, and purely human, related to communication) to allocate three forms of information — contextual, context-free, supercontext. The definition of information as the flow of data, which determines the character of interactions between agents of living systems in dependence from the development level of their ability to interpret these data and proposed classification provide good theoretical foundation for solving actual problems of scientific knowledge and social development related to human.

Keywords: information, system, life, nature, culture, people, subject, innovation, development of the information society.

Введение

Понятие информации уже более ста лет входит в широкий научный, общетеоретический и мировоззренческий обиход современной культуры, но за последнее время его значение еще более возросло. Этому способствовали научно-технологические и общесоциальные сдвиги конца XX – начала XXI в., нашедшие отражение в целой череде предсказывавших скорое наступление лучшего будущего социальных концепций, где «информация» выступает базисным понятием, — теории «электронной эры» (М. Мак-Люэн), «постиндустриального общества» (Д. Белл, Дж. Гэлбрэйт), «информационного общества» (М. Кастельс), «программируемого общества» (А. Турен), «общества знаний» (Э. Тоффлер). Но во втором десятилетии наступившего века при обострении кризисных тенденций технологический оптимизм такого рода уже не столь убедителен.

Тому есть целый ряд причин. Прежде всего, факторы инструментального порядка, на которые в первую очередь всегда делают ставку сторонники «информационного общества», порождают множество негативных эффектов: от формирования у современного человека «клипового», фрагментированного сознания до выработки столь изощренных технологий манипулирования массовым поведением людей, что это угрожает реальным воплощением самых мрачных антиутопий XX в. Становится ясно, что способность адекватно воспринимать информацию и продуктивно ее использовать не формируется у человека автоматически по ходу прогресса компьютерных технологий и внедрения их в повседневную практику, т.е. в процессе простого наращивания информационного ресурса и овладения элементарными прикладными навыками, необходимо ее целенаправленно формировать. А это требует и более глубокого понимания существующего до сих пор феномена информации. Между тем, как утверждается в авторитетных источниках, до сих пор отсутствует общепринятое определение информации [1, с. 120; 2, с. 142]. Поэтому начнем с определения самого понятия.

Сложности с понятием

Поскольку по проблеме информации есть множество первоисточников и анализировать все не имеет смысла (да это и невозможно), то к решению поставленной задачи целесообразно приступить путем сопоставления определений из обыденного сознания, науки и философии.

Если в повседневном значении *информация* — это совокупность сведений, данных, знаний о каких-либо процессах или событиях, воспринимаемых человеком или специальными устройствами [3, с. 248], и потому с бытовой точки зрения противопоставление «полезной» и «бесполезной», «достоверной» и «ложной» информации выглядит вполне допустимым [4, с. 237], то в научном дискурсе (например, в рамках вероятностного варианта математической теории информации, где информация связывается с получением снижающих неопределенность новых данных) указанное выше противопоставление, напротив, утрачивает смысл: «бесполезная» или «ложная» информация не уменьшает неопределенности и, следовательно, с этой точки зрения не является информацией.

Но и в самой науке нет единых взглядов на сущность информации. Так, в естествознании понятием «информация» обозначаются самые разные феномены — сведения о неизвестных объектах, результат выбора, уменьшаемую неопределенность, значение сигнала, содержание сообщения, меру сложности, меру организованности и т.д. В рамках математической теории информация характеризуется и по критерию новизны, и по критерию снижения неопределенности; между тем один критерий исключает другой: новые сведения порой как раз увеличивают неопределенность. В общем, наблюдается по меньшей мере разночтение. На недопустимость подобного положения указывалось и прежде: «Каждое такое определение, если оно применяется в сфере своего действия, верно отображает какую-то сторону или особенность информации. Но всякие попытки универсализации частного определения информации, пригодного для рассмотрения лишь одного из ее аспектов, приводят к ошибочным выводам» [5, с. 64]. Однако с тех пор

ситуация мало изменилась. Более того, в последнее время термином «информация» стали определять лишь электронные базы данных и их отдельные компоненты, в частности, результаты статистических исследований [6, с. 135], что на вполне «законных» основаниях позволяет рассматривать ее без соотнесения с человеком. В целом же понимание запутывается до такой степени, что не приходится удивляться, когда Мануэль Кастельс в своем фундаментальном труде «Информационная эпоха» в качестве исходного приводит простейшее определение: «Информация есть данные, которые были организованы и переданы» [7, с. 39].

Что касается философии, то в ней утвердился взгляд на информацию как на один из трех — наряду с материей (веществом) и энергией — компонентов бытия, который образован особой — информационной — формой взаимодействия, наряду с двумя другими формами — материальной и энергетической [8, с. 359]. Но вытекающее отсюда определение информации как феномена надмасс-энергетического взаимодействия не раскрывает её сути и потому нуждается в дальнейшей конкретизации.

Современный концепт информации

Для этого требуется хотя бы краткое изложение основных версий теории информации. Наиболее значимыми среди них являются теории связи, в рамках которых созданы вероятностные (количественные) методы ее измерения, и кибернетические теории, где информация рассматривается в аспекте задачи управления. К настоящему времени оба эти направления тесно переплелись, составив единый концепт информации, однако их разделение необходимо хотя бы по той причине, что первое носит прикладной характер, тогда как второе тяготеет к обобщениям мировоззренческого порядка.

В рамках классической теории связи количество информации было идентифицировано с величиной электрического потока, была выработана схема связи из шести компонентов (источник информации, передатчик, линия связи, приемник, адресат и источник помех), а математическая формула для термодинамического вычисления энтропии стала использоваться с целью подсчета количества информации. Информация была приравнена к негэнтропии, а утверждение «количество переданной информации определяется величиной снижения энтропии в принимающей системе» превратилось в аксиому.

Между тем достоверность этой аксиомы проблематична, ибо при более пристальном рассмотрении выясняется, что «информация отнюдь не служит двойником энтропии, даже будучи взятой с обратным знаком» [9, с. 165], хотя бы потому, что

распад системы, сопровождаемый увеличением энтропии, происходит сам собой, а наращивание организованности, сопряженное со снижением энтропии, требует усилий: «Самоорганизация, негэнтропийный процесс — это не энтропия наоборот, это качественно другое явление» [10].

Согласно кибернетической теории Норберта Винера и его последователей, опосредствованные информацией процессы в технических, биологических и социальных системах протекают по одной и той же схеме, т.е. являются изоморфными, взаимоподобляемыми. Отрицать подобный изоморфизм невозможно, весь вопрос лишь в том, каким образом его рассматривать — в качестве основы взаимного отождествления или, наоборот, различения?

Техническое и биологическое

Чтобы ответить на этот вопрос, сопоставим технические и биологические системы, используя трехкомпонентную, упрощенную по сравнению с исходной схему: передатчик, приемник, канал связи. В первом приближении какой-либо разницы между самыми разными системами при этом не обнаруживается: от передатчика к приемнику повсюду передается совокупность организованных по определенным правилам сигналов, которые на стороне приемника интерпретируются. Однако на этом общность технических и биологических систем заканчивается.

В технических системах приемник подвергает сообщение интерпретации на основе заранее принятых соглашений алгоритмического, контекстно-независимого характера [10]. Ее правила здесь исходно заданы, будучи сужены до «полосы» взаимно согласованных параметров, а «неприём» попросту невозможен (иначе не может идти речи об исправности системы). Принципиально иная ситуация в живых системах, где принимаемое сообщение всегда выступает как контекстно-зависимое [10]. Это значит, что прием сообщения предполагает вариативность интерпретации, включая возможность неожиданного изменения правил приема или даже «неприём», когда реакция организма может отсутствовать. Что и поясняет автор теории «биологических полей» А.С. Гурвич: «Нет никаких оснований предполагать, что содержание реакций живых систем на любое воздействие является функцией исключительно от него. Все говорит скорее об обратном» [11, с. 52].

Иными словами, живые организмы обладают субъектностью — способностью не просто реагировать на внешнее воздействие, но действовать при этом принципиально по-новому, непредсказуемым образом. Они содержат в себе некий набор реализуемых в ответ на воздействие неожиданных, «невероятных» вариантов поведения, количественное

и качественное ограничение которых до «полосы» приемлемого уровня как раз и является главной задачей как при одомашнивании и дрессировке животных, так и в процессе социализации человека.

Между тем в кибернетическом концепте информации подобная *субъектность* как раз не предполагается, здесь вопрос о каком-либо пересмотре заданной программы заранее снят. Даже когда Винер заявляет о возможности создать мыслящую машину, которая «способна менять общий метод и форму выполнения задач» [12, с. 60], на самом деле никакого изменения не подразумевается: «Говоря языком счетно-аналитической техники, индивидуальность разума заключается в <...> постоянном совершенствовании по уже *запланированным линиям*» (курсив наш. — В.Р., С.Д.) [12, с. 93]. Подобная автономность от контекста, или *бесконтекстность* является идеалом для техники (ибо в неизменности заданных параметров как раз и заключается ее назначение и эффективность), но ни сам человек, ни животные не укладываются в эту схему (ибо их специфицирует как раз способность менять образ действий — «перестраивать программу»). Отсюда остается сделать вывод, что трактовка информации, соответствующая кибернетическому подходу, не учитывает специфики живых систем и потому является по меньшей мере неполной.

Информация в живых системах

Перейдем к рассмотрению того, каким именно образом информация работает — в чем сегодня нет сомнений [13, с. 193; 14, с. 120] — на уровне живой природы.

Живые системы живут и действуют согласно «принципу устойчивого неравновесия», открытому в 30-е г. XX в. Эрвином Бауэром [15, с. 143]. Эта способность, как убедительно доказывает Бауэр в своем труде «Теоретическая биология», базируется на том, что живые виды, поглощая и накапливая энергию и вещество, не просто переводят их в некую непосредственно наблюдаемую форму деятельности — в «работу», но производят еще и «свободную энергию структуры» [15, с. 159], которая распределяется по двум потокам: как вовне — на вовлечение в сферу своей жизнедеятельности новых порций энергии и вещества, так и вовнутрь — на самообновление, перестройку организменного состава; «работа» — лишь подобие возвышающейся над водой вершины айсберга.

С этой точки зрения сами живые образования (популяции и особи) представляют собой сгустки вещества и энергии, выживающие за счет улавливания тех массэнергетических потоков, которые они могут поглотить, и уклонения от тех, которые могут поглотить их, а присущая им *субъектность* выступает как способность к «отклонению», т.е. к

«задержке» немедленного проявления активности и в пространственном, и в темпоральном аспектах («не сразу» — «не здесь» и «не сейчас»). Это и составляет их отличие от неживой природы, системам которой также присуща подвижность, но без «отклонения» и «задержки».

В основе этой способности — более сложная организация живого по сравнению с неживым, причем не столько на микроуровне (где процессы в обоих случаях носят физико-химический характер), сколько на макроуровне, где действуют живые особи. При этом то, что во *внешнем* по отношению к популяции аспекте реализуется как способность отклонения по поводу вещества и энергии, во *внутреннем* аспекте представляет собой результат способности особей перегруппировываться. *Но для того чтобы эта перегруппировка была успешной, т.е. завершалась бы выживанием с поглощением энергии и вещества, внутреннее взаимодействие должно быть более интенсивным, чем внешнее!* Иными словами, необходима инстанция более высокого порядка, нежели простая способность к действию. Это и есть информация!

Информация таким образом формируется как принципиально новая — *надмассэнергетическая* — форма опосредствования отношений между живыми особями во внутреннем (внутрипопуляционном) пространстве по поводу внешних — *массэнергетических* — взаимодействий популяции со средой. Что касается неживой природы, то в ней нет активного улавливания энергии и вещества, нет «задержки», нет перегруппировки особей при «отклоняющемся» движении популяционного сообщества, нет опосредствующего их взаимодействие начала. Стало быть, нет и информации.

Информация в системах культуры

Системы культуры формируются на основе живой природы и сами в определенном отношении могут рассматриваться как живые, но информация работает в них по-иному.

Культуру создает человек. При этом он остается одним из биологических видов: как и животные, он является живой особью, включенной в популяцию (в человеческий род); как и животные, он погружен в природный контекст и вынужден бороться за ресурсы существования (вещество и энергию); как и животные, он использует орудия труда, правда, не естественные, а искусственные. И если следовать логике принадлежащего Б. Франклину определения, что человек — это «животное, делающее орудия» [16, с. 191] (которое Маркс, намекая на ограниченность подобного подхода [16, с. 339], иронически цитирует в первом томе «Капитала»), то создается впечатление, что орудийно-технические приспособления людей точно так же служат их су-

ществованию, как специализированные органы животных служат выживанию биологических видов.

Между тем это не более чем видимость, хотя бы по той причине, что прогресс в орудиях труда совершается у людей в пределах одного вида и носит неуклонно поступательный характер, тогда как у животных формирование более совершенных органов означает возникновение другого, по-новому специализированного вида, осваивающего собственный видовой контекст и одновременно «замыкающегося» в его границах. Жизнеобеспечивающий же контекст у человека не остается неизменным, а постоянно сдвигается некоей силой, которая *стоит за* орудийной стороной человеческого существования, *но не сводится к ней*, ибо если бы это было так, то технический прогресс, решив проблему жизнеобеспечения (а он всегда так или иначе ее решает, о чем свидетельствует сам факт выживания человечества), остановился бы на достигнутом уровне.

Следовательно, в пределах культуры, во внутреннем пространстве межчеловеческого взаимодействия *должна сформироваться новая, тоже внутренняя, но более интенсивно функционирующая информационная инстанция, отделенная и от «контекстуальных» задач жизнеобеспечения по усвоению вещества и энергии, и от «бесконтекстных» средств — орудий труда, посредством которых эти задачи решаются.* Эта инстанция — сфера общения, где возникает новая форма информационного опосредствования.

Итак, если *субъектность* есть общее свойство живого, то на уровне культуры оно даже не удваивается, а утраивается, будучи опосредствовано соответствующими видами информации: *бесконтекстная* информация поставлена на службу орудийной деятельности, нацеленной людьми вовне, в природу; *контекстная* обслуживает их базисные биологические потребности; *сверхконтекстная* обращена вовнутрь сообщества людей и носит сугубо человеческий, уникально антропологический характер.

Определение информации, ее формы и носители

Как результат выстраивается следующая классификационная сетка:

1. *Бесконтекстная информация* технического типа.
2. *Контекстная информация* биологического типа.
3. *Сверхконтекстная информация* антропологического типа.

Отсюда вытекает следующее определение: *информация — это поток сведений, опосредствующий взаимодействие агентов живых систем в соответствии со степенью развития их способности осуществлять интерпретацию этих сведений.*

Носителем *бесконтекстной* информации являются *сигналы*; их специфика наиболее проявляется на уровне достаточно сложных феноменов неживой *искусственной* природы — автоматов, когда сигналы — потоки вещества и энергии, сведенные к заданным параметрам, — осуществляют дозированное воздействие одной технической системы на другую (например, в виде изменения светового потока, запускающего систему оповещения). Носителем *контекстной* информации являются *знаки* — сигналы особого рода, специфика которых состоит в том, что они требуют интерпретации и возникают на уровне живой природы. На уровне культуры в составе знаков выделяется *смысл* — носитель *сверхконтекстной* информации, которая определяет человеческого индивида как существо, не только соотносимое с потребностями той или иной социальной группы, но и обладающее уникальной — личностной — ценностью.

Что касается неживой *естественной* природы, то там осуществляется прямой массэнергетический обмен, не имеющий сигнального характера. *Сигналы* есть только в живой природе и в культуре, но если в природе они не требуют расшифровки, действуя на животных рефлекторно, то при взаимодействии людей они выступают в качестве *одного из видов знаков — условных*, т.е. требующих расшифровки и предполагающих однозначное прочтение: «Сигналы обладают означаемым, но они не способны дать новую семиотическую конструкцию» [8, с. 298]. Весьма доступно сказано об этом у В.В. Маяковского в поэме «Хорошо!»:

«...бабахнула
шестидюймовка Авророва.
И вот
еще
не успела она
рассыпаться,
гулка и грозна, —
над Петропавловкой
взвился
фонарь,
восстанья
условный знак»
(курсив наш. — В.Р., С.Д.).

Все три вида информации существуют в культуре, но реализуются в разных ситуациях. *Бесконтекстная информация* обращена к человеку как исполнителю жестко заданной функции, когда он поставлен в положение «говорящего орудия», направляемого *сигналами*, например, в виде приказа. *Контекстная информация*, выражаемая *знаками*, обращена к человеку как исполнителю конкретной специализированной функции в составе

социума. *Сверхконтекстная информация*, воплощаемая в *смыслах*, обращена к человеку как субъекту культуры и задействуется им при проявлении творческой активности — в процессе создания нового, в момент постижения смысла бытия, при восприятии произведений искусства и пр.

Антропологический аспект кибернетики

Но в современном информационном концепте человек представлен лишь единственным измерением — *бесконтекстным*.

По причине этой одномерности кибернетика «не берет» человека: она интерпретирует его инструментально — так, как это либо *всегда должно происходить* в исправных технических системах, функционирующих на основе *бесконтекстной* информации, либо так, как это *иногда происходит* в системах живой природы и культуры, если составляющие их особи поставлены в условия, которые предписывают им «запрограммированный» образ действий.

Поэтому главный недостаток кибернетической теории состоит отнюдь не в том, что как якобы «реакционная лженаука» она «рассматривает психофизиологические и социальные явления по аналогии с электронными машинами и приборами» [17, с. 237]; напротив, именно в этом и состоит ее ценность, ибо данная аналогия позволяет сначала понять, что же именно «технического» есть в системах природы и культуры, а потом от моделировать это «техническое» в виде автоматических устройств и тем самым разгрузить человека для более достойной его — творческой — формы активности. Ограниченность кибернетического подхода заключается в том, что объективно существующий изоморфизм систем техники, природы и культуры фиксируется на языке *исключительно бесконтекстной* информации и потому блокирует какие-либо «внетехнические» подходы к постижению и живой природы, и человека, принуждая рассматривать все проявления их жизнедеятельности по модели, соответствующей достигнутому уровню научных знаний и инженерного искусства, вплоть до нынешнего отождествления мыслительной способности человека с операциональными возможностями компьютера последнего образца.

Вообще на протяжении всей предшествовавшей истории инновационно-творческая — опосредствуемая *сверхконтекстной* информацией — активность человека оставалась вне сферы систематической рефлексии и по этой причине либо прорастала стихийными, малопонятными всплесками «интуиции», «талантливости», «гениальности», либо вообще расценивалась как помеха, нарушающая исправное функционирование социальных систем и потому подлежащая искоренению. Во все эпохи и

при всех порядках человек сводился к исполнению конкретной специализированной функции в различных ее воплощениях: «говорящее орудие», «рабочий», «человеческий фактор», «креативный специалист», «агент действия», «актор коммуникации» и т.д. И хотя подобное положение вызывало нараставшее по ходу истории неприятие (выразившееся в знаменитом положении Канта, что человек является целью, а не средством), потребности социальной практики неизменно заставляли редуцировать человека к орудью, деятельность которого направляется *бесконтекстной* или *контекстной* формой информации. Подобная установка явно или косвенно была заложена и во все претендовавшие на научное постижение его сущности программы — от рефлекторной теории Декарта и моделей Кабаниса и Ламетри до естественно-научной психологии XIX в., рефлексологических штудий первой половины XX в., проектов по созданию искусственного интеллекта и электронного мозга во второй его половине и вплоть до новейшей нейронауки XXI в.

В кибернетике же данная редукционистская установка лишь проявилась исчерпывающим образом, хотя сами разработки в области кибернетики и теории информации содержали предпосылки для принципиально иных возможностей.

Плоды кибернетического подхода

Однако в середине XX в., на пике научно-технической революции осознать данное обстоятельство было сложно. Тем более затруднительно было помыслить о какой-либо серьезной оппозиции кибернетическому концепту, прочно утвердившемуся и по «ту сторону» тогдашнего «железного занавеса» (где кибернетика возникла), и по «эту» (где поначалу гремели грозные критические голоса в ее адрес, но усиленной государственной поддержкой пользовались именно те направления, в которых явственно доминировала кибернетическая составляющая: достаточно назвать математическую школу А.Н. Колмогорова или физиологическую школу П.К. Анохина).

Более того, установка трактовать информацию «обобщенно, в отвлечении от конкретной физической природы (курсив наш. — В.Р., С.Д.) рассматриваемых систем» [18, с. 166] обрела в Советском Союзе статус идеологической доктрины, когда «всё сущее было признано кодированной информацией» [19, с. 222]. Вот пример из одного учебника по марксистско-ленинской диалектике: «С точки зрения процессуальной формы информацией являются и процессы, опосредствующие отношение системы управления к окружающему миру, и процессы, совершающиеся внутри самоуправляющейся системы, и результат взаимодействия как образы объек-

тов внешнего мира. Информация тем самым раскрывается и как отношение системы самоуправления с внешним миром, и как определенное отражение, моделирующее внешнее явление в системе действий, а также во внутренних процессах, например, в нейродинамических моделях мозга, и как актуально значимое знание» [20, с. 32]. Цитированный отрывок принадлежит Д.И. Дубровскому, одному из участников знаменитой философской дискуссии «Дубровский – Ильенков», в 60-е гг. XX в. выступавшему в качестве ярого адепта кибернетики, а ныне активно продвигающему идеи трансгуманизма.

Конечно, достижения того периода не исчерпались подобными пассажами, но при утвердившихся односторонних взглядах на информацию какое-либо качественное различие природных, культуральных и технических систем действительно представлялось несущественным, а отождествление живого и неживого, естественного и искусственного, человеческого и технического, напротив, выглядело вполне обоснованным и допустимым. Даже неортодоксально мысливший В.В. Налимов писал: «Некоторые авторы считают, что любая функционирующая система, способная получать и использовать информацию, идущую от среды или вносить ее в среду, может быть квалифицирована как обладающая сознанием. Такое расширенное представление о сознании приведет к тому, что придется говорить о сознании как о феномене, который еще может и не обладать смыслами. Мне кажется, что в этом случае лучше пользоваться термином “квазисознание”...» [21, с. 87–88].

Об этой же редукционистской тенденции говорил в ту пору и М. Хайдеггер, который в абсолютизации информационно-кибернетического подхода усматривал опасность узкоинструментального, манипулятивного отношения к миру. Относительно одной публикации по молекулярной биологии, в которой абсолютизация *бесконтекстной* формы информации выражалась особенно отчетливо, он высказался в недвусмысленно критическом духе, хотя и на своем специфичном философском языке: «Статья с её ясным независимым изложением, и в самом деле, показательна странным отождествлением чисто химических процессов и событий языкового сообщения. В качестве того, что определяет тождественность, выделена информация. В соизмерении с ней присущее казанию раскрывающее сообщение умалывается до простой очерёдности вызывающих друг друга процессов и, одновременно, течение химических процессов завьшается по своему статусу до сообщений. И это умаление, и это завьшение предполагают, что во внимание не принимается специфический характер предметной сферы (материально-энергетические процессы и языковое

событие), — не принимается по причине взгляда на информацию, *который всё другое исключает*. Таковая отличается отношением взаимных регуляций. Последние, в свою очередь, являются единственным, что принимается во внимание в проекте, чтобы таким образом *обеспечить сплошную управляемость всем*» (курсив наш. — В.Р., С.Д.) [22, с. 365–366]. Но к его предостережениям не отнеслись тогда серьезно ни на «буржуазном Западе», где Хайдеггера относили к «метафизикам», «консерваторам», а порой и к «сторонникам нацизма», ни в странах «реального социализма», где Хайдеггер проходил по ведомству «реакционных теоретиков» и «противников общественного прогресса».

В социальной сфере кибернетический концепт информации оформился в виде «менеджеризма», согласно которому управлять людьми можно точно так же, как вещами и составными частями механизма, причем, чем больше можно уподобить людей бессловесным роботам-автоматам, тем лучше. Поэтому, несмотря на бравые заявления, что «прямым следствием интенсификации информационных процессов является ускоренное развитие человеческого потенциала, повышение уровня образованности и информированности людей и через это — формирование все расширяющегося социально, политически и экономически активного слоя населения» [23, с. 324], на практике все усилия по созданию лишнего социальных антагонизмов «информационного общества» свелись к мероприятиям сугубо технического свойства — к совершенствованию средств производства, накопления и трансляции *бесконтекстной* информации, оформленной в виде математизированных концептов и представленной как «информационный ресурс», «банк данных», «супер-символическая система общественного богатства» (Э. Тоффлер) и т.д. Человек как творец — а не как робот — оказался в стороне.

Заключение

И все же можно отметить и результаты позитивного свойства. Если лет десять назад ставка на сугубо технологическую сторону в деле формирования оптимально устроенного социума еще могла вызывать некоторое доверие, то сегодня, во втором десятилетии XX в., на фоне невиданно острых кризисных тенденций, обозначившихся буквально во всех сферах современного общечеловеческого общества, не приходится более сомневаться, что процесс простого наращивания «информационного ресурса» по классической кибернетической модели в рамках одномерного представления о феномене информации не только не способствует дестандартизации, демассификации, дебиюкратизации (в чем убеждали и продолжают убеждать общество апологеты «технотронной эры»), но, напротив, не-

виданно усугубляет социальную заформализованность и бюрократизм, порождает опасную некомпетентность, плодит безответственность и в конечном счете делает современный социум все менее управляемым. В то же время эти негативные тенденции свидетельствуют о том, что прежнее механистическое и редукционистское миропонимание равно как и сугубо инструментальное использование человека уже полностью перестают соответствовать достигнутому уровню развития культуры, качеству научного знания и сложности всей общественной жизни. Вместе с этим ограниченность прежних трактовок феномена информации становится весьма наглядной, а потребность в их пересмотре — крайне актуальной. Опыт подобной теоретической корректировки понятия информации на примере систем живой природы и культуры и был предпринят в данной работе.

Список литературы

1. *Краткий философский словарь* / под ред. д.ф.н. А.П. Алексеева. М.: Проспект, 1997. 400 с.
2. *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* М.: Мысль, 2010. Т. 2. 634 с.
3. *Современный толковый словарь русского языка* / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 960 с.
4. *Русский ассоциативный словарь: в 2 т.* М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. 784 с.
5. *Украинцев Б.С.* Самоуправляемые системы и причинность. М.: Мысль, 1972. 284 с.
6. *Брокгауз Ф.* Философия: Концепции, мыслители, понятия: пер. с нем. СПб.: Амфора: РХГА, 2010. 423 с.
7. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
8. *Современный философский словарь* / под ред. проф. В.Е. Кемерова. Лондон; Франкфурт н/М; Париж; Люксембург; Москва; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
9. *Силин А.А.* Живое в концепциях информационных отображений // *Биофилософия* / отв. ред. А.Т. Шаталов. М.: ИФРАН, 1997. 264 с.
10. *Лачинов В.М., Поляков А.О.* Информодинамика или Путь к Миру открытых систем. СПб.: Изд. СПбГТУ, 1999. 431 с.
11. *Гурвич А.Г.* Принципы аналитической биологии и теория клеточных полей. М.: Наука, 1991. 288 с.
12. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Тайдекс, 2002. 278 с.
13. *Философский энциклопедический словарь.* 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1989. 815 с.
14. *Человек.* Философско-энциклопедический словарь. М.: Наука, 2000. 516 с.
15. *Бауэр Э.С.* Теоретическая биология. СПб.: Росток, 2002. 352 с.
16. *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 908 с.
17. *Краткий философский словарь* / под ред. М. Розенталя, П. Юдина. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1954. 704 с.
18. *Философский словарь* / под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд. М.: Политиздат, 1986. 560 с.
19. *Кутырев В.А.* Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алетейя, 2009. 264 с.
20. *Алексеев А.А., Коршунов А.М.* Диалектика процесса познания. М.: Изд-во МГУ, 1985. 367 с.
21. *Налимов В.В.* В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб.; М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
22. *Хайдеггер М.* Цолликоновские семинары. Вильнюс: ЕГУ, 2012. 406 с.
23. *Всемирная энциклопедия: Философия.* / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М.: АСТ; Минск: Харвест: Современный литератор, 2002. 976 с.

Получено 22.12.2016

References

1. *Kratkiy filosofskiy slovar' / pod red. A.P. Alekseeva* [Brief Philosophical Dictionary / ed. by A.P. Alekseev]. Moscow, Prospekt Publ., 1997, 400 p. (In Russian).
2. *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t.* [New Encyclopedia of Philosophy: in 4 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 2010, vol. 2, 634 p. (In Russian).
3. *Sovremenniy tolkoviy slovar' russkogo yazyka / gl. red. S.A. Kuznetsov* [Modern Dictionary of Russian language / ed. by S.A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2004, 960 p. (In Russian).
4. *Russkiy assotsiativniy slovar': v 2 t.* [Russian associative dictionary: in 2 vol.]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2002, vol. 1, 784 p. (In Russian).
5. *Ukrainsev B.S. Samoupravlyaemye sistemy i prichinnost'* [Self-managing system and causality]. Moscow, Mysl' Publ., 1972, 284 p. (In Russian).
6. *Brockhaus F. Filosofiya: Kontseptsii, mysliteli, ponyatiya* [Philosophy: Ideas, Thinkers and Concepts]. Saint Petersburg, Amfora: RHGA Publ., 2010, 423 p. (In Russian).
7. *Kastels M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, HSE Publ., 2009, 608 p. (In Russian).
8. *Sovremenniy filosofskiy slovar' / pod red. prof. V.E. Kemerova* [Modern philosophical dictionary / ed. by V.E. Kemerov]. London, Frankfurt am Main, Paris, Luxembourg, Moscow, Minsk, Panprint Publ., 1998, 1064 p. (In Russian).
9. *Silin A.A.* [Living in the concepts of information maps]. *Biofilosofiya* [Biophilosophy]. Moscow, IPh RAS Publ., 1997, 264 p. (In Russian).
10. *Lachinov V.M., Polyakov A.O. Informodinamika ili Put' k Miru otkrytykh sistem* [Information Dynamics or the path to the world of open systems]. Saint Petersburg, SPbSTU Publ., 1999, 431 p. (In Russian).

11. Gurvich A.G. *Printsipy analiticheskoy biologii i teoriiya kletochnykh poley* [Principles of analytical biology and cell fields theory]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 288 p. (In Russian).
12. Viner N. *Kibernetika i obschestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow, Taydeks Publ., 2002, 278 p. (In Russian).
13. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Soetskaya encyclopedia Publ., 1989, 815 p. (In Russian).
14. *Chelovek. Filosofsko-entsiklopedicheskiy slovar'* [Human. Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 2000, 516 p. (In Russian).
15. Bauer E.S. *Teoreticheskaya biologiya* [Theoretical biology]. Saint Petersburg, Rostok Publ., 2002, 352 p. (In Russian).
16. Marx K. [Capital]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vol.]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1960, vol. 23, 908 p. (In Russian).
17. *Kratkiy filosofskiy slovar' / pod red. M. Rozentalya, P. Yudin* [Brief Philosophical Dictionary / ed. by M. Rosental, P. Yudin]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954, 704 p. (In Russian).
18. *Filosofskiy slovar' / pod red. I.T. Frolova* [Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolov]. Moscow, Politizdat Publ., 1986, 560 p. (In Russian).
19. Kutyrev V.A. *Chelovecheskoe i inoe: borba mirov* [Human and other: war of the worlds], Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2009, 264 p. (In Russian).
20. Alekseev M., Korshunov A. *Dialektika protsessa poznaniya* [Dialectics of the cognitive process]. Moscow, MSU Publ., 1985, 367 p. (In Russian).
21. Nalimov V.V. *V poiskakh inykh smyslov.* [Looking for other meanings]. Saint Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2013, 464 p. (In Russian).
22. Heidegger M. *Tsollikonovskie seminary* [Zollikon Seminars]. Vilnius, ESU Publ., 2012, 406 p. (In Russian).
23. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya / gl. nauch. red. i sost. A.A. Gritsanov* [The World Encyclopedia of Philosophy / scient. ed. and comp. A.A. Gritsanov]. Moscow, AST Publ., Minsk, Kharvest Publ., 2002, 976 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 22.12.2016

Об авторах

Рыбин Владимир Александрович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: 0000-0002-3343-1048

Денискин Сергей Александрович

кандидат философских наук, доцент
кафедры философии

Челябинский государственный университет,
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129;
e-mail: argon01@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7384-3709

About the authors

Rybin Vladimir Alexandrovich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: wlad@csu.ru
ORCID: 0000-0002-3343-1048

Deniskin Sergey Alexandrovich

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Chelyabinsk State University,
129, Kashirin brothers str., Chelyabinsk,
454001, Russia;
e-mail: argon01@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7384-3709

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Рыбин В.А., Денискин С.А. Феномен и понятие информации: опыт интерпретации на примере систем природы и культуры // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 5–13.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-5-13

Please cite this article in English as:

Rybin V.A., Deniskin S.A. The phenomenon and the concept of information: the experience of the interpretation of the example of biological and cultural systems // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 1. P. 5–13. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-5-13

УДК 13:17.036.12

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-14-19

ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗА ЖИЗНИ И БОЛЕЗНИ

Изуткин Дмитрий Анатольевич, Смирнова Наталия Евгеньевна

Нижегородская государственная медицинская академия

Образ жизни является детерминантом значительной части болезней. В то же время болезни определяют специфику образа жизни. Подобного рода взаимосвязь является определяющей в жизнедеятельности человека, она формирует специфическую реальность его бытия. По мере поэтапного, непрерывного усложнения общественной материи образ жизни становится аккумулятором значительного количества патогенных факторов.

В настоящей статье предпринимается попытка философской эвристики некоторых сущностных механизмов, на которых фундируется взаимообусловленность образа жизни и болезни. Авторы анализируют специфику эссенциальной трансформации образа жизни под влиянием болезни. Вводится понятие «редуцированный образ жизни» (т.е. биологически и социально ограниченный).

Образ жизни представляет собой интегральное производное от способов жизнедеятельности человека. В его основе лежат как минимум четыре сущностных принципа: синергизм, системность, соразмерность, самость. Он выполняет организационную, стабилизационную и адаптивную функции.

Отмечается, что следствием болезни является изменение образа жизни путем трансформации его функциональных структур, которое направлено на снижение биосоциального тонуса и активной деятельности человека. Происходит смена его функциональных структур под влиянием болезни, где образ жизни приобретает редуцированные черты.

Ключевые слова: образ жизни, способ жизнедеятельности, патологический процесс, болезнь, биологическая и общественная материя, синергизм, системность, соразмерность, самость, редуцированный образ жизни.

PHILOSOPHICAL CONCEPTUAL ASPECTS OF INTERCONNECTION OF LIFESTYLE AND DISEASE

Dmitriy A. Izutkin, Natalia E. Smirnova

Nizhny Novgorod State Medical Academy

Most diseases are determined by lifestyle. Interconnection between them is determinative for people's life processes and shapes a certain individual reality of their existence. As a result of the gradual and continuous increase of societal complexity, the lifestyle comes to accumulate a considerable number of pathogenic factors.

Present article attempts to make philosophical heuristic of some mechanisms which cause interrelation between lifestyle and diseases. The article contains a study of the peculiarities of essential transformation of the lifestyle under the influence of a disease. A term «restricted lifestyle» (biologically and socially limited) is introduced.

The lifestyle is an integral derivative of human life processes mode. It fulfills an organizing, stabilizing and adaptive function. The lifestyle is based on four essential principles: synergism, systemacy, commensurateness and selfness.

It is undermined that the consequence of a disease is a changed lifestyle through the transformation of its functions, which decrease the person's biological and social activity. The outcome is the formation of a «restricted lifestyle» which involves natural and social limitations.

Keywords: lifestyle, life process, pathological process, disease, biological and social matter, synergism, systemacy, commensurateness, self, «restricted lifestyle».

Введение

Образ жизни оказывает существенное влияние на психофизиологическое состояние человека. В настоящее время он является главным фактором, детерминирующим болезни. Выступая в качестве структурных элементов категориальной сетки бытия, взаимообусловленность образа жизни и болезни формирует специфику повседневной реальности человека. Этим объясняется актуальность исследования и разработки концептуальных аспектов взаимосвязи образа жизни и болезни, которые движутся от конкретных концептуальных положений исследуемого объекта к положениям абстрактным, более полно раскрывающим сущность исследуемого объекта.

Концептуальные аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни выступают в качестве абсорбента философских проблем жизнедеятельности человека как существа биосоциального. Их четкое представление способствует формированию приоритетности в изучении общих процессов и явлений, связанных с активной деятельностью человека, приводящей к болезненному состоянию или ее снижению по причине болезни. Больной человек вынужден приспосабливаться к условиям окружающей действительности, вырабатывая определенные формы и способы жизнедеятельности в процессе своего болезненного состояния. Философские аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни раскрывают целый комплекс вариативной деятельности субъекта, с помощью которого он пытается выразить и реализовать себя как личность.

В науке разрабатывались некоторые аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни, в основе которых лежали разнородные по своей сущности критерии. Так, могут быть выделены культурно-антропологический, социально-исторический, социологический, нормативный, адаптационный и другие аспекты образа жизни, предполагающие его влияние на состояние здоровья человека. Они достаточно хорошо представлены в отечественных [1–12] и зарубежных [13–18] исследованиях, в значительной степени социального характера, т.е. с позиций влияния общественной среды на состояние здоровья человека. Однако анализ научных работ показывает, что на данный момент отсутствуют труды, посвященные концептуальным аспектам социально-философского понятия взаимосвязи образа жизни и болезни как имплицитной основы способов жизнедеятельности субъекта на биологическом и социальном уровнях, где, с одной стороны, образ жизни может стать детерминантом патологического процесса, а с другой — болезнь будет способствовать качественной трансформации всей структуры образа жизни. В силу этого *цель* статьи заключается в *идентификации и обосновании философских аспек-*

тов взаимосвязи образа жизни и болезни как априорной, т.е. заранее предопределенной пространством жизненного мира организации способов биологического и социального бытия в пределах пространственно-временного континуума, фундирующей на всеобщих философских принципах. Реализация поставленной цели подчинена решению ряда конкретных задач: выявить сущностные основы образа жизни и его функции в пространстве бытия; обозначить механизмы влияния образа жизни на развитие патологических процессов и возникновение болезни; раскрыть особенности трансформации образа жизни под влиянием болезни.

Методологическую базу исследования составляют: *системно-целостный подход*, позволяющий рассматривать взаимосвязь образа жизни и болезни как интегративную структуру в жизнедеятельности человека; *диалектический метод* используется при изучении противоречий между биологическим и социальным, объективным и субъективным, что способствует выявлению некоторых закономерностей во взаимосвязи образа жизни и болезни; *аксиоматический метод* предполагает выстраивание концепции образа жизни и болезни исходя из общих философских, теоретических положений о каждом из этих явлений.

Сущностные основы образа жизни

В контексте нашего социально-философского анализа взаимосвязь образа жизни и болезни образ жизни позиционируется в качестве имплицитно-фоновой, структурообразующей, динамичной части природной и искусственно созданной реальности. Заключая в себе совокупность всеобщего деятельного опыта, он обладает имманентным свойством постепенно аккумулироваться в пространственно-временном континууме, проявляясь в особенном и единичном. Под влиянием биологических и общественных законов динамики материи образ жизни бесконечно трансформируется в новое качественное состояние, придавая ему качественно новую форму бытия. С другой стороны, его биологические составляющие (генотип человека, психофизиологические, физические особенности, биоритмы организма) обладают качеством устойчивости и консервативности. Специфика образа жизни определяется содержанием и уровнем организации телесной субстанции человека. В результате образ жизни и болезнь представляются как *возможность и условие бытия*. Другими словами, тот или иной образ жизни с точки зрения возможности возникновения болезни не проявляется в сформировавшемся виде, а существует *a priori* как вариации *нереализованной возможности*, одна из которых под воздействием определенных *условий* воплощается в *действительность*.

Образ жизни подчинен глобальным законам развития биологической материи и социального бытия, но в то же время он неотъемлем от повседневных индивидуальных практик субъекта, воплощая в себе, по справедливому замечанию А.В. Мартыненко, «синтез социально типичного и индивидуально неповторимого в поведении, общении и складе мышления отдельного человека» [19, с. 136]. В результате пространство биологического и социального бытия, а также способов жизнедеятельности субъектов обуславливают объективно сложившийся образ жизни.

Исходя из вышесказанного, *образ жизни представляет собой интегральное производное процесса жизнедеятельности субъекта, образуемое посредством непрерывной бесконечной трансформации биологической и общественной материи, детерминированной взаимосвязью объективного и субъективного в их единстве и борьбе как противоположностей. Образ жизни как процесс динамичен настолько, насколько изменяемо его интегральное производное.* В этом случае закономерные связи биологического и общественного бытия, совокупность практических деятельностей, реализуемых субъектом в объективном пространстве его природной и искусственной реальности, имеют своим следствием трансформацию образа жизни. Образ жизни обеспечивает *организацию* (процесс создания структуры и системы жизнедеятельности человека на биологическом и социальном уровне), *регуляцию* (соразмерность в реализации социальных потребностей биологическим оптимальным возможностям и наоборот) и *адаптацию* (приспособление человека к условиям объективной действительности) *способов и форм жизнедеятельности человека* к окружающей, в частности, социальной среде.

Влияние образа жизни на возникновение болезни

Образ жизни включает в себе несколько существенных принципов или закономерностей, генерирующих патологические процессы.

Во-первых, принцип *синергизма*, в основе которого лежит количественное накопление объективно присутствующих в содержании образа жизни девиационных элементов, задающих тенденцию к развитию патологических состояний. Аккумуляцию аномальных компонентов следует рассматривать как сложное взаимодействие неблагоприятных для здоровья объективных (социальных, экономических, экологических и др.) условий и субъективных (индивидуальные практики) стимулов, о чем говорилось выше. Это дает основание полагать, что образ жизни есть вариативная, вероятностная структура, функционирующая на грани здоровья и болезни.

Во-вторых, принцип *системности*, предполагающий *взаимосвязь статики и динамики, где ригидное*

биологическое и подвижное социальное вступают в противоречие, но реализуются как целостная, непрерывно развивающаяся система. «Упругость и сопротивляемость изменениям внешней среды свидетельствует в пользу того, что образ жизни обладает некоторым системным свойством, где все составляющие тесно взаимосвязаны, и даже локальное изменение отражается на функционировании всей системы, выводя ее из привычного равновесия» [9, с. 9].

В-третьих, принцип *соразмерности имеет в своей основе нарушение баланса биологического и социального. Общественная, социальная материя, как наиболее подвижная в структуре образа жизни, прибывает в состоянии диссонанса с его ригидными биологическими законами, следствием чего является возникновение патологических процессов.*

В-четвертых, принцип *самости* представляется как выражение *самобытной, уникальной организации человеческой деятельности* на уровне индивида в результате практической реализации биологических и социальных потребностей на определенном этапе исторического развития. Так, образ жизни первобытного человека был подчинен удовлетворению первичных потребностей и характеризовался природным однообразием, что определяло профиль заболеваний (травмы, пищевые отравления, инфекционные заболевания, а также костные патологии) [20; 21, с. 70; 22, с. 47–49]. Другими словами, *самость образа жизни* обуславливалась природными законами. По мере развития общественной материи происходят изменения социально-экологического порядка, когда наряду с естественными возрастает роль социальных потребностей. В результате объективно преодолевается тот «физиологический предел выносливости по отношению к любому фактору среды, за границей которого этот фактор будет неизбежно угнетающе влиять на здоровье» [23, с. 99].

Влияние болезни на образ жизни

Влияние болезни на образ жизни сопряжено со *снижением активной биосоциальной деятельности человека.* Диапазон деятельной вариативности ограничивается болезненным состоянием. В ответ на изменившееся под влиянием болезни функциональное состояние организма интегральное производное на уровнях биологического и социального перестраивается и вырабатывает качественно новую «программу» жизнедеятельности индивида, трансформируя *целеустановки* субъекта. Это происходит объективно, в силу того что жизнедеятельность, присущая здоровому образу жизни, в состоянии болезни не только затруднительна, но и деструктивна для человеческого организма. Трансформация образа жизни в данных условиях осуществляется путем изменения его определенных фундаментальных, функциональных структур. *Организационная функция* способствует разру-

шению прежних структур образа жизни и формированию новых, отвечающих специфике болезни и ценностным ориентациям больного индивида. *Стабилизацию нарушенной соразмерности* между биологическими возможностями и социальными потребностями выполняет *регулятивная функция путем снижения биологической и социальной активности субъекта*. Выработка *адекватных механизмов взаимодействия больного организма с окружающей средой при возможности сохранения отдельных структур «прежнего» образа жизни* является задачей *адаптивной функции*. В результате формируется *редуцированный образ жизни*, т.е. ограниченный в биологическом и социальном пространстве.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что в основе философских концептуальных аспектов взаимосвязи образа жизни и болезни находятся как минимум четыре принципа: *синергизм, системность, соразмерность, самость*. Смысловые, комплексные связи между ними позволяют раскрыть сущностные аспекты взаимообусловленности образа жизни и болезни. Трансформация интегрального производного образа жизни путем метаморфозы его функциональных структур реализуется на биологическом и социальном уровнях путем взаимодействия объективных условий жизнедеятельности и субъективных стимулов. Концептуальные аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни выступают в качестве универсального способа понимания этих процессов, предполагающих негативное влияние образа жизни на состояние здоровья и формирование в итоге редуцированного образа жизни.

Список литературы

1. *Бестужев-Лада И.В.* Опыт типологии социальных показателей образа жизни // Социологические исследования. 1980. № 2. С. 3–9.
2. *Бестужев-Лада И.В.* Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социалистического общества и всестороннее развитие личности / отв. ред. Л.П. Буева. М.: Наука, 1983. 142 с.
3. *Власов П.П., Спицкий С.В., Орлова М.В.* Социальная экология: общество и окружающая среда: учеб. пособие. СПб.: СПбГУТД, 2010. 154 с.
4. *Возмитель А.А., Осадчая Г.И.* Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 58–65.
5. *Изуткин А.М., Царегородцев Г.И.* Социалистический образ жизни и здоровье населения в свете решений XXV съезда КПСС. М.: Медицина, 1977. 232 с.
6. *Изуткин Д.А.* Концептуальные основы взаимосвязи образа жизни и здоровья: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2005. 356 с.
7. *Изуткин Д.А.* Философия взаимосвязи образа жизни и здоровья. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. 204 с.
8. *Касимов Р.А.* О нормативной модели здорового образа жизни // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 2(38). С. 161–170.
9. *Мельникова Н.Н.* Образ жизни и его адаптивная функция // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. № 5(138). С. 41–48.
10. *Народное благосостояние: методология и методика исследования* / отв. ред. Н.М. Римашевская, Л.А. Оников. М.: Наука, 1988. 180 с.
11. *Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни. Вопросы методологии и методов исследования* / отв. ред. И.Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980. 197 с.
12. *Чижов А.Я.* Современные проблемы экологической патологии человека: учеб. пособие. М.: РУДН, 2008. 611 с.
13. *Clark F., Carlson M., Zemke R., Frank G. et al.* Life domains and adaptive strategies of a group of low-income well older adults // The American Journal of Occupational Therapy. 1996. № 50(2). P. 99–108. DOI: 10.5014/ajot.50.2.99.
14. *Currie C., Amos A., Hunt S.M.* The incidence and correlates of health related behavioral change // Public Health. 1990. № 104. P. 335–344. DOI: 10.1016/s0033-3506(05)80526-8.
15. *Fourié J., Steyn K., Temple N.J.* South African Medical Research Council. Chronic diseases of lifestyle: in South Africa: 1995–2005. Tygerberg: Medical Research Council, 2006. 264 p.
16. *Slater C., Carlton B.* Behavior, lifestyle, and socioeconomic variables as determinants of health status: Implications for health policy development // American Journal of Preventive Medicine. 1985. № 1. P. 25–33.
17. *Sorensen G.* Promoting healthy eating patterns to the worksite: The Treatwell intervention model // Health Education Research. 1990. № 5. P. 505–515. DOI: 10.1093/her/5.4.505.
18. *Wickrama K., Conger R., Lorenz F.O.* Work, marriage, lifestyle, and changes in men's physical health // Journal of Behavioral Medicine. 1995. № 4. P. 97–111. DOI: 10.1007/bf01857863.
19. *Мартыненко А.В.* Здоровый образ жизни молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 136–138.
20. *Бужилова А.П.* Homo Sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 301 с.
21. *Орлова Э.А.* Социокультурное пространство обыденной жизни: метод. пособие. М.: ГАСК, 2002. 104 с.
22. *Прохоров Б.Б.* Социальная экология: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2012. 432 с.
23. *Базелюк Н.Н.* Социально-философские аспекты здоровья и здорового образа жизни // Вестник

Волгоградского государственного университета.
Серия 7: Философия. Социология и социальные
технологии. 2008. № 2. С. 237–239.

Получено 05.11.2016

References

- Bestuzhev-Lada I.V. [Typologies of Social Indices for a Society's Way of Life]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1980, no. 2, pp. 3–9. (In Russian).
- Bestuzhev-Lada I.V. [Essence, structure and typology of ways of life]. *Sotsialnaya struktura sotsialisticheskogo obschestva i vsestoronnee razvitie lichnosti* [Social structure of socialist society and comprehensive development of personality]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 142 p. (In Russian).
- Vlasov P.P., Spitskiy S.V., Orlova M.V. *Sotsialnaya ekologiya: obschestvo i okruzhayushchaya sreda* [Social Ecology: society and environment]. Saint Petersburg, SPbSUTD Publ., 2010, 154 p. (In Russian).
- Vozmitel A.A., Osadchaya G.I. [Way of life: theoretical and methodological foundations of analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2009, no. 8, pp. 58–65. (In Russian).
- Izutkin A.M., Tsaregorodtsev G.I. *Sotsialisticheskiy obraz zhizni i zdorov'ye naseleniya v svete resheniy XXV sezda KPSS* [Socialist way of life and the health of people according to decrees of XXV Congress of the Communist Party of USSR]. Moscow, Meditsina Publ., 1977, 232 p. (In Russian).
- Izutkin D.A. *Konceptual'nye osnovy vzaimosvyazi obraza zhizni i zdorov'ya: dis. ... d-ra filos.nauk* [Conceptual bases of interrelation of a way of life and health: dissertation for the degree of Doctor of Philosophy]. N. Novgorod, 2005, 356 p. (In Russian).
- Izutkin D.A. *Filosofiya vzaimosvyazi obraza zhizni i zdorov'ya* [Philosophy of correlation between way of life and health], N. Novgorod, NNSU Publ., 2005, 204 p. (In Russian).
- Kasimov R.A. [On the normative model of a healthy lifestyle]. *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2015, no. 2(38), pp. 161–170. (In Russian).
- Melnikova N.N. [Way of life and its adaptive function]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series Psychology], 2009, no. 5(138), pp. 41–48. (In Russian).
- Narodnoe blagosostoyanie: metodologiya i metodika issledovaniya / otv. red. N.M. Rimashevskaya, L.A. Onikov* [National Welfare: methodology and method of a research / ed. by N.M. Rimashevskaya, L.A. Onikov]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 180 p. (In Russian).
- Sostoyanie i osnovnye tendentsii razvitiya sovetskogo obraza zhizni. Voprosy metodologii i metodov issledovaniya / otv. red. I.T. Levykin* [Main tendencies and actual condition of soviet way of life development. Methodology and methods of research / ed. by I.T. Levykin]. Moscow, ISI AN USSR Publ., 1980, 197 p. (In Russian).
- Chizhov A.Ya. *Sovremennye problemy ekologicheskoy patologii cheloveka* [Modern problems of human ecological pathology]. Moscow, RUDN Publ., 2008, 611 p. (In Russian).
- Clark F., Carlson M., Zemke R., Frank G. et al. Life domains and adaptive strategies of a group of low-income well older adults. *The American Journal of Occupational Therapy*, 1996, no. 50(2), pp. 99–108. DOI: 10.5014/ajot.50.2.99. (In English).
- Currie C., Amos A., Hunt S.M. The incidence and correlates of health related behavioral change. *Public Health*. 1990, no. 104, pp. 335–344. DOI: 10.1016/s0033-3506(05)80526-8. (In English).
- Fourié J., Steyn K., Temple N.J. South African Medical Research Council. Chronic diseases of lifestyle: in South Africa: 1995–2005. Tygerberg: Medical Research Council, 2006. 264 p. (In English).
- Slater C., Carlton B. Behavior, lifestyle, and socioeconomic variables as determinants of health status: Implications for health policy development. *American Journal of Preventive Medicine*. 1985, no. 1, pp. 25–33. (In English).
- Sorensen G. Promoting healthy eating patterns to the worksite: The Treatwell intervention model. *Health Education Resesarch*. 1990, no. 5, pp. 505–515. DOI: 10.1093/her/5.4.505. (In English).
- Wickrama K., Conger R., Lorenz F.O. Work, marriage, lifestyle, and changes in men's physical health. *Journal of Behavioral Medicine*. 1995, no. 4, pp. 97–111. DOI: 10.1007/bf01857863. (In English).
- Martynenko A.V. [Youth's Healthy Way of Living]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge, Understanding. Skill]. 2004, no. 1, pp. 136–138. (In Russian).
- Buzhilova A.P. *Homo Sapiens. Istoriya bolezni* [Homo sapiens. History of Disease]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2005, 301 p. (In Russian).
- Orlova E.A. *Sotsiokulturnoe prostranstvo obydennoy zhizni* [Socio-cultural part of everyday life]. Moscow, GASK Publ., 2002, 104 p. (In Russian).
- Prokhorov B.B. *Sotsial'naya ekologiya: uchebnik dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya* [Social Ecology. Textbook for High School]. Moscow, Akademiya Publ., 2012, 432 p. (In Russian).
- Bazelyuk N.N. [Socio-philosophic aspects of health and healthy lifestyle]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sociologiya i social'nye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies]. 2008, no. 2, pp. 237–239. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 05.11.2016

Об авторах

Изуткин Дмитрий Анатольевич

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социально-гуманитарных наук

Нижегородская государственная медицинская
академия,

603005, Нижний Новгород, пл. Минина
и Пожарского, 10/1;

e-mail: dan55@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4423-3028

Смирнова Наталья Евгеньевна

аспирант кафедры социально-гуманитарных наук

Нижегородская государственная медицинская
академия,

603005, Нижний Новгород, пл. Минина
и Пожарского, 10/1

e-mail: galonatasha@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8699-7881

About the authors

Izutkin Dmitriy Anatol'evich

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Social
and Humanity Sciences

Nizhny Novgorod State Medical Academy,
10/1, Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod,
603005, Russia;

e-mail: dan55@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4423-3028

Smirnova Natalia Evgen'evna

Ph.D. Student of the Department of Social
and Humanity Sciences

Nizhny Novgorod State Medical Academy,
10/1, Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod,
603005, Russia;

e-mail: galonatasha@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8699-7881

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Изуткин Д.А., Смирнова Н.Е. Философские концептуальные аспекты взаимосвязи образа жизни и болезни // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 14–19.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-14-19

Please cite this article in English as:

Izutkin D.A., Smirnova N.E. Philosophical conceptual aspects of interconnection of lifestyle and disease // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 14–19. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-14-19

УДК 17.022

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-20-28

ТЕОРИИ ЦЕННОСТЕЙ И ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Нагой Фатима Нурдиновна

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Волгоградский филиал)*

Статья посвящена обоснованию взаимозависимости проблемы целостности личности и ответов на методологические вопросы аксиологии, возникших в классической и неклассической парадигме. Рассматриваются вопросы истории аксиологии с точки зрения определения ее предмета, основных категорий и направлений, функций, поиска единой методологии, создания общей и широкой типологии ценностей, позволяющей выходить на решение практических задач. Охарактеризованы причины повышенного интереса в рамках данной проблематики к философии И. Канта, а также теоретическая локализация ценностей в рамках классического подхода, создающая ценностную ситуацию, образованную тремя компонентами: оценивающим, оцениваемым и оцениванием, что привело к оформлению следующих концепций ценностей: субъективистской, субъектно-объективистской; объективистской и волюнтаристской трактовок.

Показано, что при существующей разнице акцентов указанные точки зрения в рамках классического подхода стремятся к единству, в то время как постнеклассические персоналистические модели являются их следствием и поддерживают плюрализм теорий в рамках теории ценностей. Обосновано положение о парадоксальности природы ценностей: источником ценностей выступает разум, одновременно человек действует в соответствии с изначальными экзистенциальными предпочтениями. Существенным фактором выступает несовпадение этического и практического аспектов, неоднозначность отношения этики норм и принципов и эмпирической этики, противоречивость процесса формирования этики ответственности. *Онтологический* аспект позволяет определить природу и выявить источники и способы функционирования ценностей; в *гносеологическом* аспекте ценность рассматривается как необходимый элемент процесса познания; в *антропологическом* аспекте ценности выступают в качестве результата экзистенциальных смыслов. В целом источником воспроизведения запроса на общую теорию ценностей и соответствующую единую методологию является личность и общество.

Ключевые слова: аксиология, деонтология, методология, истина, ценность, аксиологические теории, потребность, интерес, личность.

THEORIES OF VALUES AND PROBLEM OF INTEGRITY OF THE PERSON'S WORLDVIEW

Fatima N. Nagoy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd Branch)

The article examines the interdependence of issues of personal integrity and answers to methodological questions of axiology, which emerged in classical and non-classical paradigm. Article reviews the history of axiology from the standpoints of defining its subject, main categories and areas, functions, searching for a common methodology, creating a common and a broad typology of values, which provide the solution of practical problems. Author explains the reasons of the increased interest to philosophy of I. Kant, and describes theoretical localization of values according to the classical approach, which creates value situation formed by three components: estimator, estimate and estimation. In its turn, this approach forms such concepts of values as Subjective-objectivist; Objectivist and voluntaristic.

These opinions in the discourse of the classical approach tend to unity, while post-non-classical personalistic models appears as their result and support the pluralism of theories in the discourse of the theory of values. The article argues the statement about paradoxical nature of values: source of values is the mind and, at the same time, the person acts in accordance with the primordial existential preferences. A significant factor of this are the discrepancy between the ethical and practical aspects, the ambiguity of the relationship of ethical rules and principles of ethics

and the empirical, the contradictory process of formation of ethical responsibility. Ontological aspect allows to determine the nature and identify the sources and functions of values; in the epistemological aspect, the value is considered as an essential element of the process of cognition; in the anthropological aspect values are the result of existential meanings. Overall, the playback source query into a General theory of values and the corresponding common methodology is the personality and society.

Keywords: axiology, deontology, methodology, truth, value, axiological theories, need, interest, personality.

Сегодня дискуссия по проблеме ценностей вернула себе былое напряжение. Следует отметить, что основные причины такой актуализации находятся за границами философского пространства. В конце прошлого века было установлено и обосновано существование общечеловеческих ценностей в отечественной научной литературе, личность признавалась основным носителем ценностных установок, основной вопрос заключался в том, как сформировать человека с такой системой ценностей. В современной ситуации в качестве проблемы видится уже само существование общечеловеческих ценностей.

С начала прошлого века одновременно с изменением исторического контекста аксиологическая проблематика постепенно перемещалась в центр обсуждаемых философских проблем. В отечественной литературе этот процесс проявил себя позже, после ухода с доминирующих позиций концепции материалистического понимания истории, в рамках которой ценности являлись вторичными по отношению к объективному ходу общественно-исторического процесса. Логичным следствием такого подхода было обсуждение не природы, а механизмов формирования общечеловеческих ценностей. Относительно самостоятельную позицию занимали защитники самобытности национальных ценностей: национальное и общечеловеческое здесь легко объединялось, исследовательский интерес к их различению на практике отсутствовал. На какой-то период новым решением стало введение в оборот уточняющего понятия «всечеловеческие» ценности. В это время в рамках западной философской традиции обсуждались проблемы ценностного догматизма и релятивизма, возможность и необходимость освобождения науки от ценностных суждений и превращения этики и эстетики в науки, а также проблематика внерациональной природы ценностей.

Однако обоснованное признание исторического характера как самого понятия «ценность», так и собственно многообразных ценностей в современных условиях не привело к отказу от претензии, по крайней мере в теории ценности, на общезначимость или обозначение значимости «вещи» для других, выраженной в опосредовании отношений между людьми. Иными словами, будучи погруженной в общественную жизнь, такая вещь (ценность) выступает как выражение, перекрестье социальных отношений и, соответственно, смыслов. По-прежнему

пропедевтический и методологический интерес представляет позиция К. Маркса, согласно которой в реальном социальном функционировании вещи обозначенные социальные отношения не отделяются от присущих вещи имманентных качеств, а выступают в качестве основания, условия и фактора приобретения ими дополнительных «чувственно-сверхчувственных» качеств. Такое разделение выражений вещи — дуализм «вещи» и «ценности», описания и значимости означает фиксацию интересубъективных (социальных) качеств и значений. Общество является второй природой, внутри которой человек — сочетание (ансамбль) общественных отношений, представленное, в том числе как мировоззренческое целое, существующее на обыденном и на теоретическом уровне.

Аксиология прошла длительный и сложный путь исторического становления, приобретая только в конце XIX в. самостоятельный философский и междисциплинарный статус, предмет аксиологии — механизмы и сама деонтологическая среда как отражение сферы должного на сферу сущего. Уже в древности высказываются полярные точки зрения на онтологию ценностей (благ): человек находится над ценностями (софисты); ценности — над человеком (Сократ). Иными словами, вопрос заключался в том, приписывать ли ценностям самостоятельное бытие. В основе решения вопроса находится признание асимметрии материальных и духовных благ, проявляющейся, например, в том, что первые — ограничены, истощаются, обезличены; вторые — безграничны, прирастают, персонифицированы. Следует также подчеркнуть специфику духовной деятельности, для которой важен сам процесс, а результат находится не вовне, а внутри, по сравнению с предметно-практической деятельностью, ориентированной и направленной на результат, вынесенный за пределы. Задача заключалась в определении природы ценности, погруженной в действительность. На этой основе сформировались три подхода к пониманию природы ценностей: натуралистический, интуитивистский и аксиологический эмотивизм или нигилизм. Подчеркнем, что культура предоставляет человеку избыточные, а не только необходимые возможности, что также верно по отношению к ценностному подходу по целому кругу философских проблем, в том числе проблеме прогресса.

Далее в процессе дифференциации внутри аксиологии уже как части социально-гуманитарного знания, в отличие от аналогичных процессов в других предметных областях, не возникла единая методология, наоборот, методологические противоречия только продолжали нарастать. В этом был определен симптом краткосрочности стадии переосмысления аксиологией классической и неклассической методологической парадигмы, кризис последней создает запрос на поиск уже постнеклассических подходов. В рамках классического подхода ценностная ситуация по локализации ценностей образывается тремя компонентами: оценивающим, оцениваемым и оцениванием, что приводит к оформлению следующих концепций ценностей: субъективистской, субъектно-объективистской; объективистской и волюнтаристской трактовок. При существующей разнице акцентов следует признать, что указанные концепции в рамках классического подхода стремятся к единству, в то время как постнеклассические персоналистические модели поддерживают плюрализм [1].

М. Вебер подчеркивал необходимость освобождения экономических и социальных наук от ценностей, что позволит истине науки стать полноценной. Целый круг мыслителей аргументированно выступили «за» или «против» так называемого «усмотрения» ученого. Представляет интерес точка зрения Г. Маркузе, считавшего, что до любого размышления над какими-либо проблемами общества с их последующим исследованием ученый-обществовед с необходимостью принимает два «постулата» или оценочных положения: человеческая жизнь безусловно стоит того, чтобы быть прожитой; существующее общество можно усовершенствовать в интересах благополучия человека [2, с. 12–13]. Внимания заслуживает и особая позиция М. Хайдеггера, который призывает «мыслить против ценностей», открывая для мысли просвет бытийной истины: «Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Оно предоставляет сущему не быть, а, на правах объекта оценивания, всего лишь считаться. Когда бога, в конце концов, объявляют “высшей ценностью”, то это — принижение божественного существа. Мышление в ценностях здесь и во всем остальном — высшее святотатство, какое только возможно по отношению к бытию» [3, с. 47]. В силу вышесказанного следует отказаться от попытки установить универсальную иерархию и систему ценностей (первая — складывается спонтанно снизу, вторая — целенаправленно сверху) и не следует забывать об отличии истины от оценки (ценности). Однако это не означает, что следует отказаться от формирования общей системы ценностей.

Истина описания (отражения) устанавливает определенное соответствие между истиной бытия и истиной на уровне знания. Оценка же устанавливает соответствие между субъектом мысли и объектом. В первом случае речь идет о том, что слова должны соответствовать миру, во втором — мир должен соответствовать словам. В силу этого следует сопротивляться абсолютизации ценностного подхода, вместе с тем следует подчеркнуть, что вещь обладает потенцией к тому, чтобы быть оцененной. Человек — сторона ценностного отношения, обладающая способностью к ценению, что означает двойственное существование значимости, где вещь создает диапазон, а человек — направление и определение ценности. Ценность не является собственно предпочтением, а выступает в качестве основания предпочтения как некая структура сознания, создающая установку на действие, отражающее причастность человека к миру как на уровне предварительного, так и окончательного определения. Все сказанное следует отнести к мировоззрению, которое в моральном аспекте организовано от норм к ценностям, принципам и идеалам и наоборот. Причем несовпадение наличной практики и практики в рамках этической теории, не отменяющее значение и даже правоту последней, осознается зрелой личностью на основе приобретенного опыта мировоззренчески.

Таким образом, в группе ведущих категорий аксиологии находятся предрасположенность, избирательная реакция и предпочтение. А. Бергсон различал в опыте две стороны: факты, сопоставленные с другими фактами в пространстве; чистую длительность как взаимопроникновение событий. Опыт и есть сознание, которое расширяется за пределы и вновь возвращается в себя. Единство материи и жизни имеет внутреннее содержание, где человек представляет собой целое, и контекстовое существование, в котором человек является частью универсума [4, с. 215]. С учетом сказанного следует признать, что противоречивость заложена в самой природе ценности: источником ценностей выступает разум, и одновременно человек действует в соответствии с изначальными экзистенциальными предпочтениями, следует имеющимся психологическим пристрастиям, т.е. во многих случаях поступает ситуативно и эмоционально. Речь идет о том, что ценность, будучи данной или заданной, каждый раз заново открывается личностью или игнорируется. Помимо этого дает о себе знать несовпадение этического и практического аспектов, неоднозначность отношения этики норм и принципов и эмпирической этики, противоречивость процесса формирования этики ответственности и т.д.

Вместе с тем как философский, так и социологический подходы рассматривают становление лично-

сти как соединение процессов социализации и индивидуализации; причем отметим, что специфика философского подхода проявляется в интересе не к наличному, а к возможному или «идеальному» человеку, к ситуации, в которой человек по отношению к себе выступает как антропогенный фактор. Аналогичным образом общество как таковое представляет собой ситуацию, в которой оно по отношению к себе выступает как социогенный фактор. Основой выступает признание ведущих специфических черт человеческой природы: наличие самосознания; отсутствие предзаданности поведения; осознание конечности собственного существования. Исходя из этого предлагаем следующее определение индивидуальности: характер и степень развития человеческой природы в отдельном конкретном человеке. Именно аксиология ориентирует гуманитарное познание на анализ феноменов личности и индивидуальности, т.е. того, что делает человека человеком, порождает смыслы как «оправдание» человеческого бытия, представляет собой решение мировоззренческих вопросов. Особое место занимает решение проблемы свободы как в исторической ретроспективе, так и в контексте перспективного видения.

Важную роль играет творчество, которое имеет творящее значение: создание духовных и материальных ценностей, представленное ценностным (аксиологическим) аспектом; создание или открытие нового, ранее не существовавшего предполагает гносеологический (эвристический) результат; самореализация человека в рамках гуманистического (личностного) аспекта. Подчеркнем, что аксиологический подход включает в себя этическую и эстетическую составляющие, единство которых как единство действия и созерцания обосновывали представители аналитической философии. Интересная мысль была высказана З. Фрейдом о том, что жизнь не делает нас совершенными, она делает нас нормосообразными, причем границы нормы устанавливаются и не являются застывшими. Важным понятием для теории ценностей является понятие «норма». Граница нормосообразного поведения и общения может быть обозначена как горизонт дозволенного, который призван связывать обмен деятельностью, задавать качественность коммуникации, нормировать, вводить в норму на основе идентификации как одного из исходных принципов объединения людей.

Гуманитарный акцент, разграничивающий социогуманитарные и естественно-научные принципы познания, методологически оформляется как индивидуализирующий и генерализирующий методы познания. На развитие данного подхода по проблеме ценностей работал большой круг мыслителей: представители философии жизни (В. Дильтей, Ф. Ницше, Г. Зиммель, А. Бергсон, О. Шпенглер); М. Вебер —

представитель понимающей социологии; неокантианцы баденской школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт); Э. Гуссерль — основоположник феноменологии; представители герменевтической традиции (Ф. Шлейермахер, Г.-Г. Гадамер, П. Рикер). Но, несмотря на объединенные усилия по решению проблемы, остается актуальным и открытым вопрос о специфике методологических установок в социально-гуманитарном познании.

Особое значение в аксиологии занимает позиция И. Канта, представленная в работе «Критика способности суждения». Именно оценочное отношение к миру, обосновывавшее бытие ценностей для разумных существ и самоценность человеческой личности, стало началом особого философского внимания к ценностной значимости мира. Представляет интерес анализ Кантом своеобразия практического отношения человека к миру по отношению к теоретическому видению. Теоретический подход постулирует, что существование предшествует представлению (сущее — должному), с практической позиции — представление предвдывает существование, причем в формировании мировоззрения задействованы оба фактора. В этом контексте была высказана идея различия «прекрасного», «возвышенного» и «великого» искусства, определившая направление влиятельной неокантианской линии в современной эстетике, центральный вопрос которой заключается в том, является человек объектом исследования или бытием свободы.

Противопоставление сущего и должного соответствует противопоставлению мира природы (феноменального) и свободы (ноуменального мира), подчеркнем, что идея различия познавательного и целеполагающего отношения к миру послужила развитию оценочного и ценностного типа отношений. Таким образом, наряду с потребностной концепцией ценностей теоретическое основание получила ценностная концепция потребностей. Последующее развитие философской теории ценности так или иначе всегда связано с именем Канта, так как происходит через развитие или критику волюнтаристского обоснования ценностей, утверждение или отрицание трансцендентальной основы их природы. Поэтому закономерно, что «философия ценности» в наиболее последовательном и систематизированном виде сформировалась именно в кантианской традиции. Неокантианцы, прежде всего баденская школа, саму философию трактовали «как учение об общезначимых ценностях» [5, с. 387] и усматривали задачу философии в истолковании смысла человеческой жизни на основе учения о значимых ценностях. Другим стимулом развития теории ценностей уже в рамках философии жизни выступила позиция

Ф. Ницше, который поставил вопрос о «переоценке всех ценностей» и ее последствий.

Обратившись к Канту, мы обнаружим, что наряду с человеческими представлениями о ценностях («личные ценности»), которые являются истинными, существуют ценности мнимые и иллюзорные. К таковым мыслитель относит, например, суждения людей, порождаемые «иллюзией честолюбия» — «жажду титулов и орденов» [6, с. 240]. Вообще Кант отвергает те критерии ценности, которые основаны на чисто субъективных склонностях и потребностях людей, в том числе наслаждении. «Нетрудно догадаться, какую ценность имела бы для нас жизнь, если бы она ценилась только по тому, чем наслаждаются... Эта ценность опускается ниже нуля». «Ценность имеет жизнь сообразно тому, что она содержит в себе, если ведется в соответствии с той целью, которую природа преследует через нас...» [7, с. 467].

Укоренившейся в философской традиции является идея рассмотрения культуры на основе ценности как исходного понятия, что позволяет еще раз отметить — ценностная установка изначально присуща философии, в то время как начало современных аксиологических теорий соотносено с неокантианской традицией. Наследием И. Канта выступает обоснованный теоретически и практически дуализм «сущего» и «должного», который и придает ценностной составляющей особый статус по отношению к онтологическому и гносеологическому полю. Кант также считал идеи стимулами познания, схемами, организующими духовный опыт, кульминацией становится идеал как некий прообраз понятия совершенства — предельная цель стремлений, которая, не имея бытия, обладает значением и существует в обращенности к воле человека. Данная мысль получила развитие в определении Э. Ильенкова: «Идеал — идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или общественного класса. Формирование природных предметов сообразно идеалу представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до ее фактического осуществления» [8, с. 202].

Содержательным развитием такого взгляда можно считать позицию В. Виндельбанда, который считает, что теория ценностей возникает «как новый вид философской основной науки», в рамках которой ценность обладает общеобязательностью и, помимо этого, находится во всеобщем обязательном признании. Такое нормосообразное должностное значение ценности имеет собственное сверхъестественное основание. Высшие ценности эмпирической жизни представляют собой знание, нравственность и искусство и становятся живыми деяниями Божества в человеке, приобретают в трансцендентальном

сознании высокое и глубокое значение. Если в целом задача философии виделась И. Канту как научение человека уменью соответствовать своему достоинству, то В. Виндельбанд формулирует задачу — постигать общезначимые ценности, образующие контекст функций культуры и основания каждого конкретного осуществления ценности. Подчеркнем, ценности в рамках новой науки должны определяться в виде нормы, а не факта.

Г. Риккерт считал, что философия призвана «найти третье царство», которое бы объединяло мир действительности с миром трансцендентальных ценностей. Задача философии: «истолковать смысл человеческой жизни на основе учения о значащих ценностях» [9, с. 365]. В результате ценности начинают противостоять реальной действительности, не представляя собой ни физической, ни психической действительности. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности. Иными словами, ценности, не обладая бытием, обладают значением, и их источником выступает не жизнь, а разум. «Жизнь может быть только средством, и ценность ее поэтому зависит лишь от ценности целей, которым она служит» [10, с. 35]. Таким образом, относительно ценностей нельзя утверждать существование или не существование, следует говорить об их значимости.

Интересно, но с начала XX в. русская аксиологическая мысль развивалась в постоянном критическом диалоге с неокантианской теорией ценности. В.К. Шохин стремится обосновать так называемую «персоналистическую теорию ценностей», согласно которой ценности укоренены только в личностном субъективном бытии и характеризуют собой глубинный уровень «значимостей-для-кого-то». Таким образом, трактуемые ценности представляют собой «глубинные уровни индивидуальных значимостей, носящие отнюдь не универсальный, но сингулярный характер» [11, с. 6].

Если обобщить, то методологически онтологический аспект позволяет определить природу и выявить источники и способы функционирования ценностей; в гносеологическом аспекте ценность рассматривается как необходимый элемент процесса познания; в антропологическом аспекте ценности выступают в качестве результата экзистенциальных смыслов. Еще один важный момент подчеркивает А.М. Руденко: «В ценностях отражены пласты народной культуры, особенности менталитета и конкретного повседневного уклада жизни человека» [12, с. 169]. В праксеологическом срезе ценности представляют собой активность субъекта, что как раз отличает ценность от идеала. Это означает, что в данном подходе ценность обнаруживает себя исключительно в процессе деятельности на основе оценки в рамках деятельностного подхода. Еще од-

ну возможность обеспечивает герменевтический аспект, позволяющий при интерпретации процессов бытия вычленять тот возможный смысл, который находится в соответствии с возникающими субъективными критериями.

Интересной попыткой выдвигания объединительного определения ценности явилось обоснование идеи ценности как междисциплинарного понятия, которая была выдвинута в рамках исследовательской задачи по построению общего пространства для существующих определений, позволяющего обнаружить разноуровневые отражения ценности как сложного феномена. Далее центром обсуждения стали базовые оппозиции: ценность, присущая объектам, и сами объекты как ценности; конкретные и абстрактные ценности; ценность как индивидуальная и надиндивидуальная реальность; содержание социологизации и онтологизации природы надиндивидуальных ценностей; ценности как эталоны поведения или идеалы; ценности представляют собой структуры сознания или это структура мотивации. Через обоснование предпочтительного решения вслед за исследователями конца прошлого – начала нынешнего века можно выделить три формы существования ценностей: общественные идеалы; их предметное воплощение в действиях и поведении конкретных людей; мотивационные компоненты личности как «образцы должного».

В целом в философии и социологии достаточно широко используются категории базовая, терминальная и инструментальная ценность, реже категории положительные и отрицательные, одобряемые и отрицаемые ценности и др. Стремление к культуре, которое проявляется в форме потребностей вторичной природы, отражено понятием «культурные потребности». Так, А. Маслоу были предложены уровни потребностей-ценностей и таким образом особо акцентированы черты самоактуализированного человека, Ф. Херцбергом — факторы-мотиваторы. М. Роквич ввел понятия «терминальных» и «инструментальных» ценностей: первые выражают важнейшие цели и идеалы; вторые — одобряемые в конкретном обществе или общности средства достижения целей, которые могут быть представлены как нормами поведения, так и качествами людей.

Объединенно данный процесс можно оценить как переход от задачи выявления иерархии ценностей к запросу, в том числе мировоззренческому, на построение и применение определенной системы ценностей. Как показывают исследования, инструментальные ценности в большей мере, чем терминальные, вызывают разные понимание, поддержку и даже трактовку личностью. Более того, иногда они противопоставляются друг другу или игнорируются. Так, в услови-

ях кризиса падает ценность нравственных норм поведения, подчас наверху оказывается страсть к наживе, к обогащению любой ценой, девальвируются понятия чести, совести, долга. Но одновременно растет значимость таких черт личности, как самоуважение, самостоятельность, независимость.

С позиций постмодернизма — еще одной методологической парадигмы — весь мир представляет собой либо игру, либо текст. Правила этого мира, как и текст, рождаясь сиюминутно, организуют игру, не позволяя ей прекратиться, «расплыться», потерять смысл состязательности для играющего. Человек в этом состязательном мире имеет дело лишь со знаками, симулякрами и создает все новые и новые их интерпретации, осуществляя каждый раз «деконструкцию». У. Эко создает две взаимосвязанные в чтении конструкции «образцового читателя» и «образцового автора», утверждая, что первого интересуют механизмы, лежащие в основе текста, второй — не являясь эмпирическим автором, представляет собой саму интенциональную структуру текста. Таким образом, мир с позиций постмодернизма предстает процессуальным, мозаичным, эклектичным, калейдоскопичным, лоскутным, совмещающим несовместимое и т.п. Постмодернистский проект, по словам В. Федотовой, отражает разочарование в ослабленном, в сравнении с центрированной классикой, неклассическом (модернистском) видении мира обострение кризиса веры в разум: «идея объективности здесь полностью заменена идеей рефлексии языковых средств» [13, с. 48].

Нами получены достаточные основания для утверждения, что на сегодняшний день не существует единой (универсальной) аксиологии, аксиологических теорий столько, сколько аксиологов получают известность и признание (подобно идее плюралистической методологии, возникшей на закате постпозитивизма), при этом каждое из аксиологических направлений имеет собственный подход и очертания предмета исследования. Плюрализм аксиологических теорий выступает следствием отсутствия связи аксиологии в период ее становления только с одним философским направлением или отражением современной аксиологии, которая формировалась в рамках плюрализма философских направлений. Это объясняет, почему исторически как в западноевропейской, так и в отечественной философской традиции сложилось множество концепций и теорий ценностей; вопрос заключается в существовании возможности возникновения единства в многообразии в теории, а также существования его основания на практике. Существование такого огромного количества теорий по проблеме ценности «нисколько не приближает нас к разгадке, скорее, наоборот, все более кажется, что вопрос о

сущности ценности является метафизической, иррациональной, никогда не разрешимой проблемой. Но все подходы, предлагая теорию, связывают ее с тем, истинна она или нет, можно ли ее доказывать логически или нельзя, объективна она или субъективна, и больше заняты внешней стороной проблемы, чем самой проблемой сущности ценности» [14, с. 22].

Важнейшей методологической проблемой современной аксиологии стал не только вопрос о типологии ценностей и критериях типологии, но и проблема типологии уже аксиологических теорий. Сказанное уместно проиллюстрировать примерами. Если в начале XX в. Г. Мюнстербергом была предложена одна из первых типологий ценностей, согласно которой ценности делились на ценности бытия и ценности культуры, то к семидесятым годам XX в. аксиологами были предложены классификации уже самих аксиологических теорий. На множественность типологий аксиологических теорий обращали внимание такие классики аксиологии, как Н.О. Лосский, выделивший три течения: субъективистские, объективистские и теории, исходящие из взаимодействия субъекта и объекта [15]. В настоящее время продолжается приращение новых подходов, представляет интерес разделение современной аксиологии на три направления: аксиологический натурализм (ценность считается производной от интереса, нужды, потребности, побуждения), феноменологическую аксиологию (ценностные суждения являются не эмпирическими, а априорно синтетическими) и аналитическую философию (реально существует лишь акт оценки, который может в различных качествах изучаться психологией, социологией, метааксиологией и пр.).

М.С. Каган зафиксировал уже восемь направлений в аксиологии: психологическое, натуралистическое, социологическое, логико-семантическое, объективно-онтологическое, феноменологическое, экзистенциалистское и теологическое [16, с. 23–24], а Л.А. Микешина предлагает разделение аксиологических концепций на абстрактно-всеобщие или трансценденталистские, и эмпирически-диспозиционные [17]. Л.Н. Столович, анализируя множественность аксиологических типологий, обращает внимание на то, что их невозможно описать, т.к. в каждой национально-философской традиции складывались свои типологии [18, с. 178].

Таким образом, современная аксиология испытывает своего рода «кризис перепроизводства», своеобразным результатом которого становится понижение авторитета аксиологии как междисциплинарного исследования при актуализации самой проблематики. Во многих современных исследованиях фиксируется тождество понятий «ценность» и «аксиология», в некоторых работах встречаются двойственные понятия:

«аксиологические ценности» и т.д. В целом частое употребление понятий «проблема ценностей» и «аксиология» вызвано самой культурной ориентацией и ситуацией времени. Вместе с тем так называемая мода на аксиологию не вызвала нивелирование методологических и теоретических проблем, начиная с попыток однозначного определения понятия «ценность» и выявления специфики ценностного отношения и заканчивая осознанием положения аксиологии в общей структуре философского знания. Одновременно возникает вопрос: означают ли методологическая открытость, незавершенность и плюралистичность современной аксиологии распад личности и исчезновение необходимости в ее мировоззренческой целостности? Переходя на общеполитический план, приведем постпозитивистское положение о том, что все живые организмы демонстрируют ожидание разрешения жизненной ситуации, обладают способностью к избирательной реакции на стимулы. Такое ожидание совпадает с первоначальным значением слова «теория» как заинтересованного всматривания в предмет. Иными словами, жизнь начинается со своеобразной теории, в рамках которой решить жизненную проблему означает увидеть ожидаемый объект. Также и человек обладает неким врожденным знанием в форме невысказанных ожиданий, которые можно назвать одним из источников чувства ценности. Само же ценностное сознание, данное прежде всего как мировоззрение, является благоприобретенным и комплексным как на уровне группы, так и на уровне индивида, что и является источником воспроизведения запроса на общую теорию ценностей и соответствующую единую методологию.

Список литературы

1. *Нагой Ф.Н.* Постмодернизм и «ностальгия» по классическому единству мира: проблемы развития современной философии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3(3). С. 81–84.
2. *Маркузе Г.* Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2002. 368 с.
3. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // «Время и бытие» (статьи и выступления). М.: Республика, 1993. 447 с.
4. *Бергсон А.* Философская интуиция // Путь в философию: Антология. М.: АСТ, 2001. С. 203–218.
5. *Виндельбанд В.* От Канта до Ницше: История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / пер. с нем. А.И. Введенского. М.: КАНОН-пресс: Кучково поле, 1998. 496 с.
6. *Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

7. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 161–513.
8. Ильенков Э.В. Идеал // Философский энциклопедический словарь / под ред. А.Л. Геркулова. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 814 с.
9. Риккерт Г. О системе ценностей // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 363–391.
10. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 69–103.
11. Шохин В.К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. М.: РУДН, 2006. 457 с.
12. Руденко А.М. Социовитальные ценности смысло-жизненной интенциональности экзистенции человека // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. № 3. С. 165–172.
13. Федотова В.Г. Классическое и неклассическое в социальном познании // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 45–55.
14. Дегтярев Е.В., Вильданов Х.С., Вильданова Г.Б. Роль и значение рефлексии в аксиологическом познании и в формировании системы ценностей человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 32. С. 21–27.
15. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Париж: YMCA PRESS, 1931. 135 с.
16. Кagan М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
17. Микешина Л.А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смыслы. 2009. № 1. С. 6–17.
18. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина: очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 464 с.
5. *naukami* [From Kant to Nietzsche: The history of the new philosophy in its connection with the general culture and individual sciences]. Moscow, KANON–press: Kuchkovo pole Publ., 1998, 496 p. (In Russian).
6. Kant I. [Religion within the limits of reason alone]. *Kant I. Traktaty i pis'ma* [Kant I. Treatises and letters]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 78–278. (In Russian).
7. Kant I. [Critique of the Power of Judgment]. *Kant I. Sochineniya: v 6 t.* [Kant I. Works: in 6 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 5, pp. 161–513. (In Russian).
8. Penkov E.V. [Ideal]. *Filosofskiy entsyklopedicheskiy slovar'* [Article in the Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1989, 814 p. (In Russian).
9. Rickert H. O sisteme tsennostey [About system of values]. Rickert H. *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences of nature and sciences of culture]. Moscow, Respublika Publ., 1998, pp. 363–391. (In Russian).
10. Rickert H. [Sciences of nature and sciences of culture]. *Kul'turologiya. XX vek: Antologiya* [Culturology. XXth century: Anthology]. Moscow, Respublika Publ., 1995, pp. 69–103. (In Russian).
11. Shokhin V.K. *Filosofiya tsennostey i rannaya aksiologicheskaya mysl'* [Philosophy of values and early axiological thought]. Moscow, RUDN Publ., 2006, 457 p. (In Russian).
12. Rudenko A.M. [Social and vital values of the meaningful intentionality of human existence]. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian researches of regions]. 2012, no. 3, pp. 165–172. (In Russian).
13. Fedotova V.G. [Classical and nonclassical in social knowledge]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and present]. 1992, no. 4, pp. 45–55. (In Russian).
14. Degtyarev E.V., Vildanov Kh.S., Vildanova G.B. [Role and meaning of a reflection in axiological knowledge and in formation of personal system of values]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk state university]. 2008, no. 32, pp. 21–27. (In Russian).
15. Lossky N.O. *Tsennost i bytie* [Value and Existence], Paris, YMCA PRESS Publ., 1931, 135 p. (In Russian).
16. Kagan M.S. *Filosofskaya teoriya tsennosti* [Philosophical theory of value]. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 1997, 205 p. (In Russian).
17. Mikesheva L.A. [Modern development of the concept «value»]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings]. 2009, no. 1, pp. 6–17. (In Russian).
18. Stolovich L.N. *Krasota. Dobro. Istina: Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii* [Beauty. Goodness. Truth: Essay of a history of esthetic axiology]. Moscow, Respublika Publ., 1994, 464 p. (In Russian).

Получено 26.03.2016

References

- Nagoy F.N. [Postmodernism and nostalgia for the classical unity of the world: problems of modern philosophy development]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of humanitarian and natural Sciences]. 2015, no. 3(3), pp. 81–84. (In Russian).
- Marcuse H. *Odnomerniy chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obschestva* [One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society]. Moscow, AST Publ., 2002. 368 p. (In Russian).
- Heidegger M. [Letter on Humanism]. *Vremya i bytie* [On Time and Being]. Moscow, Respublika Publ., 1993, 447 p. (In Russian).
- Bergson H. [Philosophical intuition]. *Put' v filosofiyu. Antologiya* [Way to philosophy. Anthology]. Moscow, Izdatelstvo AST Publ., 2001, pp. 203–218. (In Russian).
- Windelband W. *Ot Kanta do Nitsche: Istoriya novoy filosofii v ee svyazi s obschey kul'turoy i ot del'nymi*

The date of the manuscript receipt 26.03.2016

Об авторе

Нагой Фатима Нурдиновна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Волгоградский филиал),
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8;
e-mail: fatima_nm@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2286-6820

About the author

Nagoy Fatima Nurdinovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy and Sociology

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Volgograd Branch),
8, Gagarin str., Volgograd, 400131, Russia;
e-mail: fatima_nm@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2286-6820

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Нагой Ф.Н. Теории ценностей и проблема целостности мировоззрения личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 20–28. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-20-28

Please cite this article in English as:

Nagoy F.N. Theories of values and problem of integrity of the person's worldview // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 20–28. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-20-28

УДК 141.332

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-29-34

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Черданцева Инна Владимировна

Алтайский государственный университет

Цель данной статьи заключается в выявлении оснований философско-антропологического дискурса. Этот вопрос поднимается в связи с тем, что, несмотря на длительный срок существования философско-антропологической мысли, в определенной степени подтверждающий ее обоснованный характер, можно выделить философскую позицию, ставящую под сомнение возможность существования философской антропологии в виде системы положительного продуктивного знания о человеке. Анализ причин такого подхода, отрицающего ценность философско-антропологического дискурса, показывает, что эти причины связаны с пониманием человека как неповторимой и конкретной единичности, которую нельзя адекватным образом представить с помощью абстрактных понятийных структур, оперирующих общими смыслами. В результате проведенного исследования выявлено, что основаниями такой трактовки человека как неповторимой индивидуальности являются признание телесной ограниченности человека и выделение непосредственных чувственных данных в качестве определяющего состояния человеческого бытия в мире. Показав, что данные принципы нельзя считать единственно возможными, автор находит альтернативные основания философско-антропологического дискурса. Они связаны с утверждением единого характера человеческой реальности и принципиальной разомкнутости человеческого существа. Эти основания свидетельствуют об оправданности существующего философско-антропологического знания и определяют его дальнейшие перспективы, среди которых особое место отводится построениям, преодолевающим эссенциальные подходы к изучению человеческой реальности и развивающим ее экзистенциальные интерпретации.

Ключевые слова: человек, философская антропология, философские основания, человеческое существование, самопознание.

THE PROBLEM OF FOUNDATIONS OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGICAL DISCOURSE

Inna V. Cherdantseva

Altay State University

The purpose of this article is the study of the problem of foundations of philosophical anthropological discourse. The emergence of the question of foundations of philosophical anthropology connects with the position of those philosophers who suppose that philosophical anthropology can not exist as a system of positive productive knowledge. The analysis of the reasons for this approach shows that these reasons are related to the understanding of a man as a unique and specific singularity. Philosophers who deny the existence of philosophical anthropology as a science, believe that this individuality and uniqueness of a person can not be represented by means of abstract conceptual structures with shared meanings. The foundation of this interpretation of human being is the recognition of the limited human body. Besides, emphasizing the sphere of the immediate and of the sensuous as a determining state of human being is another foundation. According to the author these fundamentals are not only possible and the author thinks that the alternative basis of anthropological theories is the approval of the uniform nature of human reality. This foundation of anthropological conceptions is the most promising and effective basis for the development and the perfection of philosophical anthropology. Especially, this perfection applies to existential versions of philosophical anthropological thought.

Keywords: man, philosophical anthropology, philosophical foundations, human being, self-knowledge.

В свете огромного количества учений о человеке, представленных в истории философской мысли, вопрос об основаниях философско-антропологического дискурса выглядит довольно странным. Кажется, что сам факт существования разнообразных концепций, анализирующих природу, сущность, предназначение и возможности человека, отрицает саму правомерность постановки этого вопроса. Действительно, какой смысл спрашивать об основаниях философско-антропологической мысли, если сама эта мысль достигает высокого концептуального уровня уже в древнеиндийской философии [1], не говоря о всех последующих этапах многовекового развития философской рефлексии?

И, тем не менее, несмотря на всю очевидную бессмысленность подобного вопрошания, поиск оснований философско-антропологического дискурса является, с нашей точки зрения, оправданным. Эта оправданность задается не только повышенным вниманием философов к тому, что большинство людей считает простым и само собой разумеющимся, и не только поставленными И. Кантом в «Критике чистого разума» вопросами о том, насколько возможны математика, естествознание и метафизика как науки при всей очевидности признания их существования в качестве наук. Эта оправданность обусловлена разрывом между бытием человеческой индивидуальности и невозможностью адекватного постижения специфики этого бытия, разрывом между единичностью, неповторимостью каждого человека и понятийными структурами, не способными выразить эту единичность и неповторимость.

Столкновение *общего* и *единичного* в процессе понимания конкретной человеческой жизни является неразрешимой проблемой любого философского учения о человеке с точки зрения таких мыслителей, как Серен Кьеркегор и Макс Штирнер. Первый из них, критикуя систему Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, нашедшую Абсолютную Идею и потерявшую человека, высказывает просьбу о том, чтобы на его собственной могиле присутствовала только одна надпись: «Этот единичный». Второй в работе «Единственный и его собственность» заявляет: «Ни одно понятие не может меня выразить, ничто, что преподносится мне как моя “сущность”, не исчерпывает меня; все это только слова и названия» [2, с. 353]. По мнению М. Штирнера, никакие антропологические доктрины никогда не смогут преодолеть огромной пропасти, лежащей между конкретным человеком и понятием «человек», в котором фиксируется только общее содержание.

Отстаивая право единичного человека быть самим собой, немецкий философ объявляет войну термину «человек», уравнивавшему всех людей друг с другом на уровне выделения общих родовых свойств и име-

ющему слишком отвлеченный характер. Каждый из нас отличается от других людей не тем, что и он является человеком, а тем, что он — «единственный» в своем роде» [2, с. 125]. Да, конечно, вряд ли мы будем отрицать, что, помимо всего прочего, мы еще и люди, но не это, с точки зрения М. Штирнера, является ценным в нас: «тот, кто уважал бы меня только как человека или берлинца, тот лично *мне* выказывал бы довольно мало почтения. Почему? Потому что он уважал бы не *меня*, а лишь одно из моих свойств... “человек”, который признается не как мое свойство, а как мое подлинное “я”, — не что иное, как привидение, идея, понятие» [2, с. 162].

Немецкий мыслитель, заботясь о возвращении человеку его подлинного единственного «я», задает вопрос тем представителям рода человеческого, которые стремятся заставить людей жить по законам понятий в мире призраков и утвердить господство в человеческой жизни таких понятийных конструкций, как «человек», «сущность человека», «человеческое», «справедливость», «дух» и т.д. Этот вопрос звучит следующим образом: «Что я для тебя? Быть может, телесное “я”, как я хожу и стою? Ничуть. Это телесное “я” со всеми своими мыслями, решениями и страстями в твоих глазах “частное дело”, тебя не касающееся, “предмет в себе”. “Предметом для тебя” является лишь “я” как понятие, как родовое понятие, лишь человек как таковой, который, так же, как он зовется Иваном, мог бы называться Петром или Михаилом. Ты видишь во мне не меня во плоти, а нечто недействительное, призрак» [2, с. 161].

С точки зрения М. Штирнера, единичный человек (именно «этот вот» Иван, а не «тот» Петр или «тот» Михаил) должен открыть действительную истину о самом себе и перестать стремиться к достижению идеала человека, существующего только в мышлении. Усилиями антропологов человек превращается в мысль о человеке; и какой бы замечательной и прекрасной эта мысль не являлась, она, по мнению немецкого философа, ничем не может помочь никому из нас. Конкретная человеческая индивидуальность никогда не совпадает с понятием «человек», и потому очень часто люди испытывают разочарование, читая философские трактаты, претендующие на раскрытие тайны человеческого бытия. Живой человек и понятие человека существуют подобно двум параллельным прямым евклидовой геометрии, не пересекающимся ни в какой точке пространства.

Но что же в таком случае может быть сказано о «единственном»? Согласно М. Штирнеру, ничего. Выявив бессилие мысли и слова в отношении конкретного «я», которое является критерием истины для себя самого, немецкий философ делает последовательный вывод о том, что это «я» не может быть

определено и выражено вербальным образом: «я — не идея, а больше, чем идея, то есть невыразим» [2, с. 343]. Отсюда не удивительно, что «ничто» является основанием построения учения о «единственном», и свою работу М. Штирнер начинает и заканчивает следующими словами: «Ничто — вот на чем я построил свое дело». Анализируя концепцию М. Штирнера в работе «Prooemium», К.А. Свасьян приходит к заключению, с которым трудно не согласиться: «Антропология, в штирнеровском смысле, может быть только *апофатической* либо — никакой» [3, с. 9–10].

Получается, что единичность, неповторимость, «этость» каждого из нас, невыразимая на предметно-понятийном уровне, ставит под вопрос возможность существования философской антропологии. Выступая против потери самого существенного и неповторимого в человеке, а также против подмены живого индивида пустым абстрактным понятием, М. Штирнер указывает на безосновательность традиционных «положительных» философско-антропологических учений, рассматривающих «человека вообще». Однако в той же самой мере, в какой у М. Штирнера происходит отрицание ценности философско-антропологических теорий, у любого мыслителя, развивающего антропологическую концепцию в положительном русле, могут в свою очередь возникнуть сомнения в справедливости штирнеровского подхода.

Итак, зададим вопрос: как возможна штирнеровская трактовка человека и какими условиями она определяется? Размышляя по поводу оснований данной трактовки, можно предположить, что понимание человека как неповторимой самости и «этости» («этот вот человек») оказывается возможным в том случае, когда каждый из нас признается совершенно замкнутой целостной структурой, не связанной с другими подобными структурами на уровне переживания и существования.

Но что в таком случае является источником такого понимания человека? Пожалуй, самый очевидный ответ на этот вопрос заключается в признании человеческого тела как отдельно существующего феномена, который выступает в качестве важнейшей характеристики человеческого присутствия в мире. Базирующаяся на непосредственном чувственном восприятии пространственная определенность, протяженность тела («res extensa»), его непроницаемость для другого подобного тела выйдут на первый план и становятся непреодолимой преградой на пути поиска истинной intersубъективности и единства разных индивидуальностей.

Однако не только телесность, зависящая от чувственного восприятия, может быть фактором, формирующим принципиальную замкнутость единичного человека. Еще одним таким фактором, по мне-

нию Г. Риккерта, следует считать «индивидуальную душевную жизнь единичного человека, психические процессы, как мы их переживаем» [4, с. 183]. Внутренние чувства и переживания, например, «чувства удовольствия и неудовольствия, такие эмоции, как любовь и ненависть, радость и печаль, настроения и волевые акты» [5, с. 141], тоже в своей основе имеют, с точки зрения этого мыслителя, непосредственный характер. В силу этого мы не можем понять жизненные переживания другого человека, поскольку «отдельному исследователю прямо доступна как непосредственное переживание лишь сравнительно весьма небольшая доля, а именно та, которая образует его собственную душевную жизнь, и, хотя мы и в состоянии до такой степени умозаключать о душевной жизни и некоторых других, что с помощью фантазии можем построить, по крайней мере приблизительно, сходное ее изображение, однако наибольшая часть совокупности душевных процессов все же остается для нас совершенно неизвестной. То, для чего мы не находим ничего аналогичного у самих себя, мы никогда не будем в состоянии хотя бы даже угадать» [4, с. 183].

Но проблема заключается не только в том, что глубинные состояния другого человека скрыты для постороннего наблюдения. Ситуация усугубляется тем, что непосредственность наших внутренних чувств, несмотря на всю их очевидную данность, делает их закрытыми и для нашего собственного понимания. Непосредственное, по мнению Риккерта, не имеет адекватного выражения в сфере определенных смыслов и значений и не может быть ясно представлено с помощью логических и языковых средств. Размышляя о позиции Г. Риккерта, основывающейся на том, что «собственные психические переживания индивида темны и непроницаемы для сознания, ибо чувственное, эмпирическое ... темно по своей природе» [6, с. 401], П.П. Гайденко характеризует ее следующим образом: «Невозможно, говорит Риккерт, понимать *говорящего*, но можно понять *сказанное* им. Понимание, таким образом, есть интеллектуальное переживание, а не сопереживание психического акта, процесс *духовный*, а не *душевный*... Итак, согласно Риккерт, правомерно говорить только об одном роде понимания — понимании смысла. Я в состоянии понять другого индивида, поскольку я понимаю то, что он мне говорит, но я не в состоянии проникнуть в душевное единство его, говорящего, индивидуальности; я могу понять сказанное им только как определенное единство *значения*, но не как единство *выражения*» [6, с. 401].

П.П. Гайденко обращает особое внимание на то, что понимание переживания, по Г. Риккерт, является опосредованным интеллектуальным процессом, отличным от сферы непосредственного переживания и не адекватным ей. В свете этого знаменитая

триада В. Дильтея «переживание – выражение – понимание» превращается в фикцию, поскольку между первыми двумя составляющими этой триады и последней лежит непреодолимый барьер. В работе «Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки», признавая идеи В. Дильтея достойными изучения, Г. Риккерт не соглашается с ними и пишет, что создание системы психологического знания, включающей в себя всю содержательность душевной жизни, логически невозможно. Единственное, что можно сделать, — это, опираясь на воображение исследователя, попытаться приблизительно описать некоторые детали внутренних состояний, однако «совокупность душевной жизни, так же как и телесный мир, не поддается никакому изображению, в котором должна была бы найти себе место “вся содержательность” ее. Она принципиально неисчерпаема, и невозможно даже и приближение к подобной цели» [4, с. 184].

Точка зрения Г. Риккерта интересна в отношении демонстрации принципиальной отделенности одного человека от другого на уровне непосредственных психических (или эмпирических) переживаний. И данное положение не может исправить надэмпирическая интеллектуальная сфера, объединяющая людей и делающая доступным понимание смыслов. Именно поэтому уровень индивидуального бытия в концепции Г. Риккерта так же, как и в трактовке М. Штирнера, сохраняет свою замкнутость и непроницаемость для постороннего взгляда и присутствия.

Таким образом, возвращаясь к проблеме оснований философской антропологии, можно сделать вывод о том, что отрицание возможности существования любого философско-антропологического учения как системы «положительного» знания о человеке происходит в том случае, когда подчеркивается неповторимая индивидуальность каждого человека, вытекающая главным образом из его телесной ограниченности и связанных с ней непосредственных чувственных данных. При этом признание телесной ограниченности как определяющего состояния человека в универсуме может быть отнесено к так называемым первичным интуициям, принимаемым философами в качестве исходного очевидного пункта построения своих концепций. Однако интуиция такого рода не является единственно возможной. Если телесность человека не будет выделена в качестве доминирующей структуры человеческого бытия, а будет утверждаться принципиальная разомкнутость человеческого существа и единый характер человеческой природы, преодолевающий границы непосредственности, то следствием такого интуитивного видения реальности станут те самые «положительные» философско-антропологические тео-

рии, которые оказываются совершенно неприемлемыми с точки зрения М. Штирнера.

Получается, что на основе двух противоположных первичных интуиций будут формироваться два принципиально разных подхода к возможности построения и развития философско-антропологической мысли. Вопрос о том, какая из этих интуиций и, соответственно, какой из этих подходов будут являться предпочтительными, вряд ли может быть решен в рамках данной статьи. Это решение выглядит проблематичным по многим причинам, и не в последнюю очередь эта проблематичность связана с тем, что никакие первичные философские интуиции не могут быть обоснованы должным образом, согласно знаменитым аргументам скептика Агриппы, направленным против догматических логиков. В соответствии с этими аргументами любые фундаментальные принципы философских учений являются недоказуемыми в силу того, что или принимаются на веру, или требуют для своего доказательства утверждения, обосновывающегося либо этим принципом, либо другим положением, в свою очередь тоже нуждающимся в обосновании.

Однако, несмотря на спорность логико-теоретической аргументации, подход к созданию философско-антропологических систем на основе представления о едином характере человеческой реальности сложно не признать более перспективным по сравнению с подходом, предполагающим изолированное и непостижимое существование индивида. Очевидные перспективы первого подхода заключаются в том, что поиск единых структур человеческого бытия хоть в какой-то мере удовлетворяет человеческую потребность самопознания. В связи с этим не удивительно, что именно этот подход, несмотря на все его недостатки, является наиболее распространенным в философско-антропологических исследованиях, относящихся к разным периодам существования философского знания.

Признавая эффективность данного подхода, следует обратить внимание на то, что его представители, не оспаривая непознаваемости предельных оснований человеческого бытия, сосредотачивают свои усилия на познании важнейших аспектов человеческого присутствия в мире. При этом нужно отметить стремление мыслителей к выражению этих аспектов максимально корректным образом, предполагающим поиск особых философских понятий, позволяющих добиться достижения поставленной цели. Этот поиск особенно занимает философскую антропологию в так называемом узком смысле этого слова, развивающуюся главным образом в немецкоязычных странах с двадцатых годов двадцатого века и интересную своей трактовкой философско-антропологического дискурса как единственно возможного типа философствования. Основатель такой

интерпретации философского знания Макс Шелер, выделив пять типов самопознания человека, представленных в истории культуры, считает их несостоятельными и связывает эту несостоятельность с отсутствием понимания человека как «пластичного» существа. Можно взять любую из пяти трактовок человеческой сущности — например, античное, греко-римское представление о человеке как разумном существе или натуралистическую концепцию, рассматривающую человека как вид, производящий орудия, — для того, чтобы убедиться в односторонности, статичности и предметной заданности этих трактовок. Стремясь к выходу из порочного круга понятий, описывающих человеческую реальность подобным образом, М. Шелер предлагает использовать такие понятийные конструкции, которые в большей степени выражают специфику человеческого бытия. Это термины «личность» и «духовность», которые он наделяет особыми смыслами.

Понятие духовности интересно тем, что оно указывает на принципиальное отличие человека от всех остальных живых организмов и включает в себя большой спектр значений. В первую очередь, это способность человека мыслить и созерцать идеи, первофеномены, первосущности. И эта разумная способность созерцания сущностных форм мира никак не соотносится со сферой интеллектуальной деятельности человека и животных, хотя на первый взгляд может показаться, что это очень похожие операции. Согласно М. Шелеру, это не так: духовность и практический интеллект — не только не похожие, но по сути противоположные друг другу способы ориентирования в мире. Когда человек смотрит на вещь «глазами интеллекта», он думает о том, каким образом данная вещь может быть приспособлена к его потребностям и будет ли это способствовать улучшению условий его выживания. Когда же человек действует как духовное существо, созерцая идеи вещей, то любая вещь мира становится ценной для него сама по себе, в ее собственном бытии, как самостоятельный предмет, независимо от того, можно ли использовать эту вещь как средство для человеческого выживания или нельзя.

Еще одной важной характеристикой духовности является свобода от всякой жизненной заданности и принуждения. Именно на свободу и экзистенциальную раскрепощенность духовного существа М. Шелер обращает особое внимание: «Если главным в понятии духа сделать особую познавательную функцию, род знания, которое может дать только он, то тогда основным определением “духовного” существа станет его — или его бытийственного центра — *экзистенциальная независимость от органического, свобода, отрешенность от принуждения и давления, от “жизни” и всего, что относится к “жизни”*, то есть в том числе его собственного, связанного с влечени-

ями, интеллекта. Такое “духовное” существо больше не привязано к влечениям и окружающему миру, но “свободно от окружающего мира” и ... “открыто миру”». [7, с. 53].

Результатом этой экзистенциальной свободы и открытости становится то, что человек может быть независимым от мира явлений. Эта независимость поддерживается тем, что способность созерцать сущности позволяет человеку видеть мир через призму предметности и, соответственно, выделять в нем предметы. Следует отметить, что предметное видение реальности доступно только человеку как духовному существу; животное, несмотря на наличие у него практического интеллекта, не может созерцать предметы мира в их собственном «так-бытии» (поскольку это характерное качество духа, а не интеллекта), и поэтому животные не могут иметь предметного отношения к окружающей среде. Человек не только имеет такое отношение, но он способен также совершать выражающие его духовную свободу акты идеации и дереализации мира в том случае, если этот мир его не устраивает.

Кроме способности к созерцанию идей и первофеноменов, экзистенциальной свободы и предметности, немецкий философ выявляет еще эмоционально-волевые компоненты духовной деятельности человека. К ним М. Шелер относит высшие эмоциональные состояния человека, «например, доброту, любовь, раскаяние, почитание и т.д.» [7, с. 53]. Центр всех духовных проявлений человека немецкий мыслитель предлагает обозначить понятием «личность». Личность определяется им как такой центр действий человеческого существа, который задает предметное видение мира, его любого состояния и, кстати, любого собственного переживания человека, но который сам при этом, как существующее действие, предметом быть не может. Понимая личность как определенный экзистенциальный проект, М. Шелер подчеркивает динамический характер духовности и призывает человека как можно чаще вспоминать о своем истинном величии как величии духовного существа.

Содержание понятий личности и духовности в философской антропологии М. Шелера позволяет отнести их к таким философским терминам, которые уходят от одностороннего рассмотрения человека. Наряду с тем что дефиниции личности и духовности направлены на выделение конкретных характеристик человеческой деятельности, они в то же время указывают на невозможность предметного истолкования человеческого существования и свидетельствуют о попытке выхода за границы эссенциального видения мира и обращения к экзистенциальной интерпретации человека. Все это позволяет философской антропологии расширять свои горизонты и осуществлять попытки включения различных аспектов индивидуальности в концептуальные построения.

Подводя краткие итоги, еще раз хочется выделить мысль о том, что хотя решение вопроса об основаниях философско-антропологического дискурса может быть разным в зависимости от первичных установок мыслителей, все-таки нельзя не признать продуктивность подхода, исходящего из утверждения принципиальной открытости и разомкнутости человеческого бытия. Данные основания вдохновляли и продолжают вдохновлять философов на создание новых смыслов и методологических приемов, которые хоть в какой-то (пусть и небольшой!) степени способствуют тому, чтобы приблизить каждого из нас к пониманию своей сущности и своего места в универсуме.

Список литературы

1. Черданцева И.В. Прологомены к пониманию человека в философии. Барнаул: Концепт, 2014. 166 с.
2. Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.
3. Свасьян К.А. Prooemium // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 3–12.
4. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий: логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
5. Международный ежегодник по философии культуры «Логос». 1925. Кн. 1. М.: Территория будущего, 2005. 237 с.
6. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
7. Шелер М. Положение человека в космосе // Проблемы человека в западной философии. М.: Прогресс, 1998. С. 31–95.

Получено 09.03.2016

Об авторе

Черданцева Инна Владимировна

доктор философских наук, доцент,
заведующая кафедрой социальной философии,
онтологии и теории познания

Алтайский государственный университет,
656049, Барнаул, пр. Ленина, 61;
e-mail: innacherd@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3445-8071

References

1. Cherdantseva I.V. *Prolegomeny k ponimaniyu cheloveka v filosofii* [Prolegomenon to the Understanding of a Man in Philosophy]. Barnaul, Konzept Publ., 2014, 166 p. (In Russian).
2. Shtirner M. *Edinstvennyy i ego sobstvennost* [The One and his Property]. Harkov, Osнова Publ., 1994, 560 p. (In Russian).
3. Svasyan K.A. [Prooemium]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2010, no. 2, pp. 3–12. (In Russian).
4. Rikkert G. *Granitsy estestvennonauchnogo obrazovaniya ponyatiy: logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki* [The Boundaries of Concepts in the Natural Sciences: a Logical Introduction to the History of Science]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1997, 532 p. (In Russian).
5. *Mezhdunarodnyy ezhegodnik po filosofii kultury «Logos». 1925. Kniga 1* [International Yearbook of the Philosophy of Culture «Logos». 1925. Book 1]. Moscow, Territoriya buduschego Publ., 2005, 237 p. (In Russian).
6. Gaydenko P.P. *Proryv k transtsendentnomu: novaya ontologiya XX veka* [A Breakthrough to Transcendental: New Ontology of the XX Century]. Moscow, Respublika Publ., 1997, 495 p. (In Russian).
7. Sheler M. [Man's Position in the Universe]. *Problemy cheloveka v zapadnoy filosofii* [Human Problems in the Western Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1998, pp. 31–95. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 09.03.2016

About the author

Cherdantseva Inna Vladimirovna

Doctor of Philosophy, Docent,
Head of the Department of Social Philosophy,
Ontology and Theory of Knowledge

Altay State University,
61, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia;
e-mail: innacherd@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3445-8071

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Черданцева И.В. К вопросу об основаниях философско-антропологического дискурса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 29–34. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-29-34

Please cite this article in English as:

Cherdantseva I.V. The problem of foundations of philosophical anthropological discourse // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 29–34. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-29-34

УДК 111.1

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-35-42

ПОЛЕТ КАК ОЖИВШАЯ МЕТАФОРА: УАЙТХЕД, ЛАТУР И АВИАЦИЯ

Мышкин Олег Степанович

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Мечта о полете волновала человечество с давних времен. Сегодня благодаря развитию гражданской авиации эта мечта не просто воплотилась в реальность но, как может показаться, превратилась в обыденное явление, не представляющее особого интереса для современной философии техники. И все же именно авиационные происшествия и катастрофы время от времени становятся причиной возникновения страха перед засильем технической реальности, способной при определенном стечении обстоятельств не только превратиться в угрозу человеческой жизни, но и подчинить непреложному порядку своего функционирования весь человеческий праксис. Предпринимая попытку обнаружить зазор, в котором остается возможным свободное действие человека, при анализе события полета мы обращаемся к описанию его генезиса с точки зрения современной онтологии — акторно-сетевой теории известного французского философа и социолога науки Бруно Латура и его философского предшественника А.Н. Уайтхеда. Стремление создать такое описание предполагает двунаправленное движение от непосредственной данности грубого факта к обобщениям все более высокого порядка и обратно — к практическому воплощению вновь приобретенной абстракции. Но что происходит в тех случаях, когда сам язык философии оказывается недостаточным для этой цели, когда человеческий разум подходит к пределам своих возможностей описания реальности? Некоторые варианты решения последней проблемы можно обнаружить в работах и философской практике Уайтхеда и его последователей.

Ключевые слова: событие, авиация, актор, сеть, концепт, абстрактное, конкретное, практика.

FLIGHT AS THE ANIMATED IMAGE: WHITEHEAD, LATOUR AND AVIATION

Oleg S. Myshkin

Perm National Research Polytechnical University

The article represents an attempt to describe the event of flight from the standpoint of such ontological conceptions as Philosophy of Process, Actor-Network Theory, Deleuze's Philosophy of the Event. Ancient dream of flying awakes and achieves rise in functioning of modern civil aviation. This sphere of production becomes so interesting for philosophy of technology because it represents work of the great number of actors (machinery, human beings and such unexpected things as volcanoes, viruses and magnetic fields) in one event. But the progress of technology is connected with the number of potential risks. And the first of them is abasement of human's role in technological management, that produces the fear of technology. Work-net of modern technologies, as many philosophers claim, inhibits every manifestation of human's free will and transforms autonomous human into the slave of technology. Philosophy can not save us from this fear, but it helps us to understand mechanics of functioning productive machinery and, may be, to discover the gap of freedom in a dense network of technology.

Keywords: event, aviation, modern ontology, ANT, concept, production.

*Так мы начали сооружать крылья
нашей свободы.*

Миф о Дедале и Икаре

Введение

Сегодня философия даже в рамках тех направлений ее развития, которые в той или иной мере тяготеют к классическим способам изложения философского знания, подобно естественным наукам стремится по возможности избавиться от всех элементов поэтического языка. Отчасти тот факт, что литературные приемы стали средствами, не дозволенными при построении философских систем, обязан своим существованием длительному господству аналитической традиции, продолжающей оказывать значительное влияние на англоязычную философию. Между тем в дискурсе европейской культурной мысли как целого продолжают функционировать метафоры, способные в силу своей эстетической образной силы, а также по причине своей исторической укорененности в сознании каждого европейца быть одним из продуктивных источников работы философской, эстетической и технической мысли, особенно на высочайших ее уровнях — тех, где речь идет уже не об описании грубого эмпирического факта, а о предельной генерализации, для преодоления и продолжения которой человеческому разуму, увы, так часто недостает сил. Проблема возможностей и ограничений языка как знаковой системы, стоящей между человеком и миром, достаточно обстоятельно анализируется в работах профессора кафедры философии Пермского государственного университета Н.И. Бересневой и ее коллег. В частности, в статье «Текст как демиург субъективности в философии и литературе XX–XXI веков» Н.И. Береснева и В.Д. Береснев пишут: «Итак, между человеком и миром находятся не только ощущения, но и язык. Язык — это тюрьма для духа, человек заперт в языке. Но если заключённый может выйти из мест заключения, то человек никогда не может выйти из языковой тюрьмы» [1, с. 265]. Признавая значимость, а также сохраняющиеся и сегодня эвристические возможности классической современной онтологической схемы, в которой язык выступает в качестве медиума между идеальным (сознанием) и материальным (миром), все же хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в одном из своих основных трудов — «Процесс и реальность» А.Н. Уайтхед предлагает оригинальное решение проблемы языка философии посредством введения новой онтологической схемы. Построение последней предполагает сознательный отказ от чрезмерного внимания к языку и преодоление таких распространенных привычек мысли, как доверие к языку в

качестве средства адекватного выражения высказываний и применение субъектно-предикативных форм выражения. Разумеется, проблема языка философии рассматривается Уайтхедом и его последователями, однако, будучи помещенной в иные, неклассические, онтологические координаты, она изрядно теряет в метафизической значимости, превращаясь скорее в проблему ограниченности метода философского познания, свойственного той или иной конкретной системе метафизики. Исследователь философского проекта А.Н. Уайтхеда Стивен Шавиро в предисловии к книге «Вне критериев: Кант, Уайтхед, Делез и эстетика» отмечает данную тенденцию, развитую Уайтхедом вопреки магистральному движению философии его времени, сравнивая Уайтхеда с Хайдеггером: «Хайдеггер требует от нас “терпеливо прислушиваться к голосу Бытия”. Он преклоняется перед загадками языка, перед теми путями, какими тот зовет к нам и направляет нас. Уайтхед предлагает гораздо более открытый, плюралистичный взгляд на способ работы языка. Он понимает, что язык содержит в себе тайны, что он отнюдь не является всего лишь средством или инструментом. Но также он предостерегает нас против преувеличения важности языка. Он постоянно отмечает связанные с языком затруднения, что также означает неадекватность сведения философии к возвеличиванию и анализу языка» [2, р. ix–x].

От абстракций метафизики к реальности события

Известный в России в основном лишь специалистам по истории англоязычной мысли начала XX в. «странный» философ, который неожиданно — в обстоятельствах засилья позитивизма и частично (в согласии с английской традицией) переложенного на эмпирические рельсы гегельянства — предложил заново построить метафизику в модифицированной, но все же традиционной *par excellence* форме когерентной системы общих идей, восходящей от наличной данности грубого факта к абстракциям все более высокого порядка, Альфред Норт Уайтхед, говоря о недостаточности эмпиризма (не только классического эмпиризма Бэкона и Локка, но и широко понятого эмпиризма, который остается негласно подразумеваемой основой всей современной науки), писал: «Для создания метафизики не годится метод приведения мысли к строгой систематизации на основе детализированных различий предшествующих наблюдений» [3, с. 274]. Самим процессам наблюдения и систематизации, какими бы сложными и опосредованными они ни были, в каких обстоятельствах они бы ни происходили, всегда предшествует порождающая, онто-генетическая работа по-

эсиса — производство нас самих как телесных и познающих существ, как *rebus cogitatis*, осуществляемое в схватывании нами с помощью силы продуктивного воображения окружающих актуальных сущностей. Говоря о недостаточности языка классической науки для целей метафизики и о необходимой роли продуктивного воображения, Уайтхед, будучи математиком, человеком наряду с Б. Расселом внесшим значительный вклад в понимание оснований этой науки, обращается к творчеству английских поэтов: Кольриджа, Вордсворта, Шелли и др. «Художественная литература множеством нитей связана с научной, философской. Она, как и философия, — один из видов использования языка. А поскольку язык есть действительность мысли, то развитие литературы находится в несомненной связи с развитием теоретического мышления, хотя и не тождественно ему» [1, с. 266]. Согласно Уайтхеду, язык поэзии, который сегодня может еще при надлежащем подходе сослужить полезную службу метафизике, слишком поспешно отвергается современной философией. Среди прочего Уайтхед предлагает в качестве *одной из образных моделей своего учения* небезынтесную метафору. Он пишет: «Подлинный метод открытия подобен полету аэроплана. Он взлетает с поверхности конкретного наблюдения; он осуществляет полет в прозрачном воздухе воображаемых обобщений; и он снова приземляется для получения новых наблюдений, которые с помощью рациональной интерпретации делаются более проникательными. [...] Такое мышление снабжает нас различиями, которые не даны непосредственному наблюдению. Оно даже может иметь дело с противоречивостью, а также способно освещать непротиворечивые и постоянные элементы опыта, сравнивая их в воображении с тем, что с ними несовместимо» [3, с. 275].

Возможность свободного полета, будоражившая умы людей с древности, становится символическим выражением самой сути учения Уайтхеда, сути последней из предложенных значительных систем метафизики. Аналогия между работой мысли и полетом аэроплана повторяется в текстах Уайтхеда неоднократно. Разумеется, сама по себе она не перестает быть всего лишь элементом художественного языка, создающим контраст с обычным сухим и догматическим стилем повествования англо-американского мыслителя.

Следует помнить, что одним из главных контраргументов Уайтхеда против классических систем эмпиризма является то, что он определил как «ошибку подмены конкретного», при которой нечто выводится из той или иной абстракции, но при этом не учитывается уровень всеобщности/конкретности, которому данная абстракция принадлежит. Ошибка

метафизиков Нового времени заключалась в том, что они долгое время тратили силы, пытаясь изобрести способ вывода конкретного из абстрактного, а когда ту или иную метафизическую систему постигал ожидаемый крах, то стремились обнаружить его причину в структуре рассматриваемой системы, в некогерентности производимых в ней выводов или, в лучшем случае, в ошибочности ее оснований. С точки зрения Уайтхеда, заблуждение кроется не в отдельных способах, какими конкретное пытаются вывести из абстрактного, а в ошибочности самого подхода: на вопрос «Каким образом конкретное выводится из абстрактного?» следует дать ответ «Никак». Мысля общие схемы и категории, метафизика должна разяснять их, опираясь на более конкретное, но не наоборот. Причиной тому необходимость учета самого процесса генезиса общих идей: абстракции, обобщения (в данном случае правильное было бы говорить концепты, но данный термин появится позднее) порождаются, возникают, отмирают и переходят в бессмертие так же, как и прочие актуальные сущности нашего мира. Уайтхед и те, кто следует за ним в этом аспекте, не задавались целью поставить под сомнение ни реальность абстрактного, ни реальность конкретного, как раз наоборот: описание генезиса как процесса порождения и прохождения реального само с необходимостью требует принять во внимание, что идеи, как и вещи, не изолированы от мира, пребывающего в процессе становления. Процесс становления, протекающий в схватывании актуальными сущностями других сущностей в единствах отношения является первичным, а конкретная определенность актуальной сущности зависит в конечном пределе от свойственного ей способа сращения — способа, каким она вступает в отношения с другими актуальными сущностями в единстве *события* сращения. Способы мышления, опирающиеся на статичные абстрактные схемы (где идеи представляются как бы вне- или надисторичными), как правило, упускают движение и изменение, постоянно порождаемую и непрерывно изменяющуюся сеть отношений, а это значит, что они упускают из своего поля зрения первичную данность события.

Известный исследователь творчества Уайтхеда Кейт Робинсон в статье «Делез, Уайтхед и разворот платонизма» указывает на неожиданное сходство, обнаруженное самим Уайтхедом в качестве одного из доводов для обоснования доктрины, в которой он, противореча общепринятым традициям европейского научного мышления, утверждает примат динамики, становления, процесса и [постоянно продуцируемого] отношения над статикой субстанций и неизменных [первичных] качеств. Робинсон пишет: «Тогда как Уайтхед был критиком “статического за-

блуждения” у Платона и греков, [в поздних диалогах Платона — “Софисте” и “Тимее”] он также обнаружил нечто для разворота вспять статического заблуждения и представления альтернативной модели. [...] Уайтхед любит цитировать “Софиста”, в котором определение бытия — “просто сила”, или “бытие есть энергия, вытекающая из силы [...] нечто, причиненное чем-либо, существует”, “никакое сущее не есть форма сущего” и т.д.» [4, р. 133] Согласно Уайтхеду, движущей силой процесса мышления является продуктивное воображение, или, выражаясь точнее, способом схватывания, свойственным человеческим существам, а также базовым фактором при порождении новых идей является *имагинативное проникновение*. Но его результат — абстракция, идея, образ, будучи актуальным продуктом интеллектуального производства, также приобретает и самостоятельную реальность даже при том, что его влияние на реальность вещей в силу специфики его способа существования имеет совсем иной характер, нежели привычное каузальное взаимодействие между самими вещами. С позиции генезиса актуальности идея всегда остается и пребывает сущей, но не действующей (в смысле обычного действия в цепи причин и следствий) силой. И все же можно утверждать, что идеи как-то проникают в актуальную реальность. В свете современного понимания логики производства (тотального производства бытия, общественного производства, технического производства и производства общественных отношений) обобщенное указание на человеческую практику как таковую в духе немецкой классики от Канта до Маркса оказывается недостаточным. Причина этого — в непосредственном наблюдении грубых фактов современного мира, в котором практика зачастую не описывается классическими моделями взаимодействия «человек–природа», «человек–техника», «человек–человек», «человек–общество», etc. Проблема заключается, во-первых, в размывании границ регионов человеческого и нечеловеческого: в технической, эстетической, моральной и других видах практик действующими акторами сегодня часто оказываются уже не конкретные наделенные сознанием человеческие индивиды, взаимодействующие с чем-то определенно внешним, нечеловеческим, но более сложные гибридные акторы, образованные в ходе сетевого взаимодействия. Тем не менее человек отнюдь не исключается из практики, он все так же входит в производственные отношения, но по-новому — способами, которые наверняка заставили бы немецких классиков удивиться. Во-вторых, изменилась роль конкретного человека в цепи производства. Наши когнитивные и физические способности все менее отвечают требованиям бесконечно ускоряющегося темпа и все более слож-

ной локализации процесса глобального производства. Прямо пропорционально такому росту падает значимость индивидуального. Повсюду машины и машины машин, человек не исключение из реальности кишения механизмов. Нельзя сказать даже, что они окружают нас: мы сами и есть точно такие же машины, пусть и гордящиеся (по праву или нет) некоторыми исключительными способами своего функционирования — как если бы логика наших чувств, например чувства гордости, не оказывалась бы на поверку все той же логикой машин. Реальность, данная в грубом факте, сама расставляет все и вся по своим местам. Сегодня мы уже далеки от романтической иллюзии, согласно которой *мы* будто бы управляем распределением потоков становящегося сущего.

Анти-Икар?

Следуя уайтхедианскому методу начнем с непосредственной данности грубого факта. Нам нужен пример, наиболее ярко иллюстрирующий момент возрастающей процессуализации сущего. В требуемом феномене логика ускорения должна достигать своего максимума: экономического максимума вовлеченности потоков людей и капитала, максимума требований к человеку (как интеллектуальных, так и физических), максимума сложности вовлеченных в процесс производства технических средств, максимума сложности сетей и необходимой скорости их функционирования, максимума включенности отдельного человека и машин, продуктом работы которых он является, в более широкие сетевые отношения, максимума качества (точности действия согласно алгоритму) и скорости действия отдельных акторов внутри производящей сети. И здесь метафора Уайтхеда оказывается пророческой: сложно подобрать факт современной реальности, в большей степени отвечающий нашему запросу, лучше иллюстрирующий динамику процесса становления, чем современная авиация.

В античной Греции мечта о полете была воплощена в мифе о Дедале и Икаре. Сама идея полета была уже тогда, грекам лишь недоставало материальных средств для ее воплощения. Впрочем, они компенсировали невозможность настоящего полета тем, что практиковали его отчасти. Уайтхед по этому поводу замечает: «Платону нравилось мореходство, спорт аристократов. Мореходство — поворот и мгновение, в котором все пребывает в становлении и нет ничего статичного» [4, р. 135]. С точки зрения истории метафора, мысль, идея (в широком значении всякого единичного элемента содержания сознания) ожила 17 декабря 1903 г., но в действительности она была жива уже во времена Платона. Благодаря достижениям человеческой мысли, опираю-

щейся на способность продуктивного воображения, сегодня полет — это каждодневная реальность. В наши дни мечта о полете превратилась даже не просто в реальность, а в обыденность. Тысячи людей находятся в воздухе каждый час, каждую секунду, каждое мгновение. Перелет из одного населенного пункта в другой еще при жизни Уайтхеда перестал быть событием в расхожем смысле этого слова, однако он остается событием в философском смысле, коль скоро, как пишет Жиль Делез в главе «Складки», посвященной Уайтхеду, «все есть событие». Всякое событие отсылает к бесконечной цепи схватываний, в которой субъект схватывания сам есть «предсуществующее или сосуществующее схватывание, так что всякое схватывание есть прегензия прегензий, а событие — “узел прегензий”» [5, с. 137]. В событии всегда присутствует некий X, некая производная сторона существования актуальной реальности, которая как бы изымается из сферы доступного нашему познанию, шире — из сферы актуального, но лишь с тем, чтобы в самой своей изъятости продолжать действовать в реальности, предоставляя варианты, реальные возможности развития мира. Событие не является чем-то внеположным по отношению к актуальной реальности — более того, всякое схватывание реального в актуальном происшествии, в том числе и мыслительное схватывание нами окружающих вещей/событий парадоксальным образом имеет своим горизонтом потенциальное, событие как реальную возможность. Греки понимали это гораздо лучше нас: отсюда та роль, которая приписывалась ими судьбе. И все же их мышление, будучи подчиненным современному им математическому идеалу, оставалось по преимуществу линейным. Потому судьба неизбежно превращалась для них в рок: что бы ни делал Эдип, он неминуемо убьет своего отца и женится на собственной матери согласно предсказанию. Делез и Гваттари посвятили сотни страниц анализу структуры и происхождения эдипизированного сознания и самого процесса эдипизации, а также предложили возможные варианты преодоления внутреннего Эдипа. Но нет ли своего Эдипа и в том, что касается техники?

Французский философ Бруно Латур продолжил критику философского проекта Нового времени. В своей знаменитой книге «Нового времени не было» он среди прочего предложил новый взгляд на технику, поставив под сомнение казавшееся незыблемым современное понимание границ между человеческим и нечеловеческим (в том числе техническими артефактами), опирающееся на искусственные абстракции чистого субъекта и чистого объекта. Латур указывает на очевидный факт: большая часть того, с чем мы вынуждены иметь дело, не является

(и никогда в действительности не являлась) ни субъектом, ни объектом, но представляет собой нечто, располагающееся между этими двумя полюсами, искусственно поддерживаемыми современным пониманием мира. Это нечто представляет собой «третье сословие вещей», гибриды или квазиобъекты. Латур вопрошает: «Где разместить все эти гибриды? Человечны ли они? Человечны, поскольку они наше творение. Являются ли они природными? Да, поскольку они не являются созданными нами. Носят ли они локальный или всеобщий характер? И то и другое» [6, с. 118].

Но не демонстрирует ли современная авиация по меньшей мере некоторые свойства гибрида? Рассмотрим летящий на эшелоне 10 000 м современный авиалайнер как событие. Является ли оно локальным или глобальным? Какие сети и акторы в нем участвуют? Каким способом его отдельные элементы включаются в единство данного события и какова роль каждого из них? Как это событие вписывается в логику общественного производства?

При ответе на поставленные вопросы мы будем продвигаться от описания тех сетей и акторов, которые локализованы непосредственно в авиалайнере как техническом артефакте ко все более глобальным сетям, прямо или опосредованно участвующим в событии полета. Итак, «мозгом» самолета является бортовой компьютер, в который стекаются потоки данных от сотен датчиков, расположенных в разных его частях. Наибольшей значимостью, разумеется, обладает информация, приходящая от датчиков, расположенных в жизненно важных системах: двигателях и системах управления ими, топливных баках, системах управления рулем высоты и рулем направления, управлением положением закрылков, предкрылков и интерцепторов, положением триммеров руля высоты и руля направления, систем определения горизонтальной и вертикальной скорости, положения самолета относительно линии горизонта, датчиков температуры и задымления в отдельных агрегатах и в салоне самолета и огромного множества других. В тело самолета инкорпорирована обширная локальная компьютерная сеть. Она, в свою очередь, связана с глобальной компьютерной сетью, посредством чего на бортовой компьютер и от него передаются данные о географическом положении лайнера. Посредством радиосвязи самолет связан с диспетчерскими пунктами, в свою очередь оборудованными радарными, помогающими зафиксировать пространственное положение всех находящихся в воздухе летательных аппаратов, пространственное положение наземных объектов, состояние погоды в районе полета и т.д. Человеческие существа (пассажиры, пилоты и другие члены экипажа, диспетчеры, метеорологи, инженеры, техники, менеджеры авиакомпаний, обслуживающий

персонал, инспекторы и следователи, авиационные эксперты и т.д.) также инкорпорированы в эту сеть в качестве необходимых элементов, подчиненных логике ее функционирования. Но последнее означает, что с включением в эту сеть каждого конкретного человека в нее каждый раз входят мириады новых агентов, остающихся до времени незаметными, но способных оказать решающее влияние на событие полета. По своей природе они могут быть связаны со всем, что так или иначе оказывает причинное воздействие на человека, а через него — на всю сеть. Упомянем лишь самые очевидные типы таких агентов, опосредованно воздействующих на событие полета через человека. Они могут иметь самую разную природу — как естественную, так и социальную. Среди них биологические агенты (излишне распространяться о важности физического состояния пилота, но решающим может оказаться и состояние рабочего, собиравшего ту или иную деталь самолета на заводе, и состояние диспетчера, на секунду потерявшего концентрацию внимания из-за болезни, вызванной, например, вирусом гриппа), агенты, принадлежащие области психологии (например, сложно подсчитать количество авиакатастроф, причиной которых явилась ненадлежащая психологическая атмосфера в кабине пилотов), лингвистические (одно-единственное неточно произнесенное диспетчером слово может послужить причиной катастрофы), социально-экономические (гиперэксплуатация персонала авиакомпаниями стоила жизни сотням пассажиров и членов экипажей). Помимо того что так или иначе связано с работой конкретных людей в качестве акторов сети, в становлении которой конституируется событие полета, существует огромное множество нечеловеческих агентов. Действие одних из них относительно предсказуемо, но все равно может оказаться губительным. Таковы, например, обстоятельства полета, связанные с физическими свойствами материалов, из которых изготавливаются узлы и агрегаты самолета, с физическими характеристиками условий полета: давлением, температурой, влажностью, скоростью и направлением ветра и т.д. Другие имеют химическую природу: например, ускоренная коррозия элементов конструкции вследствие частых полетов над морем. Но порой решающее воздействие оказывается такими природными агентами, предположение о воздействии которых до момента аварии кажется совершенно невероятным. Например, вопрос: как может угрожать лайнеру, летящему на высоте одиннадцати километров, тектоническая активность? Ответом на него является реальное авиационное происшествие, когда 24 июня 1982 г. все четыре двигателя самолета «Боинг-747», выполнявшего рейс «British Airways-9», вдруг остановились из-за попадания в них абразивных частиц, содержащихся в облаке вул-

канического пепла, в которое влетел не предупрежденный заранее об извержении вулкана на пути полета экипаж. Приведенные нами факты скупы и схвачены чрезмерно поверхностно, но их перечень все же позволяет в какой-то мере заметить, что в конституировании события полета участвует огромное множество видимых и скрытых акторов, обладающих как человеческой, так и нечеловеческой природой.

Тема онто-экономических аспектов функционирования современной гражданской авиации и воздействия экономических факторов на сам процесс полета заслуживает отдельной книги. Здесь важно отметить, что авиационная отрасль демонстрирует предельную интенсивность всех основных качеств современного капиталистического производства. Бесконечные потоки пассажиров, потоки денег, потоки машин, потоки топлива и гидравлической жидкости, потоки информации, линии воздушных трасс и их пересечения, узлы диспетчерских пунктов, транспортные узлы аэропортов. Разве данная картина не может служить прекрасной иллюстрацией философии Жюлья Делеза и Феликса Гваттари, особенно их размышлений об онтологическом устройстве современного производства?

Заключение

И все же мы не перестаем задаваться вопросом о перспективах нашего существования во всецело имманентном мире вещей/событий. В чем действительная причина нашей тревоги, наших страхов относительно техники? Является ли наша отчужденность от мира вещей непреодолимой? Где искать того Гелиоса, что постоянно оплавляет наши крылья, стоит только нам взлететь чуть выше? Должны ли мы отказаться от своего разума, чтобы примириться с реальностью тотально технизированного существования? Бруно Латур отмечает, что именно работа созидания абстракций (очищения) одновременно отрицает/осуществляет проникновение в то, что находится в «несуществующем» пространстве между рациональными субъектами и объектами (работу медиации): «Дуализм природа/общество необходим для Нового времени, чтобы оно могло увеличить масштаб смешивания объектов с субъектами» [6, с. 108]. Многие летчики, сумевшие избежать катастрофы в обстоятельствах, которые не были описаны ни в одном руководстве по летной эксплуатации, на вопрос о том, как же им это удалось, отвечают одинаково: в решающий момент я и машина стали одним целым. Эти утверждения отнюдь не являются просто красивыми словами — они передают реальные ощущения человека, поставленного в критическую ситуацию, когда на кону стоит жизнь или смерть, и действующего на пределе физических и когнитивных способностей. Напряженная работа

мысли, мысли предельно рассудочной, алгоритмизированной до мельчайших подробностей, буквально воплощается в событии, но самой по себе ее не всегда достаточно для того, чтобы избежать катастрофы. Здесь вступает в действие умение слиться всем своим существом с жизнью механизма, стать равноправным актором, включенным в функционирование гибридной сети, необходимое чтобы перенаправить направление ее становления. Не обнаруживается ли здесь некий зазор, некое игнорируемое нововременным пониманием мира (есть рациональный субъект, есть вещь, и они никогда не смешиваются) поле свободы? Но свобода всегда предполагает равноправие. Это поле свободного решения раскрывается только при том условии, что человек безоговорочно признает автономию существования вещей и действует в согласии с таким пониманием своего места, своей роли в качестве равноправного актора в производстве бесконечно сложного в своей конкретности события. И наоборот, катастрофы зачастую происходят тогда, когда пилоты пытаются действовать строго по инструкции в ситуации, этой инструкцией не предусмотренной. Конкретность каждого единичного события полета никогда не будет схвачена никакой инструкцией и никаким алгоритмом. Кажется, что в этом человеческий разум действительно терпит поражение и потому в ужасе немеет перед непредсказуемостью технического существования. Однако и свое поражение он умеет превратить в свой триумф. Не случайно огромные материальные и человеческие ресурсы расходуются на расследование причин авиакатастроф: исследуя в мельчайших подробностях причины крушения и действуя при этом весь научный инструментарий, подаренный нам Новым временем, человеческий разум совершает все ту же работу очищения. Он вписывает в историю развития абстрактных схем и алгоритмов все новые главы, он уточняет и совершенствует инструкции, делая их все более адекватными конкретности отдельного события.

Ужас и оцепенение при виде непреложного порядка функционирования технического происходит не от самих технических артефактов. Его истинная причина в неспособности понять порядок события (со)существования человека и техники и способы самоконституирования, которые присущи техническому как таковому.

Список литературы

1. Береснева Н.И., Береснев В.Д. Текст как демиург субъективности в философии и литературе XX–XXI веков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2011. Т. 17, № 1. С. 265–270.

2. Shaviro S. Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics. Cambridge, MA: The MIT Press; London, 2009. 190 p.
3. *Yaïmxed A.* Избранные работы по философии: пер. с англ. / сост. И.Т. Касавина; общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 718 с.
4. *Robinson K.* Deleuze, Whitehead and the Reversal of Platonism // Deleuze, Whitehead, Bergson. Rhizomatic Connections / ed. by K. Robinson. University of South Dakota, 2009. P. 128–144. DOI: 10.1057/9780230280731.
5. *Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко: пер. с фр. Б.М. Скуратова / общ. ред. и послесл. В.А. Подороги. М.: Логос, 1997. 264 с.
6. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии: пер. с фр. Д.Я. Калугина / науч. ред. О.В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.

Получено 03.12.2016

References

1. Beresneva N.I., Beresnev V.D. [Text as a demiurge of subjectivity in Philosophy and Literature of XX–XXI centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University]. 2011, vol. 17, no. 1, pp. 265–270. (In Russian).
2. Shaviro S. Without Criteria: Kant, Whitehead, Deleuze and Aesthetics. Cambridge, MA: The MIT Press; London, 2009, 190 p. (In English).
3. Whitehead A.N. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1990, 718 p. (In Russian).
4. Robinson K. Deleuze, Whitehead and the Reversal of Platonism. *Deleuze, Whitehead, Bergson. Rhizomatic Connections* / ed. by K. Robinson. University of South Dakota, 2009. pp. 128–144. DOI: 10.1057/9780230280731 (In English)
5. Deleuze G. *Skladka. Leybnits i barokko* [The Fold. Leibnitz and the Baroque]. Moscow, Logos Publ., 1993, 264 p. (In Russian).
6. Latour B. *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We have never been modern. Essay on symmetric anthropology]. Saint Petersburg, EUSP Press Publ., 240 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.12.2016

Об авторе

Мышкин Олег Степанович

аспирант кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,

614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;

e-mail: olegmyshkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6850-3929

About the author

Myshkin Oleg Stepanovich

Ph.D. Student of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnical University,
29, Komsomolsky av., Perm, 614990, Russia;

e-mail: olegmyshkin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6850-3929

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Мышкин О.С. Полет как ожившая метафора: Уайтхед, Латур и авиация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 35–42. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-35-42

Please cite this article in English as:

Myshkin O.S. Flight as the animated image: Whitehead, Latour and aviation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 35–42. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-35-42

УДК 316.24(2)

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-43-50

УЧЕНИЕ ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА В КРИТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ НИКОЛАЯ ДАНИЛЕВСКОГО И НИКОЛАЯ СТРАХОВА (ИЗ ИСТОРИИ ДАРВИНИЗМА В РОССИИ)

Снетова Нина Васильевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуется характер критики учения Дарвина о происхождении видов со стороны русских философов — неославянофилов Н. Данилевского и Н. Стрехова. Анализируется первая в истории русской философской мысли критика Стреховым перенесения дарвинизма на социальные отношения в западной литературе. Стрехов верно оценивает перенесение биологических закономерностей на социальные отношения как кризис гуманизма. Показано, что в анализе причин распространения эволюционной теории среди ученых и в общественном сознании сказываются социально-политические и философские взгляды критиков. Демонстрируется попытка Стрехова найти внеученные, социокультурные детерминанты развития, распространения научного знания. Пытаясь их найти, он объясняет очень быстрое, с его точки зрения, распространение дарвиновского учения среди ученых тем, что они руководствуются не научными основаниями, а верой в авторитеты. Критикуется мнение Стрехова, что наука движется изменениями, происходящими в сфере нравственности.

Автор статьи сосредотачивается на критике Данилевским и Стреховым мировоззренческих оснований дарвиновского учения. При этом Стрехов во многом развивает аргументацию, предложенную Данилевским, следуя за ним. Данилевский выделяет два типа мировоззрения — идеализм и материализм. Под материализмом понимается механистическая его форма, которой свойственен механистический детерминизм. Отмечается, что Данилевский и Стрехов не согласны с трактовкой учения Дарвина как механистического мировоззрения, т.к. Дарвин заменил принцип механистической необходимости принципом абсолютной случайности. Подчеркивается, что русские критики нащупали действительно слабые места в дарвиновском учении. Однако сами они исходили из неверного понимания соотношения необходимости, закономерности и случайности.

Ключевые слова: Николай Данилевский, Николай Стрехов, дарвинизм, учение Дарвина, социал-дарвинизм, развитие науки, социокультурные факторы, случайность.

CHARLES DARWIN'S THEORY IN THE CRITICAL REFLECTION OF NIKOLAY DANILEVSKIY AND NIKOLAY STRAKHOV (FROM THE HISTORY OF DARWINISM IN RUSSIA)

Nina V. Snetova

Perm State University

The article examines the nature of criticism of Darwin's theory of the origin by the Russian philosophers neoslavophiles Nikolay Danilevskiy and Nikolay Strakhov. The first Social Darwinism criticism in the history of Russian philosophical thought is analyzed. Strakhov correctly estimates that using biological principles in the analysis of social relations points on the crisis of humanism. It is shown that social, political and philosophical views of the Russian critics have an impact on their analysis of the causes of the evolutionary theory spread among scientists and in public consciousness.

There is shown Strakhov's attempt to find non-scientific, socio-cultural determinants of development, dissemination of scientific knowledge. Trying to find them, he explains quick spread of Darwin's theory by the fact that scientists guided by faith in authorities, but not by scientific foundations. Author criticizes Strakhov's idea that science is made by changes in the sphere of morality.

The author focuses on criticism of philosophical reasons of Darwin's theory by Danilevskiy and Strakhov. In most cases Strakhov develops the argument proposed by Danilevsky. Danilevsky distinguishes idealism and materialism as two types of the worldview. Materialism is understood in its mechanistic form, which can be characterized as the mechanistic determinism. It is noted that Danilevsky and Strakhov do not agree with the interpretation of Darwin's theory as the mechanistic worldview. They argued that Darwin replaced the principle of the absolute necessity by the mechanistic principle of an accident. It is underlined that Russian critics groped real weaknesses in Darwinian doctrine. However, they incorrectly interpreted the relationship of necessity and chance.

Keywords: Nikolay Danilevskiy, Nikolay Strakhov, Darwinism, Darwin, social Darwinism, the development of science, sociocultural factors, accident.

Со времени публикации книги «Происхождение видов путем естественного отбора» в 1859 г. учение Ч. Дарвина и дарвинизм не перестает быть актуальной темой научных исследований, а также предметом горячего обсуждения среди широкой читающей публики. Этот интерес вызван не только необычайной сложностью и нерешенностью проблемы развития биологической формы материи, но и ее *мировоззренческой значимостью*. В России дарвинизм имеет свою длительную историю.

Если посмотреть на начало этой истории, то можно увидеть следующую картину. Книга Дарвина «Происхождение видов» вышла, как известно, 24 ноября 1859 г. За несколько лет учение Дарвина приобрело множество сторонников во многих странах, в том числе и в нашей стране. Уже в январе 1860 г. в Петербургском университете проф. С.С. Куторга читал лекции о дарвиновской теории. В среде ученых начинается обсуждение теории. В 1861 г. Г.А. Траутшольд делает доклад, посвященный ее обсуждению, и публикует первую рецензию на работу Дарвина. Через год появляется небольшая статья Н.Н. Страхова «Дурные признаки», в которой работа Дарвина охарактеризована как выдающийся вклад в развитие естественных наук. В 1864 г. выходит первый полный перевод книги «Происхождение видов» на русский язык.

Успех дарвинизма в России историками науки объясняется тем, что проникновение дарвинизма в Россию совпало с оживлением общественно-политической и научной жизни в стране. В первой половине 60-х гг. умами учащейся молодежи овладевают Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, Н.А. Добролюбов. В этот период в стране начинается распространение позитивизма с его культом естественно-научного знания и сциентистской идеей, что наука — это основной фактор социального развития. Д.И. Писарев в своих статьях, высоко оценивая теорию Дарвина, призывал молодежь содействовать упрочению эволюционных идей в науке. М.А. Антонович писал, что русские ученые отнеслись к новой теории весьма сочувственно и встретили её как желанную и ожидаемую гостью. Кроме того, быстрому распространению и принятию теории

способствовала уже существовавшая подготовленная научная основа.

Однако в истории дарвинизма в России были и ученые, критиковавшие учение английского естествоиспытателя. К ним относятся биологи по образованию, неославянофилы по социальным взглядам Николай Яковлевич Данилевский и Николай Николаевич Страхов. Оба относятся к такому сквозному течению в отечественной философской мысли, как органицизм [см. 1]. В 1862 г. в журнале «Время» Страхов публикует заметку с симптоматичным и точным названием — «Дурные признаки» [см. 2]. В заметке дается критический анализ оценок и выводов из теории Дарвина, которые были найдены автором в комментарии французской переводчицы «Происхождения видов» — К.А. Ройе. Перевод знаменитой книги на французский был сделан ею в том же 1862 г. Не раскрывая содержания дарвиновского учения, отечественный критик верно указал, что Дарвином найден основной фактор биологической эволюции — естественный отбор. Внимание Страхова привлекла и вызвала крайне негативную реакцию попытка французской переводчицы *перенести естественный отбор на социальные отношения*. Ройе, пишет он, прямо утверждает, что теория Дарвина «богата гуманитарными, нравственными следствиями». Если приложить закон естественного отбора к человечеству, пишет Ройе, то мы с удивлением увидим, насколько ложны были до сих пор наши гражданские и политические законы, религиозная мораль.

Примечательно, что в комментарии переводчицы русский мыслитель обращает внимание на имеющуюся критику именно религиозной морали. Ройе указывает на такой недостаток последней, как преувеличение сострадания, милосердия, братства, в которых христианская эра видела идеал социальной добродетели. Французская переводчица утверждала, что религиозная мораль, преувеличивая самопожертвование, требовала, чтобы всегда и во всем сильные приносились в жертву слабым. В результате этого, с ее точки зрения, бедствия, которыми были поражены слабые, больные, обиженные природой, укореняются и размножаются, зло не уменьша-

ется, а увеличивается. Делается вывод, что человечество поступает противоестественно, не слушая природу. Как видим, Ройе в 1862 г. предвосхищает вариант интерпретации теории Дарвина, характерный для социал-дарвинизма. Фактически сразу же с опубликованием перевода «Происхождения видов» появляется «научное» обоснование вивисекции.

Возражая, Страхов отмечает, что люди до сих пор не слишком преувеличивали сострадание, милосердие и самопожертвование, судя по тому, что «у нас всегда шла великолепнейшая жизненная конкуренция, и закон естественного избрания постоянно находил полнейшее применение. Сильный давил слабого, богатый бедного, и вообще, из малейшего преимущества была извлекаема в этой борьбе наибольшая выгода» [3, с. 394]. По сути, Страхов констатирует антагонистический характер социальных отношений. При этом, заметим, не предпринимается попытка ответить на вопрос о причинах такого их характера. Однако данная оценка свидетельствует, что отечественный мыслитель негативно оценивает социальное неравенство, демонстрируя понимание различия между биологическим и социальным неравенством. Таким образом, на наш взгляд, прежде всего, можно оценить гуманистический пафос отечественного критика, его выступление в защиту человеческого достоинства каждого человека.

Судя по содержанию критики, Страхову понятна несостоятельность биологизации человека, переноса закономерностей, характерных для биологической формы материи, на общественные отношения. Взгляды Ройе для Страхова — свидетельство того, что «мы перестали понимать человеческую жизнь, мы теряем ее смысл, как скоро не отделяем человека от природы, как скоро ставим его наряду с ее произведениями и начинаем судить о нем с той же точки зрения, как о животных и растениях» [3, с. 396].

В своей публикации русский исследователь стремится не просто дать оценку взглядам конкретного критикуемого автора, но подойти к вопросу шире, мировоззренчески, что для него типично. Во-первых, он дает общую оценку современной ему духовной жизни, справедливо констатируя, что её характеризует бурное развитие естествознания. Авторитет естественных наук становится непререкаемым. Соответственно возникает претензия естественных наук на исчерпывающий взгляд на мир, человека, общество в целом. В заметке «Дурные признаки» отечественный мыслитель точно фиксирует свойственное тому времени распространение сциентистских настроений в общественном сознании, что свидетельствует о его способности к глубокому осмыслению духовной ситуации эпохи. Он пытается объяснить причины распространения сциентизма в духовной культуре Западной Европы. С

одной стороны, мыслитель, на наш взгляд, правильно улавливает, что появление подобных трактовок дарвинизма свидетельствует о кризисе гуманизма в западном обществе, при этом на данной оценке он останавливается, не ставя вопрос о том, чем вызван кризис гуманизма. С другой стороны, в анализе Страхова видна «тенденция» — анализ осуществляется с позиций почвенничества.

В духе последнего заявляется, что в лице Ройе и ее воззрений автор представляет читателям любопытный факт западноевропейского образования. Оно ищет спасения дряхлеющей западной цивилизации в подобных взглядах и средствах, что приличествует, по мнению Страхова, эпохе падения: «Настоящее время, во всяком случае, загадочное, и, может быть, более загадочное, чем всякое другое, нередко сравнивают с эпохой упадка древнего мира; говорят, что мы переживаем период такого же всеобщего одряхления, такого же постепенного и безвыходного разрушения всех форм, в которых жизнь до сих пор выражалась» [2, с. 158]. Таким образом, отечественный мыслитель фактически утверждает, выражаясь современным языком, что хождение социал-дарвинистских представлений свидетельствует о кризисном состоянии общества.

Автор статьи «Дурные признаки» предостерегает в данной публикации от абсолютной веры в то, что естественные науки сами по себе могут стать спасением, «твердой точкой опоры, на которой можно крепко держаться среди окружающего разрушения». Иначе говоря, естественные науки не могут служить достаточной, а главное, безусловной, абсолютной основой для ценностной ориентации человека в обществе.

Анализируя идеи этой небольшой работы, можно сделать следующее резюме:

1. Страхов выдвигает совершенно правильную мысль, что *естествознание* в мировоззренческом отношении не самостоятельное, оно само *нуждается в мировоззренческой интерпретации*. Объективно заслуга философа состоит, в частности, в том, что он одним из первых, имея естественно-научное образование, *осознал ограниченность сциентизма как мировоззренческой ориентации*.

2. Заслугой русского мыслителя является и то, что он одним из первых (а возможно, и первый в мире) выступил с критикой социал-дарвинизма, что является актуальным и по сей день. Намного позже философы и естествоиспытатели делали заявления по поводу первенства критики перенесения борьбы за существование на человеческое общество. Так, К.А. Тимирязев утверждал: «П. Кропоткин в своей интересной книге “Взаимная помощь, как фактор эволюции” пишет, что проф. Кесслер был первый натуралист, выразивший (в 1880 г.) протест против

злоупотребления термином “борьба за существование” в применении к человеку. При всем уважении к памяти учителя, я позволю себе заметить, что этот протест я высказал двумя годами ранее (в 1878 г.) в лекции “Дарвин, как тип учёного»» [4, с. 360. Примеч.]. Между тем книга Дарвина вышла в свет в 1859 г., поэтому можно сказать, что Страхов первым в отечественной, а возможно, и в мировой науке выступил с протестом против перенесения учения Дарвина на социальные явления. Однако его выступление осталось незамеченным и не оцененным.

Обратим внимание еще на одну раннюю публикацию Страхова. В 1864 г. он выступает в журнале «Эпоха» с критикой попыток представить теорию Дарвина как растлевающе действующую на умы подрастающего поколения, интерпретировать её как только гипотезу, не имеющую истинного основания. Такая точка зрения была представлена в романе «Марев», напечатанном в «Русском вестнике». Ученый проводит параллель между тем, как воспринималось в истории человечества учение Коперника и как оценивается дарвиновская теория. В публикации справедливо указывается, что система Коперника тоже считалась ядом, растлевающим умы и подрывающим уважение к преданию. В «Заметке летописца» (1864 г.) учению Дарвина *дается* необычайно высокая оценка. Страхов утверждает, что теория постепенного развития живой природы не менее важна, чем система Коперника. Он призывает осторожно обращаться с теми воззрениями, которые представляют естественные науки. Иначе можно попасть, предупреждает мыслитель, «в число тех людей, для которых казалось нестерпимой нелепостью, что земля круглая, и было страх как смешно, что она вокруг солнца обращается» [5, с. 346].

Однако в последующем мыслитель много сил и времени отдал критике самого дарвинизма, следуя морфологическому принципу, который он воспринял у К. Бэра и Н. Данилевского и который согласовывался с концепцией *органического понимания*. Более того, Страхов, защищая книгу Данилевского «Дарвинизм», вступил в окончившуюся для него поражением полемику с Тимирязевым. Эта полемика нанесла удар по его престижу как ученого. Но Страхов остался верен памяти своего друга Данилевского даже в ущерб своей репутации.

В полемике Страхов и Данилевский использовали, в частности, *аргументы вненаучные*, являвшиеся следствием их славянофильских пристрастий. Иными словами, полемика ими политизировалась. Посмотрим, как выглядела аргументация в славянофильском духе в споре об истинности дарвинизма. Тимирязев очень высоко оценивал дарвиновскую теорию. И уже это использовалось Страховым, который перечисляет оценки Тимирязева и комментирует их следующим

образом: «Во-первых, что такое для него был и есть дарвинизм? “Одно из величайших приобретений человеческой мысли”; “одно из могучих течений современной научной мысли”. Такого взгляда г. Тимирязев держался от начала, и каждый год он проводит и излагает его на своих лекциях; в таком духе он писал и пишет свои статьи и книги. Да и не он один. “Русских дарвинистов, вероятно, столько же, сколько натуралистов”. Вот какое крепкое и общепринятое убеждение есть дарвинизм. Это не просто одно из учений, это, можно сказать, сама наука.

Поэтому, когда стали беспрестанно говорить г. Тимирязеву о русской книге, в которой опровергнут дарвинизм, то он, как сам рассказывает, задал себе вопрос: “проявляется ли в этом *общее направление европейской мысли*”? И он отвечал себе, конечно, что нет, а потому и осудил заранее эту книгу.

Заметьте оттенки в приведенных нами словах. Слово *европейский* употребляется тут недаром. Оно означает то драгоценное качество, которое и для профессора, и для его слушателей есть ручательство за истину и за всякое достоинство. Особенно же, если дело идет об *общем направлении*, то авторитет таких вещей возрастает неизмеримо.

Мало того, у г. Тимирязева зародилось новое предубеждение. Он почему-то заметил, что только *известная часть нашей печати* “встречает восторженно” книгу Н.Я. Данилевского, и потому заподозрил, что это делается не просто, а из патриотизма и, пожалуй, из чего-нибудь похуже. Сказать по сущей правде, вся эта *часть печати* был я один, пишущий настоящие строки; но г. Тимирязев, так или иначе, обобщил явление, и тем более стал настороже. Он пришел к мысли, что книга, о которой идет речь, есть “только явление местного, так сказать, этнографического и временного свойства”. Другими словами, что книга есть очевидный признак русской отсталости от Европы и, вероятно, вызвана так называемым *мракобесием*, которое иногда у нас обнаруживается» [6, с. 424–425]. Примечательно, что страховское замечание по поводу слова «европейский» выглядит весьма современно, оно и ныне у нас нередко означает «драгоценное качество, которое и для профессора, и для его слушателей есть ручательство за истину и за всякое достоинство». Такого рода подход в критике естественно-научной теории может вызвать удивление. Объяснение ему дается А.П. Огурцовым: «Следует отметить, что во 2-й половине XIX в. существенно изменился социокультурный контекст, в который всегда включена наука. В противовес как просветительскому культу единого Разума и прогресса науки, так и идеи о науке как деятельности всеобщего духа, представленной в немецком идеализме, в этот период начинает формироваться национальное самосознание и

осознаваться многообразие национальных культур. Это приводит не только к критике европоцентризма и к формированию концепций замкнутых культур, но и к повороту в самом способе обоснования науки — наука и формы ее организации включаются в контекст национальной культуры» [7, с. 315].

Дарвинизм также анализируется Данилевским и Страховым в контексте развития науки. При этом оказывается важным, как они трактуют развитие научного знания. Прежде всего они пытаются объяснить быстрое признание новой теории в научном и околонуковом сообществе. Это действительно интересный науковедческий вопрос. Страхов верно оценил предложенную Дарвином теорию как переворот в науке, сравнимый с переворотом, совершенным Коперником. Если это переворот, то, естественно, новая теория вступает в противоречие со старыми объяснениями органического мира. Отечественный критик делает правильный вывод, что главным препятствием для Дарвина были учения, господствовавшие среди самих натуралистов. Английский ученый признает, что многие из старых и уважаемых научных авторитетов являются противниками идеи изменения видов. Тем не менее, переворот свершился и произошел довольно быстро. Страхов использует то, что сам автор «Происхождения видов» выразил удивление тем, как быстро были приняты его взгляды. Отсюда критик делает вывод, что для английского натуралиста верховным авторитетом является большинство голосов ученых и, следовательно, ему не важны требования науки, ее внутренние законы, методы и т.п., т.к. им предполагается, что «все это наилучшим образом определяется большинством голосов». Таким образом, согласно Страхову, несмотря на то, что английский ученый создал новую смелую теорию, он не претендует быть самостоятельным, а скромно подчиняется авторитету — общему мнению ученых. «Дарвин как бы вынес свою теорию на рассмотрение ученого парламента и теперь радуется, что получил одобрение» [6, с. 308]. И далее следует, думается, напрасный совет, что Дарвину как натуралисту должен быть важнее всего авторитет его науки. Если наука решила, то вскоре ее решение принимается всеми. Если бы для автора теории происхождения видов «верховным авторитетом» было мнение и одобрение большинства ученых, то он, скорее всего, не стал бы публиковать и отстаивать эту теорию.

Описанная ситуация, с точки зрения отечественного критика, есть демонстрация предрассудков, «господствующих в ученом мире». Суть первого предрассудка состоит в том, что «каждый ученый воображает, что его частная наука обладает верховным авторитетом, и ему в голову не приходит согласовывать добытые им результаты с некоторой об-

щей системой, с цельным взглядом на мир. Этот предрассудок очень силен у Дарвина, который на сколько-нибудь отвлеченные и трудные философские взгляды смотрит с таким неверием и отчуждением, что даже не считает нужным говорить о них и опровергать их» [6, с. 309]. Можно возразить, что и сам автор критической статьи о Дарвине, сделав данное заявление, не поясняет, о каких философских взглядах идет речь.

Наоборот, если иметь в виду, что в XIX в. усилиями философии и естественных наук формируется новая, эволюционная, картина мира, то в таком случае дарвиновская теория с ней согласовывалась. Более того, учение английского натуралиста внесло мощный вклад в утверждение этой картины. Примечательно, что Страхов, исповедуя органический взгляд на мир, «идею организма», являющуюся в его философии центральной идеей и методологическим подходом, рассматривал мир как целостный, развивающийся организм. В гегелевской философии он высоко оценил идею развития. Следовательно, дарвиновская эволюционная теория в целом соответствовала его взгляду на мир и *изменчивость видов им признается*. Вторым предрассудком, присущим научному миру, отечественный философ, как отмечается выше, называет суеверное преклонение перед общим мнением своих собратий, и оно несправедливо приписывается Дарвину.

Согласно Страхову, стыд за то, что такая быстрая перемена произошла, лежит на старых и на новых натуралистах. Или старые ученые в течение долгих лет не видели очевидного вывода, или новые натуралисты забыли и плохо понимают начала, которыми руководствовались старые биологи и которые удерживали их от этого вывода. Критик считает, что Дарвин не понимает взглядов Кювье. Старые же естествоиспытатели виноваты, потому что исповедовали идею постоянства видов не вследствие ясно осознаваемых «начал», а только следуя авторитету, исповедовавшему этот догмат, — Кювье. Научный мир, утверждает Страхов, обнаруживает «величайшее рабство перед научным преданием». Ученые мужи *слепо следуют* как авторитету Кювье, так и противоположному предположению об изменении видов. Противоположная точка зрения существовала также издавна. В статье «Дарвин» называются имена Ламарка и Сент-Илера. Если признается, что представления об изменении видов существовали в науке и развивались до Дарвина, то несколько неубедительно выглядит утверждение, что учение Кювье пало внезапно. В доказательство своей концепции развития науки, объясняющей принятие теории происхождения видов ученым ареопагом, русский критик утверждает, что учение Кювье не было разрушено постепенным накоплением фактов, новыми

открытиями. Оно «пало вдруг», как падает мнение, державшееся верой, а не научными основаниями. Его падение объясняется, следовательно, появлением новой веры. Именно последней причиной защитник Данилевского объясняет быстрое принятие дарвинизма, а не ее научными достоинствами. По мнению Страхова, «главная ее сила состоит в некоторых остроумных гипотезах относительно самого процесса изменения видов; но вовсе нельзя сказать ни того, что она доказала это изменение, ни того, что она его объяснила» [6, с. 312]. Таким образом, приверженность «новых натуралистов» данной теории определяется посторонними науке причинами. В результате делается общий вывод относительно источника развития научного знания: «Движение наук и перевороты, которые в них происходят, зависят не от внутреннего их развития, а определяются влияниями из другой области» [6, с. 312]. Такой силой является изменение нравственных и философских «понятий». Причем развитие нравственности оказывается определяющим фактором.

Если оценивать точку зрения на факторы развития науки, предложенную Страховым в работе «Дарвин» (1872–73 гг.), то можно отметить следующее. Отечественный философ совершенно справедливо обращает внимание на *социокультурные детерминанты развития научного знания*. Философия и естествознание, несомненно, связаны между собой и оказывают влияние друг на друга. Нравственные представления, функционирующие в обществе, действительно оказывают воздействие на конкретную ситуацию в науке, но они *не являются определяющими*. Наука движется прежде всего потребностями общества, которые определяются уровнем его развития. Кроме того, эволюция научного знания имеет внутренние закономерности, и Страхов сам писал об этом в своих статьях 60-х гг. Экономические, социальные, т.е. *вненаучные*, факторы определяют закрепление или отторжение той или иной гипотезы, концепции. Заметим, что высказанная философом точка зрения в данном конкретном случае мотивировалась стремлением найти объяснение быстрой смены веры у натуралистов, поддержавших дарвиновскую теорию. При этом исследователь преувеличивает быстроту и гладкость в принятии учения в научном сообществе. В нем, конечно, шли дискуссии, были столкновения различных взглядов.

Пытаясь объяснить быстрое согласие с учением об эволюции видов и желая опровергнуть дарвиновское видение, Данилевский и Страхов подвергают анализу мировоззренческие основания его теории. Повторим, оба мыслителя не отрицали изменчивость видов, они отрицали дарвиновскую теорию их происхождения. Причем в оценках учения Дарвина

с мировоззренческих позиций Страхов следует за Данилевским. Быстрое принятие эволюционной теории, согласно Страхову, объясняется, в частности, и тем, что большинство натуралистов исповедуют *материализм и пантеизм*. Данилевский во введении к книге «Дарвинизм» утверждает, что по общему характеру этого учения оно как бы изымается «из области положительных наук и относится к области философии». Оба мыслителя понимают огромное мировоззренческое значение дарвинизма. Учение Дарвина овладело умами ученых всех специальностей и людей необразованных.

Согласно Данилевскому, можно выделить три формы мировоззрения. Критерием выделения у него является ответ на вопрос о разумной причине мира и об отношении этой причины к произведенному ею миру. Одни, по его мнению, «уподобляют отношение этой разумной причины к произведенному ею миру — “отношению человека к результатам его художественной или промышленной деятельности”». Такое объяснение дает начало различным формам деизма, в котором разумность мира объясняется целесообразностью замысла его устройства. Другие считают, что разум имманентен миру, что соответствует разновидностям пантеизма. В пантеизме разумность мира выводится из внутренней закономерности всех его явлений. Третьи, отрицая объективную разумность мира, «вкладывают эту разумность в созерцающее мир я». Это — различные формы субъективного идеализма. Все три формы мирозерцания могут быть обозначены общим именем идеализм, ибо все они в объяснении мира прибегают к духовному началу, «господствующему над материей или даже совершенно ее устраняющему».

Особо выделяется мировоззрение, отрицающее существование духа, а следовательно, по мнению автора книги «Дарвинизм», и разумность мира. Под этим мировоззрением имелся в виду материализм в его механистической форме. Весь мир и человеческий разум здесь — неизбежный и необходимый продукт существующих независимо друг от друга материи и движения, «действующих чисто механически, — и тогда эта-то механическая необходимость, продуктом которой являемся и мы сами, и представляется нам как разумность» [8, с. 5]. С точки зрения Данилевского, такое объяснение было бы удовлетворительным, если бы могло быть применено ко всем формам и явлениям неорганической и органической природы. Но данное механистическое объяснение не приложимо к явлениям органического мира, ибо не объясняет «бесконечной разумности и целесообразности» в приспособлении живых организмов «к условиям неорганического мира, друг к другу и отдельных частей организмов-органов к целому». Интересно, что таким образом Данилевский,

а вслед за ним Страхов отвечают активным пропагандистам эволюционного учения, в частности Геккелю, приписывавшим Дарвину механистическое объяснение. По их мнению, дарвинизм не вписывается в механистическое мировоззрение, ибо он *заменяет принцип механистической необходимости принципом абсолютной случайности*. Они приходят к выводу, что у Дарвина принцип абсолютной случайности является верховным объяснительным началом органической природы, прежде всего такого свойства организмов, как целесообразность. Данилевский утверждает, что именно Дарвин первый провел систематически данный принцип через всю область самых сложных явлений.

Следует отметить, что критика дарвиновского учения отечественными мыслителями изнутри носит глубокий, серьезный характер. Они нащупали действительно слабые места в дарвиновском учении. Данилевский и Страхов были правы, в частности, в том, что у Дарвина преувеличивается роль случайности. В отличие от своих сторонников-популяризаторов Дарвин сам понимал, что теория многого не объясняет, следовательно, не носит законченного характера. Трудности, с которыми столкнулся классический дарвинизм, во многом были связаны с тем, что в XIX в. не были известны механизмы наследственности. Позже биология сделала огромные успехи: были открыты единицы наследственной информации — гены, вскрыты физико-химические основы наследственности и изменчивости (РНК, ДНК, механизмы их репликации и т.д.). Была сформулирована СТЭ, в биологии в настоящее время ставится вопрос о необходимости теории третьего синтеза. Открытия говорили о том, что в механизме эволюции взаимодействуют необходимость и случайность. Обратим внимание, что, критикуя Дарвина за абсолютизацию случайности, Данилевский и Страхов исходили при этом из неверного понимания взаимодействия необходимости, закономерности и случайности, противопоставляя эти диалектические категории. Однако они предполагают друг друга, случайность есть проявление необходимости. Отечественные же критики исходили из того, что случайность исключает необходимость, закономерность.

Кроме того, на наш взгляд, можно сделать вывод, что Данилевский и Страхов не всегда объективны в анализе дарвиновского учения. В критике дарвинизма мыслители были мотивированы не только научными интересами, но и собственными социально-философскими, социально-политическими установками.

Список литературы

1. Снетова Н.В. *Философия Н.Н. Страхова (опыт интеллектуальной биографии)* / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 352 с.

2. *Страхов Н.Н.* Дурные признаки // *Время*. 1862. № 11, о. II. С. 158–172.
3. *Страхов Н.Н.* Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. Изд. 4-е. Киев: Изд. И.П. Матченко, 1902. Т. 2. 434 с.
4. *Тимирязев К.А.* Сочинения. М.: Сельхозгиз, 1938. Т. V. 508 с.
5. *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. 596 с.
6. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. Кн. 2. 567 с.
7. *Огурцов А.П.* От натурфилософии к философии науки. М.: ИФРАН, 1995. 315 с.
8. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм. Критическое исследование. СПб.: Изд-во Меркурия Елизаровича Комарова, 1885. Т. 1. 697 с.

Получено 14.11.2016

References

1. Snetova N.V. *Filosofiya N.N. Strakhova (opyt intellektualnoi biografii)* [The philosophy of N.N. Strakhov (the experience of intellectual biography)]. Perm, Perm State University Publ., 2010, 352 p. (In Russian).
2. Strakhov N.N. [Bad symptoms]. *Vremya* [Time]. 1862, no. 11, pp. 158–172. (In Russian).
3. Strakhov N.N. *Kriticheskie statii ob I.S. Turgeneve i L.N. Tolstom* [Critical articles about Ivan Turgenev and Leo Tolstoy]. Kiev, I.P. Matchenko Publ., 1902, vol. 2, 434 p. (In Russian).
4. Timiryazev K.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Selhogiz Publ., vol. 5, 508 p. (In Russian).
5. Strakhov N.N. *Iz istorii literaturnogo nigilizma* [From the history of literary nihilism]. Saint Petersburg, Tipografiya bratev Panteleevykh Publ., 1890, 596 p. (In Russian).
6. Strakhov N.N. *Bor'ba s Zapadom* [Fight with the West]. Saint Petersburg, Tipografiya bratev Panteleevykh Publ., 1890, book 2, 567 p. (In Russian).
7. Ogurtsov A.P. *Ot naturfilosofii k filosofii nauki* [From Natural Philosophy to Philosophy of Nature]. Moscow, IPhRAS Publ., 1995, 315 p. (In Russian).
8. Danilevsky N.Ya. *Darvinizm. Kriticheskoe issledovanie* [Darwinism. A Critical Study]. Saint Petersburg, M.Ya. Elizarova Publ., 1885, vol. 1, 697 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 14.11.2016

Об авторе

Снетова Нина Васильевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: snetova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5935-7168

About the author

Snetova Nina Vasil'evna

Ph.D. in Philosophy, Docent, Associate Professor
of the Department of the History of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: snetova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5935-7168

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Снетова Н.В. Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 43–50. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-43-50

Please cite this article in English as:

Snetova N.V. Charles Darwin's theory in the critical reflection of Nikolay Danilevskiy and Nikolay Strakhov (from the history of Darwinism in Russia) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 43–50. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-43-50

УДК 165

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-51-56

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ В.В. ЗЕНЬКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ «МЕТАФИЗИКИ СЕРДЦА»

Бабина Вера Николаевна

Пензенский государственный университет

Гносеологические концепции XIX–XX вв. необходимо рассматривать в контексте тех грандиозных изменений, которые в это время переживает европейская цивилизация. Основной темой, сближающей самые разные направления философской мысли, становится критика «разума», «интеллекта», «ума». Наиболее известные в этот период мыслители обращаются к проблеме познавательных возможностей человека, рассматривая ее под определенным, только ему присущим углом зрения. Происходит смена сциентистской модели познания и поиск новых теоретических основ, которые позволили бы адекватно представить человеку мир и свое место в нем. В статье рассматривается теория познания В.В. Зеньковского в контексте уникальной традиции русской философской мысли — «метафизике сердца». Учение о познавательной функции сердца относится к числу основополагающих идей религиозно-философского направления. Показана характерная для кардиогнозиса трехступенчатая структура человеческого знания: уровень постижения явлений чувственного мира; уровень умопостигаемого мира идей; уровень безусловного интуитивного постижения обоих миров. Переход от одной ступени к другой почти невозможен, но если он происходит, то каждая ступень так связывается с другой, что различие между ними стирается. Раскрываются основные положения гносеологической концепции Зеньковского: познавательные силы (разум и сердце); целостность знания (теоретического и этического); гносеологический субъект (Церковь). Делается вывод, что обращение к философскому наследию В.В. Зеньковского позволит преодолеть пессимистические интенции современных философских исканий и восполнить пробелы в изучении отечественного историко-философского поля.

Ключевые слова: русская философия, теория познания, В.В. Зеньковский, цельное знание, кардиогнозис.

V. ZENKOVSKY'S GNOSIOLOGICAL CONCEPT IN CONTEXT OF METAPHYSICS OF THE HEART

Vera N. Babina

Penza State University

The gnosiological concepts appeared in XIX–XX should be considered in context of significant changes occurred in Europe that time. The main topic of almost all philosophical schools became critique of the Mind, Intellect, and Reason. The brightest philosophers of that time were focused on the human cognitive capabilities issue. The scientific model started to lose its domination and led to active search for new theoretical concepts that would allow people to understand the universe and determine their own place in it.

The article presents a cognition theory proposed by V. Zenkovsky in context of unique Russian philosophical tradition called the Metaphysics of the Heart. In the Russian philosophy the doctrine about informative function of heart is among fundamental ideas of the religious and philosophical direction. The article reveals main principles of Zenkovsky's gnosiological concept, namely «cognitive forces» (Mind and Heart), «knowledge integrity» (theoretical and ethical), gnosiological subject (Church).

The author concludes that further research of Zenkovsky's concepts provides a way to overcome pessimism of modern philosophical search and discover some blind-spots of native history of philosophy.

Keywords: Russian philosophy, theory of knowledge, V.V. Zenkovsky, integral knowledge, kardiognozis.

Одним из немногих русских мыслителей, построивших целостную религиозно-философскую систему, которая до сих пор не утратила своей актуальности,

был Василий Васильевич Зеньковский. Соединив различные формы сознания и интеллектуальной деятельности, он создал поистине уникальную христи-

анскую гносеологию, вобравшую в себя опыт философской и богословской мысли России. Не случайно обращение к духовному наследию В.В. Зеньковского во многом продиктовано поиском путей преодоления пессимистических мотивов антропологических концепций конца XX – начала XXI в.

Построение системы Зеньковский начинает с определения философии, ее границ, а также национальных особенностей русской мысли. В мировоззрении профессионального философа и богослова философия и религия оказываются одновременно неразделенными, поскольку обе нуждаются во внутренней и внешней свободе исследования, и автономными, поскольку каждая проистекает из собственных мотивов и вдохновений. Философии присущ творческий характер, стремление рационализировать нравственный, эстетический, религиозный и социальный опыт, практическая направленность в разрешении проблем, возникающих в пределах этого опыта. «Философия есть там, где есть искание единства духовной жизни на путях ее рационализации» [1, с. 14].

Высшей формой рационализации является теория познания, которая многими исследователями определяется как видообразующий признак философии. Однако Зеньковский полагает, что границы философии простираются намного дальше теории познания, которая, по его мнению, выполняет своеобразную критическую функцию разрушения иллюзий и заблуждений на пути к главной цели — создание этического учения. Поэтому теорию познания следует считать необходимым условием и основанием целостного философского мировоззрения, имея в виду при этом главную задачу — познать самого себя. Смысл и задачи познания определяются, согласно В.В. Зеньковскому, нашим общим отношением к миру. «Моя цель — вернуть, насколько это еще возможно, философскую мысль к тем созерцаниям мира, к тому пониманию человека, которые рождались из глубины христианского сознания» [2, с. 5].

Гносеологическим проблемам Зеньковский посвящает несколько работ: «Основы христианской философии», «Очерк моей философской системы», «Христианское учение о познании» и др. В них он последовательно выстраивает концепцию «христocентрического понимания знания». Зеньковский настаивает на том, что такое знание характерно только для восточного христианства, которое никогда не принимало идею разграничения веры и знания, появившуюся на Западе благодаря Фоме Аквинскому. На Востоке христианство изначально было религией Логоса.

Зеньковский утверждает, что единство веры и разума не является данностью, но оно человеку задано. Обе эти стороны единого духа, являясь сво-

бодными, могут расходиться, и необходимы духовные усилия, чтобы восстановить их единство. Восстановление единства лежит на путях разума, природа которого как нельзя лучше для этого предназначена. Но утвердившийся в западной традиции рационализм провозгласил автономию разума и подчинил ему все движения духа, вследствие чего в средневековой европейской философии вера и разум оказались разобщенными. Принятие концепции двойственной истины означало расхождение путей познания. Несомизмеримость и автономность разума и веры приводила европейских философов к утверждению трансцендентности разума и имманентности веры. Обе способности взаимно исключали друг друга, делая антиномию веры и разума неразрешимой. В дальнейшем отрыв всех видов человеческого творчества от Церкви стал общим направлением духовной жизни западного христианства.

Утверждение рационализма, провозглашение автономии разума и разрушение заданной целостности обернулось для европейской философии глубоким кризисом середины XIX в. Появление многочисленных иррационалистических учений свидетельствовало о попытках усомнившихся в превосходстве разума вернуться к идее целостности. Такое возвращение требовало выявления точного смысла понятий «разум», «интеллект», «ум», «рассудок» и границ их познавательных возможностей. В.В. Зеньковский обращает внимание на эволюцию содержания данных понятий в истории философской мысли. Он отмечает, что «понятием разума охватываются разные функции, часто несводимые одна к другой» [2, с. 16], порождая тем самым всю гносеологическую проблематику. Каким образом все же следует понимать разум, чем он является в качестве источника философского познания и какова его роль в познании?

Анализируя западноевропейский опыт поиска первоначал философии, В.В. Зеньковский указывает, что беспредпосылочные основания опытного знания Ф. Бэкона, врожденные идеи Р. Декарта, феноменология Э. Гуссерля являются бесплодными, поскольку претендуют на автономию, в то время как познавательные силы человека имеют своим основанием религиозную сущность человека, его неразрывную связь с Абсолютом, которая устанавливается внерационально.

Идея раздвоения познавательных сил человека была высказана впервые в европейской философии Б. Паскалем. В своем учении французский мыслитель утверждал давнюю христианскую идею о сердце как источнике знания, которая так мало оплодотворила гносеологию и не получила должного развития в европейской философии. В русской же философии учение о познавательной функции сердца

относится к числу основополагающих идей религиозно-философского направления.

Первоначально тема сердца возникает в трудах Г.С. Сковороды, а позже получает развитие в учениях А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, П.Д. Юркевича. Построенная на принципе гносеологического дуализма, теория сердечного познания в русской философской традиции противостояла теории материалистического монизма в сфере познания, основанного на соединении двух уровней: чувственного и рационального, посредством методов дедукции и индукции. Для кардиогнозиса характерна трехступенчатая структура человеческого знания: уровень постижения явлений чувственного мира, уровень умопостигаемого мира идей и, наконец, уровень безусловного интуитивного постижения обоих миров. Переход от одной ступени к другой почти невозможен, и если он происходит, то каждая ступень так связывается с другой, что различие между ними стирается.

Основное значение сердца в процессе познания русскими мыслителями связывается с аксиологической стороной знания. «Мысли сердечные» не сразу осознаются медлительным разумом, так как сердцу «откровения истины» даются непосредственно, а уму опосредованно. Холодный ум выносит суждения о бытии, не заботясь о тех оценках, которые зреют в душе отдельно, но не могут быть отринуты духом. Разделенность ума и сердца Зеньковским определяется как некая болезнь в жизни духа, поскольку вековой опыт духовной жизни говорит о постоянной устремленности к соединению теоретической и моральной истины, ума и сердца. Так, по мысли Зеньковского, возникает новое динамическое понимание разума.

Деятельность «интеллекта» не может быть отделена от работы «сердца», т.е. от внутреннего состояния человека, его духовного настроения, его моральных качеств. Это требование проистекает не только из необходимости целостного восприятия бытия, но и из зависимости разума от «духовной чистоты нашей». Ибо, по словам Зеньковского, познание Высшего, Первореальности невозможно при низкой жизни сердца. Моральная установка духа предопределяет действия интеллекта, согласно слову Христа о том, что только «чистые сердцем узрят Бога». Но справедливо и обратное: развитие духовной жизни в человеке расширяет и углубляет его познавательные силы. Все известные логические операции имеют смысл только в живой познавательной работе духа, именно поэтому разум должен быть понят динамически. Неизменными остаются лишь законы логики, но разум не остается тождественным самому себе во всякий момент времени. Познание же не может быть сведено к автоматическому вы-

полнению логических операций, оно есть жизненный процесс личности.

Трудности, с которыми столкнулся европейский рационализм, были обусловлены ограниченностью интеллекта простейшими логическими формами. Преимущества рационализма, связанные с последовательностью, стройностью, непротиворечивостью процесса познания, обернулись дефицитом силы постижения истины.

Ссылаясь на работы одного из представителей духовно-академической философии — В.Д. Кудрявцева, Зеньковский разъясняет, что истинное знание должно пониматься как единство фактического и оценочного знания, т.е. истина всякой вещи — это знание не только том, чем она является, но и чем она должна быть. Такое единство возможно только при наличии неразрывной связи двух познавательных сил в человеке — ума и сердца. Ум удостоверяет, сердце дает оценку — так восстанавливается целостность духа, открывающая возможность для расширения и углубления возможностей познания. Таким образом, признание внутренней связи разума со всей духовной жизнью человека необходимо для уяснения роли интеллектуальных сил в процессе познания.

Зеньковский неоднократно подчеркивает динамический характер разума, развитие которого происходит вместе с духовным созреванием личности. Эта зависимость еще раз указывает на теснейшую взаимосвязь разума со всей сферой сердца. Разделенность ума и сердца, по мнению Зеньковского, происходит из первородного греха, который является основанием для раздвоения познавательных сил человека, что находит свое отражение в двойственности познавательной задачи — познать действительное бытие и его идею (идеал, норму). Разум не может оставаться в пределах созерцания, он обязательно обращается к ценностно-оценочной стороне процесса познания. Таким образом, в обыденной жизни происходит воссоединение двух источников познания.

Воссоединение теоретической и оценивающей функции познания не единственная задача, стоящая перед философией, не менее важным является определение гносеологического субъекта как носителя разума. Прежде всего необходимо выяснить его природу. Здесь Зеньковский, анализируя кантовское учение о субъекте познания, обнаруживает в нем недооценку роли надындивидуального сознания.

В русской философии учение о надындивидуальном сознании представлено в концепции «метафизики сердца». У П.Д. Юркевича, труды которого высоко ценил В.В. Зеньковский, говорится о метафизическом сознании, признающим безусловное первоначало. Оно наиболее объяснимо природой

человеческого сердца, за которую мы не можем заглянуть, чтобы увидеть слагающие ее причины.

Истина находится за пределами опыта, наши мысли и дела есть порождение нашего сердечного настроения, все входящее в душу перерабатывается по особому сердечному «настроению» души и никакие возбуждения извне не могут вызвать ее деятельности, если они несовместимы с сердечным настроением человека. Таким образом, высшей истиной является истина религии. Познание вещи возможно только в ее отношении к божеству. Истина, добываемая при помощи естественных наук, настолько мала, что человек «по силе ее более раб твари, нежели владыка ея; это мудрость стихийная» [3, с. 42].

Развитие идеи о надындивидуальном сознании содержится в оригинальном учении С.Н. Трубецкого о соборной природе сознания. Каждое индивидуальное сознание следует рассматривать в связи с неким вселенским сознанием, поскольку индивидуальное сознание не является ни личным, ни безличным, оно по сути своей соборно. На это обстоятельство указывает та общечеловеческая значимость процессов, протекающих в индивидуальном сознании, которая не может быть объяснена никаким другим образом. Еще в античной философии была высказана подобная гипотеза о существовании единого Логоса, пронизывающего своими лучами каждое индивидуальное сознание. Трубецкой идет дальше, связывая идею надындивидуального сознания с трансцендентализмом. В результате знание предстает как своеобразный синтез эмпирического фактуального материала с трансцендентальными функциями, следовательно, оно не может быть заключено в пределах индивидуального сознания, несмотря на то, что человеческий разум индивидуален. Данный синтез осуществляется неким высшим началом, которое Трубецкой именует соборным сознанием [4, 5].

Развитие учения о гносеологическом субъекте у Трубецкого связано с его новой антропологией, в которой возникает понятие «единосущего человечества». Это понятие используется им в качестве онтологической предпосылки для существования так называемого «универсального субъекта», отличного от понятия «Абсолют». Использование понятия «универсальный субъект» позволяет Трубецкому при анализе процесса познания перенести центр тяжести с индивидуального сознания на надындивидуальную инстанцию [4, 5]. Учение о соборной природе сознания у С.Н. Трубецкого осталось незаконченным, однако весьма интересны работы Е.Н. Трубецкого «О смысле жизни» и «Метафизические предположения познания», в которых эта тема раскрывается по-новому.

В философских построениях Е.Н. Трубецкого индивидуальное сознание в поисках истины обращено к

безусловному сознанию. Попытка обнаружить его во всяком акте своего индивидуального сознания свидетельствует о присутствии трансцендентального уровня в нашем знании. Носителем безусловного сознания для Е.Н. Трубецкого является Абсолют (всеединный Ум), посредством которого человек видит и знает мир. Всеединный Ум есть некий фильтр, сквозь который индивидуальное человеческое сознание созерцает действительность. Поэтому оно не ограничивается только индивидуально значимым, а идет дальше, обнаруживая общезначимую истину. Таким образом, всеединный Ум выступает предпосылкой каждого познавательного процесса, происходящего в индивидуальном сознании [6, 7].

Утверждая нераздельность и неслиянность индивидуального и абсолютного, Е.Н. Трубецкой приходит к важному выводу о постоянной обращенности человеческого разума к Абсолюту — как в стремлении отыскать истину, так и в заблуждениях, которые также утверждаются всегда абсолютно [6, 7].

Солидаризируясь с концепцией надындивидуального сознания Трубецкого, Зеньковский замечает, что «разум не является функцией индивидуального сознания... “разум” не просто надындивидуален, но он вообще не вмещается в пределы индивидуального сознания, он всегда движется к надындивидуальной значимости» [2, с. 48]. Гносеологическим субъектом Зеньковского становится «церковный разум». При этом Церковь понимается мыслителем как универсальное понятие, реально осуществленное в бытии, т.е. обладающее не антропологическим, не историческим, не богословским, а онтологическим статусом.

Таким образом, гносеологическая концепция В.В. Зеньковского основывается на трех постулатах: наличие в человеке двух познавательных сил — разума и сердца в их неразделенности и неслиянности; целостность знания, возникающая из соединения теоретического и оценочного (этического) знания; наличие надындивидуального разума, который в соединении с индивидуальным образует гносеологический субъект (Церковь) [8].

Идея целостности есть идея христианской культуры, задача которой сохранять связь всех сфер творчества человеческого духа с целостным бытием. Стремление к обособлению, автономии разума способствовало появлению в европейской культуре идеи «чистой философии», создаваемой «естественным разумом». Очевидные успехи западноевропейской науки и техники укрепляли философов в абсолютизации роли разума и все дальше уводили от живой и неразложимой целостности.

Отказ западной культуры от раннехристианской идеи неразделенности веры и знания, реализованной еще Фомой Аквинским, был связан с возник-

шим противоречием между античной и средневековой культурой и необходимостью это противоречие преодолеть. В русской же культуре, которая восприняла восточную христианскую традицию, единство веры и знания никогда не подвергалось сомнению. Осознание ценности такого единства, по мнению Зеньковского, открывало в русской культуре необъятный простор для философского творчества.

Именно поэтому в традициях русской религиозно-философской мысли теория познания рассматривалась не как ядро философской системы, а лишь как средство преодоления искусственной разорванности, разобщенности бытия и создания истинной антропологии. Устремленность русской философии к этической проблематике объясняется В.В. Зеньковским стремлением установить взаимосвязь между «философией разума» и «философией сердца».

Нравственное начало в человеке имеет как рациональное, так и чувственное обоснование. Кантовская «этика долга» является высшим выражением «этики разума», которая отождествляет мотивацию человеческого поступка с его разумностью, недооценивая его нравственной основы. В русской философии источником и средоточием нравственно-духовной жизни человека признается сердце. Потому что любое нравственное повеление разума только обязывает человека, но не свидетельствует о его нравственных установлениях и возможности их осуществления. Стройность и логичность мышления не гарантирует безупречности человеческих поступков, которые лишь в незначительной степени определяются абстрактными понятиями о долге. В большей степени они являются проявлением сердечных влечений и свободы воли человека. Поэтому в ориентированной только на рациональность философии всегда остается непреодолимым противоречие между морально должным и нравственно действительным [8].

Итак, В.В. Зеньковский утверждает, что христианская философия есть свободное творчество разума, неограниченное догматическими установками. Разум, отделенный от веры, не способен к познанию целостного бытия. Соединенные силой духа, разум и сердце образуют монолитную познавательную способность. Сила знания воспринимается как общезначимая только в том случае, когда выходит за пределы индивидуального сознания и осознается в надындивидуальной форме. В противном случае возникает стремление «понять мир вне Бога, понять мир как замкнутое в себе бытие, не прозрачное для Бога, не дающее место ему в жизни мира» [2, с. 97]. Истина же не может быть двуликой (двойственной), она непротиворечива и цельна, поскольку реальное и живое бытие неотделимо от Первореальности, но перейти к высшей степени познания возможно лишь достигнув вы-

соты духовной жизни. Духовное восхождение требует усилий по восстановлению утраченной целостности духа, соединения интеллектуального созерцания и сердечного озарения. Процесс познания связан со всей жизнью человека, так как разум, понимаемый динамически, совершенствуется вместе с совершенствованием духа человеческого. Приобщение к Церкви расширяет силы разума, восстанавливается единство ума и сердца, открывается коренная христоцентричность знания, преодолевается ограниченность интеллектуализма познания и становится понятно, что познание есть лишь начальная ступень в понимании человеком самого себя.

Список литературы

1. Зеньковский В.В. История русской философии. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.
2. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Канон+, 1997. 560 с.
3. Юркевич П.Д. Философские произведения / вступ. ст. и примеч. А.И. Абрамова. М.: Правда, 1990. 669 с.
4. Трубецкой С.Н. О природе сознания // Сочинения / сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко; примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. М.: Мысль, 1994. 816 с.
5. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории // Сочинения / сост., ред. и вступ. статья П.П. Гайденко; примеч. П.П. Гайденко, Д.Е. Афиногенова. М.: Мысль, 1994. 816 с.
6. Трубецкой Е.Н. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. М.: Тип. «Русская Печатня», 1917. 337 с.
7. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011. 656 с.
8. Зеньковский В.В. Христианское учение о познании. Пушкино: Грааль, 2001. 144 с.

Получено 28.04.2016

References

1. Zenkovskiy V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian philosophy]. Leningrad, Ego Publ., 1991, vol. 1, part 1, 221 p. (In Russian).
2. Zenkovskiy V.V. *Osnovy khristianskoy filosofii* [Christian philosophy basics]. Moscow, Kanon+ Publ., 1997, 560 p. (In Russian).
3. Yurkevich P.D. *Filosofskie proizvedeniya* [Philosophical works]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 669 p. (In Russian).
4. Trubetskoy S.N. [On cognition nature]. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Mysl' Publ., 1994, 816 p. (In Russian).
5. Trubetskoy S.N. *Uchenie o Logose v ego istorii* [Logos doctrine in its history]. *Sochineniya* [Works], Moscow, Mysl' Publ., 1994, 816 p. (In Russian).

6. Trubetskoy E.N. *Metafizicheskie predpolozheniya poznaniya. Opyt preodoleniya Kanta i kantianstva* [Metaphysical cognition suggestions. Kant and Kantian overcoming experience]. Moscow, Russkaya Pechatnya Publ., 1917, 337 p. (In Russian).
7. Trubetskoy E.N. *Smysl zhizni* [Meaning of life]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2011, 656 p. (In Russian).
8. Zenkovskiy V.V. *Khristianskoe uchenie o poznanii* [Christian cognition doctrine], Pushkino, Graal' Publ., 2001, 144 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 28.04.2016

Об авторе

Бабина Вера Николаевна

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры «Философия и социальные
коммуникации»

Пензенский государственный университет,
440026, Пенза, ул. Красная, 40;
e-mail: vera.babina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2019-4263

About the author

Babina Vera Nikolaevna

Ph.D. in Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Social Communications

Penza State University,
40, Krasnaya str., Penza, 440026, Russia;
e-mail: vera.babina@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2019-4263

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бабина В.Н. Гносеологическая концепция В.В. Зеньковского в контексте «метафизики сердца» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 51–56.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-51-56

Please cite this article in English as:

Babina V.N. V. Zenkovsky's gnosiological concept in context of metaphysics of the heart // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 51–56. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-51-56

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.955

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-57-62

О РАЦИОНАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ*Ускова Екатерина Викторовна**Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*

Рациональность как сугубо человеческий феномен, особенности и характеристики которого изучаются социальной антропологией, рассмотрена нами с помощью понятий формы и содержания. Также установлена связь рациональности с реализмом и релятивизмом. Выявлено, что иррациональность может пониматься как свое-иное рациональности, выступая как неотъемлемая часть человеческого мышления вообще. Проведено различие между теоретической и практической рациональностью, а также выявлено содержание категоризации как мыслительной процедуры. Классики философии и психологии характеризуют человеческие действия как рациональные в силу их осмысленности, наличия цели и плана ее достижения. Представители современной философской и психологической мысли говорят об ограниченности человеческой рациональности и даже прямо высказывают сомнения в наличии связи между осознанностью (наших мыслей, желаний, действий) и рациональностью. Осознанность может пониматься как отдельная функция, возникающая дополнительно по отношению к нашим психическим состояниям. Действительно ли все, что мы делаем, намереваемся сделать или о чем думаем, есть результат предварительного осознания и соответствующего обдумывания, а может, многие психические процессы происходят автоматически и осознаются нами задним числом? В этой связи закономерен вопрос о соотношении рациональности и осознанности: рациональность — это внутреннее свойство нашего мышления, присущее ему изначально, либо она возникает после осознания самого предмета, о котором мы мыслим.

Ключевые слова: рациональность, иррациональность, реализм, релятивизм, категоризация, осознанность, психологические состояния.

ABOUT THE RATIONALITY OF THE HUMAN THINKING*Ekaterina V. Uskova**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

Author considers rationality as a special human phenomenon, features and descriptions of which are studied by social anthropology, through the concepts of form and content. Article also describes connection between rationality, realism and relativism. Irrationality may be understood as «self-alien» of rationality and as inalienable part of the human thinking in general. There is shown a differ between theoretical and practical rationality. Also author considers categorizing as cogitative procedure. The classics of philosophy and psychology characterize human actions as rational if they have aim, plan of action, and if they were reflexed. Modern psychologists and philosophers consider that human rationality has limits and even doubt that rationality correlates with consciousness (our ideas, desires, actions). Consciousness may be understood as separate function, which appears in addition to our mental conditions. These reasons cause a question about rationality of human behavior and thinking. Are all our actions, intentions, thoughts a result of preliminary consciousness and reflection or maybe many mental processes occur automatically and recognized by us in hindsight? Because of it we have a question about connection between rationality and consciousness: what is rationality? is it a priori attribute of our thinking or it appears after the realization of the object of which we are thinking about?

Keywords: rationality, irrationality, realism, relativism, categorizing, consciousness, psychological states.

Изучению проблем природы, характеристик, границ и способов определения рациональности посвящено множество философских исследований. И в разные

исторические эпохи мыслители выделяли разные ключевые черты и стороны рациональности. Но так или иначе рациональность всегда привлекала вни-

мание как исследовательская проблема. Это связано с тем, что люди, однажды создав сферу культуры, продолжают постоянно видоизменять ее, а она, в свою очередь, изменяет их. Соответственно меняется и восприятие основных параметров, отличающих человека от всего остального мира. Одним из таких параметров как раз и выступает рациональность. На рубеже XX и XXI вв. люди столкнулись с новыми проблемами, ставшими порождением современной цивилизации. Процессы, происходящие в социальной жизни людей, зачастую оказывают непосредственное влияние как на науку, так и на стандарты научного исследования. Поэтому в естественных, а особенно в гуманитарных науках появляются идеи, отвергающие или ставящие под сомнение методы рационального научного мышления. Пересматриваются сами стандарты и определения рациональности. Новая культурная и социальная ситуация делает необходимым исследование природы и выявление характеристик рациональности, наиболее плодотворное выявление которых, на наш взгляд, возможно при сопоставлении ее с такими понятиями и феноменами, как реализм и релятивизм.

Ранее мы подробно рассматривали эти понятия и поэтому приведем лишь их определения [1]. Нами было установлено, что реализм — это название комплекса представлений о мире, которые, с одной стороны, постулируют существование окружающего мира — онтологический реализм, а с другой — возможность познания этого мира таким, каков он есть, — гносеологический реализм. Релятивизм — теоретическая позиция, которая исходит из принципиального многообразия мира и способов его описания, ни один из которых не является предпочтительным по отношению к другому. Это происходит потому, что релятивизм ставит под сомнение критерии оценки, а истина перестает играть ведущую эпистемологическую роль в процессе познания. Поэтому разные теории и сферы культуры признаются как равноправные, а результаты научных, религиозных и иного рода изысканий как равноценные. Рациональность мы будем понимать как форму мышления, позволяющую целенаправленно организовывать мир опыта, обладающую универсальностью (как формальная рациональность) и выраженную в уникальном содержании (определяемом в зависимости от культурных, исторических, социальных и иных условий).

Итак, мы полагаем, что рациональность связана как с понятием реализма, так и с понятием релятивизма. Однако такая точка зрения оказывается нетрадиционной и весьма спорной. Традиционное соотношение понятий реализма и релятивизма по отношению к рациональности требует введения еще одной противоположности — иррациональности. Тогда мы имеем классическое противопоставление реализма

как рациональной позиции релятивизму как позиции иррациональной. Представление о том, что существует реальность и мы имеем непосредственный доступ к ней и можем однозначно ее понять, рационально по своей сути (при этом даже не важно, будем ли мы стоять на позициях кантианства или ее отвергнем). Взгляд на реальность как принципиально множественную по своей природе и в силу этого сопротивление ее однозначному прочтению и истолкованию ведет к неизбежной релятивизации истины и зачастую оказывается иррациональным.

Такое понимание рациональности и истины берет свое начало в античной философии. Аристотель говорит о целевой причине вещи, полагая, что настоящий научный и философский поиск связан с ее отысканием. Рациональность проявляет себя через желание упорядочения знаний об этом мире, а истинный метод познания заключается в поисках причин всего происходящего в мире. С этого момента и вплоть до настоящего времени цель становится определяющей категорией научного поиска. Но она также определяет содержание понятия рациональности. Шаг в этом направлении сделал М. Вебер, когда классифицировал человеческие действия. Он выделил категорию целерациональных действий, считая их наиболее осознанными и достойными изучения с точки зрения науки социологии. Он полагал, что рациональный человек — это тот, кто знает как причины, так и цели своих поступков, он действует в соответствии с рациональными установками [2].

Всегда ли люди осознают причины совершаемых ими поступков, а также их глубинные основания? Это один из вопросов, ответить на который помогает антропологическая наука. Под ней мы в данном случае будем понимать комплекс дисциплин, в который входят такие области, как философская антропология, социология, сравнительное языкознание, археология, семиотика, этнография, этнология, а также то, что в зависимости от сложившейся в разных странах традиции получило название культурной или социальной антропологии. Эта наука занимается поиском и анализом причин и следствий так называемого «культурного поведения» людей, всего того, что обусловлено нашим социальным окружением и культурой. Эта наука находится на этапе становления, что обусловлено как самим неохватным предметом исследования (общество и человек), так и процессом складывания самой дисциплины в нашей стране. В этих условиях рассмотрение феномена рациональности как неотъемлемой части человека и общества представляется весьма актуальным.

Социальная антропология как наука начиналась с работ представителей английской школы эволюционизма Э. Тайлора и Дж. Фрезера. Эти ученые занимались сбором и сравнительным анализом много-

численных сведений о народах, с которыми столкнулись европейцы в эпоху Великих географических открытий и последовавшей за ними колонизации. Европейцы были действительно под впечатлением от «дикарей», как их назвал Ж.-Ж. Руссо, и полагали, что те находятся на предшествующей стадии развития по сравнению с так называемыми цивилизованными людьми и их мышление и логика «не доросли» до европейских стандартов. Позднее такая позиция была расценена как «европоцентризм», однако она побудила к более тщательному изучению нестандартной логики и рациональности.

Так, Л. Леви-Брюль пишет основательную работу под названием «Первобытное мышление» [3], в которой анализирует особенности и черты мышления первобытных людей. Он называет их мышление «пралогическим», указывая при этом, что имеет в виду не то, что оно алогичное, и не то, что «хуже», чем логическое. Дело в том, что такое мышление связано с особой категорией, название которой Леви-Брюль заимствует у Э. Дюркгейма, — «коллективные представления». Именно они лежат в основе и организуют мышление людей. Коллективные представления — это некоторые образы, которые имеют яркую эмоциональную окраску и оказывают влияние на человеческие действия. Они не осознаются людьми, поэтому в них нельзя усомниться, но, несмотря на это, организуют их сознательное восприятие реальности и способности взаимодействия с ней.

Отсюда Л. Леви-Брюль заключает, что мышление первобытных людей обусловлено коллективными представлениями, иррациональными по своей природе, поэтому оно пралогическое: люди верят в духов и души, в способность излечиваться с помощью симпатической магии, в силу слов и вещей, если их использовать в заклинаниях и обрядах. Иррациональными эти верования и действия могут быть только с точки зрения нашей рациональности, основные черты которой можно описать с помощью законов формальной логики (которая потому и формальная, что отвлекается от содержания). Но рациональность человеческая всегда обусловлена конкретным содержанием, в то время таковым выступали «коллективные представления» или нечто подобное им. И поэтому действия людей были вполне рациональны и не могли быть иными. Они, наоборот, удивлялись тому, как вели себя европейцы, не могли их понять.

Но и сами европейцы не всегда мыслят рационально. К такому заключению пришел Дж. Лакофф в своей работе «Женщины, огонь и опасные вещи» [4]. В ней он характеризует процедуру человеческого мышления под названием категоризация. Сравнивая языки австралийских аборигенов с английским, он приходит к выводу о том, что процесс родо-видового членения мира, которым и является ка-

тегоризация, не всегда проводится с соблюдением всех законов и принципов формальной логики. Человеческий разум вовсе не использует язык для «расчленения» реальности согласно понятиям, которые у нас есть. Наше мышление — это творческий процесс, а категории — это классы, включающие в себя подчас совсем разнородные понятия, часто связанные друг с другом лишь по какому-то одному признаку. Категория, полагает Дж. Лакофф, обладает центром — более или менее определенным с точки зрения понятий и логики — и периферией, которая определена менее строго. И такого рода способ категоризации вовсе не свидетельствует об иррациональности нашего мышления, ведь всегда есть способ связи между понятиями внутри категории, просто он иной.

Заметим, что категоризация как процедура организации наших знаний о мире проявляет себя не только в языке, категории которого часто образуются без нашего сознательного участия, но и в процессе рациональной деятельности ученого. Одним из разделов любой науки является методология. Методолог систематизирует и упорядочивает материал, накопленный в результате непосредственного научного поиска, тем самым он занимается либо классификацией, т.е. сортировкой согласно родо-видовым различиям, либо типологией — т.е. сортировкой в соответствии с центрально-периферийным принципом, обозначенным нами выше. Таких взглядов придерживается один из самых видных российских археологов М.С. Клейн [5].

Когда мы говорим о рациональности, то необходимо понимать, что есть рациональность теоретическая — то, как мы мыслим, и рациональность практическая — то, как мы действуем. При этом интересно, что не всегда наши действия будут «целерациональными». Так полагает Дж. Сёрль, написавший работу «Рациональность в действии» [6], в которой он анализирует механизм практической рациональности. Он полагает, что человек не является автоматом, машиной, а поэтому его рациональность иная, человеческая по своей природе. Наше поведение определяется не только целями, но и множеством внешних и внутренних факторов. Процесс от осознания того, что нам надо что-либо сделать, до реального воплощения сталкивается с препятствиями, с тем, что Дж. Сёрль называл «разрывами». Всего их три:

1. Между причиной, побуждающей нас принять решение, и самим решением. Наш выбор может быть результатом как рациональных, так и в равной степени иррациональных доводов и побуждений.

2. Разрыв между решением и действием. Нам необходимо что-либо сделать, но действие часто откладывается без видимых на то оснований.

3. Разрыв между началом действия и его завершением. Мы можем начать реализовывать задуман-

ное нами, но не закончить. И этот разрыв тоже обусловлен тем, что мы — люди и на нас могут оказывать влияние различные мысли, чувства, эмоции, фобии и т.д. Либо мы попросту можем «рационализировать» причины наших поступков или нашего бездействия, скрывая от самих себя их истинные основания.

Альтернативный взгляд на рациональность, которая не противопоставляется иррациональности, а включает ее в себя как свое-иное, является более продуктивным. Тогда позиции реализма и релятивизма будут выступать как в равной мере рациональные и осмысленные.

Изучение рациональности как одной из отличительных характеристик человеческого мышления и действий также связано с таким понятием, как осмысленность, а вернее, осознанность. Из вышеприведенных рассуждений Дж. Сёрля становится понятным, что люди не всегда доводят задуманное до конца и часто не осознают истинные причины и цели своих поступков. В случае попыток осознания своих желаний и соответствующих им поступков человек может сделать свое поведение более осмысленным для себя и для окружающих. И здесь ему опять же в значительной степени помогает рациональное мышление. Одним из его признаков мы считаем логику. В данном случае мы понимаем логику как умение делать выводы из некоторых посылок, при этом отвлекаясь от содержания (истинности или ложности) этих посылок. Именно так выглядит формальная логика.

Но если мы привнесем человеческий (антропологический) фактор, то необходимо определить особенности человеческой логики и рациональности и соответствующего им поведения. В своей жизни человек руководствуется множеством требований, исходящих извне, и множеством желаний, исходящих изнутри. Попытка соотношения и согласования того и другого и будет проявлением нашей индивидуальности. Рациональность человека проявляется в том числе и как умение согласовать между собой желаемое и действительное. Но вне зависимости от того, насколько хорошо это получается у каждого конкретного человека, он проявляет себя как существо рациональное, т.е. умеет делать выводы из посылок (пусть и не всегда верные) и руководствоваться ими в своем поведении.

Но здесь необходимо учесть еще одно обстоятельство. Рассуждения и действия человека можно рассматривать исходя из двух точек зрения: внутренней и внешней. Внутренняя точка зрения предполагает осведомленность человека о своих действительных желаниях, намерениях, целях и последующих действиях. В этом случае поведение человека может быть осмысленным для него самого, но не всегда для окружающих. Внешняя точка зрения

предполагает, что не только сам человек, но и все остальные люди понимают, что и почему он делает. Если таких людей большинство, мы расцениваем данного человека как мыслящего и действующего рационально.

Но эту простейшую схему необходимо скорректировать как минимум в двух моментах. Во-первых, не все истинные мотивы и желания человек осознает, а значит, не всегда поступает так, как «собирался», «хотел» и т.д. Во-вторых, не всегда окружающие нас люди знают, почему мы поступаем определенным образом или выносим то или иное суждение. Это приводит нас к мысли о неустранимых ограничениях, которые накладывают обстоятельства на конкретного человека. Именно об этом говорил Г. Саймон, имея в виду идею ограниченной рациональности. Он применял эту идею для характеристики экономического поведения человека, подразумевая, что человек как экономический агент не может знать в данный конкретный момент времени и пространства об изменениях всех переменных, которые могли бы повлиять на его решение в экономической сфере (покупка, продажа, аренда, заём и т.д.). Но рациональность человека ограничена не только в экономической сфере, но и в любом другом отношении. Человек не является всезнающим богом и действует всегда в конкретных обстоятельствах и руководствуется определенными идеями.

И если мы примем во внимания все те ограничения, которые обозначены нами, то станет очевидным, что человеческая рациональность будет лишь проявлением рациональности вообще, как некоторого эталона, на который мы ориентируемся, да и то не всегда. Кроме того, мы не должны забывать о влиянии эмоций, чувств и аффектов на поведение человека. Мышление, а особенно действия любого, даже самого рационального человека всегда корректируются его эмоциями.

Исследование проблемы рациональности и человеческого мышления связано также с вопросом о необходимых предпосылках мышления как такового. И тогда мы неизбежно должны говорить о сознании как высшем уровне развития психики. Сознание — это база, на основе которой становится возможным группировка и объединение в единое целое различных данных чувственного восприятия, памяти, внимания, воображения и мышления. Информация об окружающем мире обрабатывается головным мозгом, который соответствующим образом реагирует на нее и отдает необходимые команды. Скоординированная работа всех отделов головного мозга представляет собой одну из сложнейших загадок, ответы на которую ищут специалисты самых разных областей знания. Но не меньшую, если не большую, загадку представляет собой не столько физиологическая сторона процесса, сколько психо-

физиологическая, т.е. феномен сознания как такового. Проблема сознания — обширная и очень интересная область исследования. В рамках данной статьи мы коснемся лишь одного ее аспекта, а именно вопроса об осознанности или неосознанности многих психических процессов. Уже в конце XIX в. психологи установили наличие физиологического порога восприятия, т.е. границы, которую преодолевают отнюдь не все стимулы. Некоторые из них регистрируются рецепторами организма, но данные о них не поступают для обработки в головной мозг, поскольку оказываются слишком незначительны. Д. Розенталь пишет в своей статье «Сознание и его функция» [7] об осознанности таких психологических состояний, как восприятие, мышление и действие. Он приводит ряд примеров, чтобы показать, что все эти (и другие) состояния сознания могут быть как осознаваемыми, так и не осознаваемыми человеком. И именно в этом смысле осознанность понимается как дополнительная функция, которую приобретают эти состояния сознания. И он обращает внимание именно на их возможность осознания как следствия биологической эволюции. Зачем человеку необходимо осознание тех психических процессов, которые могут проходить и часто проходят без нашего участия и нашего осознания?

Более того, Розенталь настаивает на том, что осознанность не является отличительной чертой нашего мышления. Рациональность нашего мышления не предполагает его осознанности. Речь идет, например, об исследованиях поведения человека в случае необходимости выбора (покупка товара, предпочтение чего-либо и т.д.): выбор людей оказывается более рациональным в том случае, если они осуществляют его быстро и без лишних размышлений, нежели в том случае, когда сознательно обдумывают свои действия и их необходимость.

«Рациональность — это функция от интенционального содержания, а не следствие осознанности. Даже если наше мышление рационально, у нас нет никакой причины для утверждений о том, что осознанность мышления добавляет к нему хоть что-то дополнительное. Даже если наши мысли и желания сознательны, рациональные связи между ними возникают в основном или главным образом благодаря предрасположенности иметь некоторые причинные связи с другими мыслями и желаниями, а вовсе не благодаря их осознанности» [7, р. 832]. Данное высказывание свидетельствует о различии между понятиями «рациональность» и «осознанность», рациональное мышление полагается возможным без обязательного осознания предмета мышления. Рациональность в таком случае становится внутренней характеристикой человеческого мышления, а осознанность выступает как дополнительная характе-

ристика (или функция), смысл которой и пытаются выявить Розенталь.

«Наши желания осознаются только после того, как они у нас появились» [7, р. 833]. То же самое можно сказать о наших мыслях и действиях. Осознание происходит в момент вербализации наших мыслей и желаний. Однако надо всегда помнить, подчеркивает Розенталь, что только теоретически подготовленный человек может дать подробный отчет о своих действительных мыслях и желаниях, обычным людям это не свойственно. Кроме того, не нужно забывать и о животных, которые способны к осознанию своих восприятий и ощущений, хотя и не могут о них сказать.

Итак, мы отстаивали тезис о том, что при описании рациональности возможна ее характеристика с точки зрения формы и содержания. Так называемая формальная рациональность будет соответствовать универсальной форме, в то время как ее содержание будет всегда уникальным. Таким образом, мы полагаем, что может существовать множество видов рациональности, которые будут зависеть от исторического этапа, типа деятельности, сознания и т.д. То есть форма рациональности воспроизводит себя в различных видах, имея в себе нечто, что воспроизводится снова и снова, несмотря на изменение содержания. Такая трактовка рациональности позволяет нам, с одной стороны, объяснить, почему мы можем понимать людей, которые жили сотни лет до нас (используя различные исторические данные), а с другой стороны, с совершенной очевидностью констатировать те отличия, которые приобрела современная рациональность.

Рассмотрение рациональности человека всегда должно исходить из антропологической точки зрения, учитывать ограничения и особенности, которые накладывает на нее носитель этой рациональности — человек. Отсюда и ограниченность рациональности историческими рамками, конкретной ситуацией, эмоциями, степенью осознанности и многими другими факторами. Рациональность выступает как одна из характеристик нашего мышления, но она никогда не должна рассматриваться абстрактно, в отвлечении от конкретного содержания наших мыслей, желаний и поступков. Осознанность может пониматься как вторичная характеристика, дополнительная к мышлению, которое будет рационально по своей внутренней природе, либо как первичная — необходимо осознанное представление о предмете мысли. Только на его основе может осуществляться рациональное мышление как таковое. Вторая точка зрения считается традиционной, но аргументы в пользу первой также заслуживают внимания.

Разграничение понятий рациональности и осознанности, с которым связаны последние научные открытия в области изучения головного мозга, пред-

ставляют сложность не только для таких традиционных областей психологии, как психология воли или психология эмоций, но также и для целого ряда антропологических дисциплин и, конечно же, для философии. Появляется много вопросов не только по поводу содержания понятий, обсуждавшихся нами в статье (мышление и рациональность), возникают дополнительные вопросы, такие как «Есть ли свобода воли?», «Кто на самом деле принимает решения: мозг или человек?», «Каков статус морали и нравственности?» и др. Все эти фундаментальные вопросы, разумеется, требуют специального исследования в рамках междисциплинарного подхода.

Список литературы

1. Ускова Е.В. Рациональность в контексте проблемы реализм/релятивизм: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2005. 24 с.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-пресс, 1994. 602 с.
4. Лаккофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории мышления говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011. 512 с.
5. Клейн М.С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // STRATUM plus. 2000. № 1. С. 485–515.
6. Сёрль Дж. Рациональность в действии / пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 336 с.

Об авторе

Ускова Екатерина Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: uskova80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4531-7285

7. Rosental D.M. Consciousness and its function // *Neuropsychologia*. 2008. Vol. 46. P. 829–840.

Получено 21.02.2016

References

1. Uskova E.V. *Ratsional'nost' v kontekste problem realizm/relativizm: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Rationality in the context of problem realism/relativism: author's abstract on procuring the degree of candidate of philosophy]. Ekaterinburg, 2005, 24 p. (In Russian).
2. Weber M. [Basic concepts in sociology]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p. (In Russian).
3. Lévy-Bruhl L. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1994, 602 p. (In Russian).
4. Lakoff G. *Zhenschiny, ogon' i opasnye veschi. Chto kategorii myshleniya govoryat nam o myshlenii* [Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind]. Moscow, Gnosis Publ., 2011, 512 p. (In Russian).
5. Kleyn L.S. [Archaeological Periodisation: Approaches and Criteria]. [STRATUM Plus]. 2000, № 1, pp. 485–515. (In Russian).
6. Searle G.R. *Ratsional'nost' v deistvii* [Rationality in action]. Moscow, Progress-tradition Publ., 2001, 336 p. (In Russian).
7. Rosental D.M. Consciousness and its function. *Neuropsychologia*. 2008, vol. 46, pp 829–840. (In English).

The date of the manuscript receipt 21.02.2016

About the author

Uskova Ekaterina Viktorovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Human Resources Management and Psychology

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: uskova80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4531-7285

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ускова Е.В. О рациональности человеческого мышления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 57–62. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-57-62

Please cite this article in English as:

Uskova E.V. About the rationality of the human thinking // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 57–62. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-57-62

УДК 159.955

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-63-70

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ХАРАКТЕРНЫЕ АДАПТАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Щебетенко Сергей Александрович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается общая идея концепции рефлексивных характерных адаптаций (РХА) и дан обзор ее текущих исследований. РХА представляют собой Я-схемы, ответственные за организацию и мониторинг человеком информации о чертах личности. РХА являются также компонентом структуры личности. Посредством РХА осуществляется декомпозиция черт, их «вертикальная» разработка (если под «горизонтальной» понимать традиционную разработку структуры черт личности). В современных исследованиях представлены четыре вида РХА: установки на черты, мета-черты, мета-установки на черты и диспозициональная эффективность. Было установлено, что РХА могут вносить дополнительные вклады во взаимосвязи черт личности с жизненными и поведенческими критериями. РХА обнаруживают и новые связи с различными критериями, которые не наблюдались в случае с чертами личности. Показана содержательная специфика разных РХА. В частности, оценочные РХА (установки и мета-установки на черты) вносят вклад в формирование социальной среды индивида, в то время как идентификационные РХА (мета-черты и диспозициональная эффективность) могут производить инкрементные, добавочные вклады во взаимосвязи черт с критериями.

Ключевые слова: черты личности, модели личности, рефлексия.

REFLEXIVE CHARACTERISTIC ADAPTATIONS: A REVIEW OF THE CURRENT RESEARCH

Sergey A. Shchebetenko

Perm State University

The article aims at the general idea of reflexive characteristic adaptations (RCA) and a review of their current research. RCA represent self-schemas responsible for management and monitoring the information about personality traits by a person. Along with the traits, RCA are a component of the personality structure. In a sense, by means of RCA, the decomposition of traits, their «vertical» elaboration is implemented, if one considers the «horizontal» elaboration as a composition of traits themselves. The extant literature examines four types of RCA including attitudes toward traits, meta-traits, meta-attitudes toward traits, and trait efficacy. RCA have been found to supplementary contribute to the associations of traits with life and behavioral criteria. RCA have been also found to reveal new links with various criteria, the links which were not observed with traits. RCA also differ in their effects. In particular, the evaluation RCA (i.e., attitudes and meta-attitudes toward traits) contribute to building by the person his or her social environment. On the contrary, the identification RCA (i.e., meta-traits and trait efficacy) may produce incremental contributions to the associations between traits and criteria.

Keywords: personality traits, models of personality, reflection.

Разработка теорий черт обычно ведется в контексте определения основных структурных единиц личности. В основном спор идет о том, сколько базовых черт достаточно для полноценного анализа личности — три, пять, или шестнадцать [1], или, например, шесть [2]. Новое поколение исследователей включается в эту полемику, критикуя черты как адекватную структурную единицу в принципе, заменяя ее на куда более подробные и гибкие в своих

проявлениях «узлы» в «сетевых моделях» [3, 4]. Особое значение сегодня получает анализ ситуаций [5], в частности — анализ повседневного поведения за счет использования современных гаджетов [6, 7]. Подход рефлексивных характерных адаптаций (РХА) предлагает еще один вариант расширения зоны изучения структуры личности. Настоящая статья посвящена изложению общей концепции и обзору текущих исследований РХА.

Проблема

Несмотря на широкую популярность, а может быть, и благодаря этому, теории черт десятилетиями провозируют полемику [8, 9]. Одна из проблем заключена в их иронической слепоте к рефлексии: несмотря на то, что методически черты чаще всего представляют собой самоотчеты, т.е. являются очевидным продуктом рефлексии, мы, тем не менее, судим о них как об объективных параметрах.

Что обычно имеется в виду под чертой с методической точки зрения? Как правило, измеряя черты, мы предлагаем респондентам вопросники, содержащие вопросы или утверждения, касающиеся неких абстрактных, универсальных идей и мыслей. Мыслей, которыми люди предположительно обладают, когда думают о себе и о своем поведении. Например, «Вопросник Большой Пятерки» Оливера Джона с коллегами (*Big Five Inventory*, BFI [10]) начинается с краткой инструкции: «Я считаю себя тем, кто...». Тем самым BFI апеллирует к общим стереотипам, ярлыкам, которые есть у респондента в отношении самого себя. Пункты в большинстве классических вопросников, таких как HEXACO [2] или EPQ [11], сформулированы от первого лица и в простом настоящем времени. Они зачастую включают наречия вроде «редко», «иногда», «обычно», «в общем», «часто» и т.п. Тем самым они призваны передать респондентам мысль, что мы спрашиваем их о чем-то регулярном: нормальном и постоянном или, наоборот, о невозможном и неприемлемом.

Спрашиваемое нами не относится к какой-то конкретной ситуации или к кому-то еще, кроме самого отвечающего. Это значит, что мы рассматриваем черту личности как результат того, как индивид относится к своему поведению, как нечто нормированное и универсальное. В этом случае черта личности является ментальной репрезентацией абстрактного типа — в сравнении с ментальными репрезентациями экземплярного типа¹. Активированная таким образом точка зрения (черта) прямо связана с Я-концепцией индивида и его идентичностью. Поскольку черта является методически абстрактной ментальной репрезентацией или попросту «углом зрения» на свое поведение, резонно допустить наличие у человека и других углов зрения на черту.

¹ Поскольку черты обычно не трактуются в мнемических терминах, в вопросниках проскальзывают и пункты, апеллирующие к эпизодической памяти (напр.: «Вчера я выпил кофе больше обычного»), или провокативные пункты («Я никогда не ругаюсь матом»), ответ на которые скорее связан с содержанием их самих (таковы, например, пункты шкал социальной желательности).

Рефлексивные характерные адаптации: определение

Классическое понимание рефлексии предполагает «вычерпывание» содержания объекта в результате «ментальных поворотов», которые субъект осуществляет в его отношении. Например, в контексте мышления Л.С. Рубинштейн отмечает, что «поставленная проблема... включается во все новые связи и в силу этого выступает во все новых свойствах и качествах, которые фиксируются в новых понятиях; из проблемы, таким образом, как бы “вычерпывается” все новое содержание, она как бы поворачивается каждый раз своей новой стороной, в ней выделяются все новые свойства» [12]. Схожую мысль высказывает и Сеченов: «...каждый поворот предмета и вычерпывание соответствующего содержания есть новая мысль» [цит. по: 13]. Таким образом, поведение человека как объект рефлексии также может открываться индивиду с разных углов зрения, которые могут заметно отличаться от абстрактной позиции черты личности.

В концепции РХА для структурирования подобных «вариантов понимания» или ментальных репрезентаций используется 5-факторная теория черт (ПФТ [14]). Пять черт, образующих ПФТ, это — экстраверсия, доброжелательность, добросовестность, нейротизм и открытость опыту. Черты в ПФТ трактуются как базовые тенденции функционирования человека, обусловленные биологическими факторами. В РХА черта рассматривается как первичный, независимый фактор объективной биографии индивида, хотя методически при использовании вопросников этот постулат не представляется совершенным [см., напр.: 15]. Первичность черты обусловлена и концептуальными соображениями: в таком виде она напрямую связана с Я и идентичностью человека.

Очевидно, что альтернативные точки зрения на черту будут вторичными, поскольку они в меньшей степени связаны с Я и идентичностью. В терминах ПФТ это означает, что их следует классифицировать не как базовые тенденции, а как характерные адаптации (ХА). Согласно ПФТ ХА состоят из неопределенно широкого круга социально обусловленных феноменов, включая интерпретации [16] и образы Я [14]. Подкласс ХА, представляющих собой разные точки зрения индивида на черту, и называется РХА. В когнитивистских терминах РХА — это Я-схемы, ответственные за организацию и мониторинг человеком информации о чертах личности.

Концептуально РХА связаны со множеством понятий и проблем, разрабатываемых в контексте рефлексии и рефлексивности [напр.: 17–21], с концептами Я-гидов [22], Я-памяти [23], метакогниций [24], психосемантики личности [25]. РХА обладает опре-

деленной структурой и выполняет ряд функций. В структурном отношении количество черт личности в рабочей модели (таковой является ПФТ) положено в основу структуры данной РХА. В результате возникает двухмерная структура личности, образованная

осями черт и РХА (таблица). Абстрактная модель РХА предполагает изоморфизм 5-факторной структуры черт личности и каждой РХА. Таким образом, РХА осуществляют декомпозицию черты личности как абстрактного идентификатора.

*Двухмерная структура личности, образованная чертами
и рефлексивными характерными адаптациями (абстрактная модель)*

РХА	Черты				
	Э	Дж	Дс	Н	О
РХА ₁	РХА ₁ /Э	РХА ₁ /Дж	РХА ₁ /Дс	РХА ₁ /Н	РХА ₁ /О
РХА ₂	РХА ₂ /Э	РХА ₂ /Дж	РХА ₂ /Дс	РХА ₂ /Н	РХА ₂ /О
...					
РХА _n	РХА _n /Э	РХА _n /Дж	РХА _n /Дс	РХА _n /Н	РХА _n /О

Примечание. РХА — рефлексивные характерные адаптации, Э — экстраверсия, Дж — доброжелательность, Дс — добросовестность, Н — нейротизм, О — открытость опыту.

При определении конкретных РХА в основу положены разные *ментальные области*. Таковых можно назвать, по крайней мере, четыре. Во-первых, это *идентичность*. На позиции идентичности концептуально основана такая черта личности, как абстрактная ментальная репрезентация, с которой индивид себя отождествляет. Во-вторых, это *оценка*, которая не предполагает идентичности, но является основной для суждений этического и эстетического порядка, формулируемых о некотором объекте. В-третьих, это *мета-перцепция*, которая предполагает идентичность, но приписанную индивидом другим индивидам. Сама по себе мета-перцепция, равно как и идентичность, не предполагает оценки. В-четвертых, это *ситуация*, которая не предполагает идентичности, оценки и мета-перцепции, но предполагает временную и пространственную изменчивость поведения или контекст.

Рефлексивные характерные адаптации: результаты исследований

На пересечении пар областей возникает та или иная РХА. Далее мы рассмотрим роль, которую играют четыре РХА в событиях в жизни индивида, его поведении и установках.

1. *Установка на черту* является точкой зрения, сформировавшейся на пересечении между областями идентичности и оценки. Она представляет собой биполярные (положительные/отрицательные) оценки данной черты без прямой референции к какому-либо индивиду, включая самого себя. Эмпирически показано, что структура установок может быть адекватной 5-факторному решению, но с более тесными корреляциями между факторами, чем среди черт [26]. В этой связи более релевантной структуре установок на черты является производное от 5-факторной модели 2-факторное решение, образованное чертами второго порядка — ста-

бильностью и пластичностью [16]. Было установлено, что черты личности связаны с установками на черты [26]. При более высоких чертах пластичности (т.е. экстраверсии и открытости опыту) формируются положительные установки на все пять черт личности.

Напротив, варьирование в чертах стабильности (доброжелательность, добросовестность, эмоциональная стабильность) не оказывало влияния на установки на черты [26]. Черты стабильности представляют собой морально окрашенные свойства, на позитивном полюсе которых образуется, так сказать, «светлая триада». По всей видимости, в большинстве современных культур, в том числе современной российской, черты стабильности поддерживаются позитивными установками. Поэтому даже при низкой выраженности данных качеств у конкретного человека, установки на эти черты чаще всего позитивные.

Концепция РХА предполагает, что установки на черты личности опосредуют связь черт с социальными установками. Так, установки на три черты личности — открытость, экстраверсия и доброжелательность — опосредовали связи этих черт с предпочтениями в живописи [27]. Иными словами, например, позитивное отношение к традиционной живописи объясняется не столько открытостью опыту, сколько положительной оценкой этой черты индивидом.

В ряде случаев установки опосредовали связь черт личности с событиями в жизни индивида. Так, положительная установка на интроверсию опосредовала связь черты интроверсии с более частым использованием в социальной сети «ВКонтакте» в качестве аватар безличных изображений (абстрактных фигур, изображений природы, животных и т.п. [28]). Положительная установка на экстраверсию опосредовала связь черты экстраверсии с более высоким

социальным статусом [29]. Это означает, что человек, одобряющий экстраверсию, хотя и не обязательно ею обладающий, будет иметь более высокий социометрический статус, чем экстраверт, отрицательно оценивающий эту черту. Установки на черты «доброжелательность», «добросовестность» и «нейротизм» опосредовали связи соответствующих черт с количеством баллов ЕГЭ по математике и русскому языку и в конечном счете с семестровой успеваемостью студентов [28].

Исследования показывают, что специфическая роль установок на черты заключается в определении межличностного ландшафта, окружающего индивида. Так, установки на черты группы стабильности могут быть мощным фактором установления дружеских отношений. В парах друзей-сверстников сильные корреляции между установками на черты были обнаружены на фоне практически нулевых связей черт их личности — за исключением слабой связи для экстраверсии. «Быть доброжелательным/враждебным — это хорошо, а это значит, что мне нравятся люди, которые считают так же (хотя необязательно таковыми являются)». Кроме того, установки на черты опосредовали связи черт личности с количеством лайков, получаемых пользователями социальной сети «ВКонтакте» [28, 30].

Однако установки на черты могут создавать и инкрементные, не элиминирующие роль черт, связи с другими критериями. Положительные установки на доброжелательность и эмоциональную стабильность добавили ко вкладу черт интроверсии и добросовестности в вероятность продолжения участия в лонгитюдном исследовании. Здесь важно, что вклады одних черт добавляются вкладами установок на другие черты.

2. *Мета-перцептивная черта*, или просто *мета-черта* является точкой зрения, сформировавшейся на пересечении между областями идентичности и мета-перцепции. Она характеризует мнения индивидов о том, как черты их личности воспринимаются другими людьми, в первую очередь — значимыми другими. Эмпирически было установлено, что структура мета-черт изоморфна 5-факторной структуре черт [31]. Таким образом, мета-черты наиболее тесно связаны с чертами личности, если сравнивать с другими РХА. Во многих случаях мета-черты способны эффективно опосредовать, элиминировать, усилить вклады черт в критерии. Эмпирически это было обнаружено на материале отсева испытуемых из выборки во втором шаге лонгитюда, при предсказании академической успеваемости студентов [28], в поведении пользователей социальных сетей [28, 30], при оценке рекрутерами потенциальных кандидатов на вакантную позицию в организации [32].

Одновременный учет установок на черты и мета-черт может продемонстрировать противоречия в связях черт личности с критериями. Так, одновременное введение в качестве опосредующих переменных этих двух РХА приводило к фиксации эффектов с противоположными знаками на отсев из лонгитюда. Тем самым РХА сближают «одномерные» диспозиционные модели типа ПФТ с теориями двойственных процессов [напр.: 33]. Гипотетически РХА содержат как рефлекслируемый компонент, основанный на метакогнитивных правилах и (психо-)логике, так и «импульсивный остаток», противоречащий «здравому смыслу», но связанный с повторяющимся опытом человека. Это может, в частности, объяснить, почему продолжение участия в лонгитюде предсказывалось положительной установкой на доброжелательность на фоне метанедоброжелательности.

3. *Мета-перцептивная установка на черту*, или просто *мета-установка на черту* является точкой зрения, сформировавшейся на пересечении между областями оценки и мета-перцепции. Она представляет собой мнение человека об установках на черту, присущих значимым для него людям. Похоже, что структура мета-установок близка структуре «прямых» установок [31]. Лучше всего она описывается 2-факторным решением, соответствующим модели стабильности/пластичности. Однако, в отличие от установок на черты, лежащие в основе этих двух факторов, отношения плохо аппроксимированы 5-факторной моделью.

Несмотря на всю свою «отдаленность» от конструкта черты, мета-установки могут вносить заметный вклад в предсказание событий в жизни индивида — даже после контроля соответствующих черт и других РХА. Так, мета-установка на черты стабильности вносила инкрементный вклад во взаимосвязь черт с академической успеваемостью [34]. В целом мнение студента о том, что родители положительно оценивают личностную стабильность (т.е. доброжелательность, добросовестность и эмоциональную стабильность), способно дополнительно увеличить успеваемость. Это справедливо как в отношении оценок, получаемых в семестре, так и для баллов Единого госэкзамена. Аналогичным образом мета-установки на стабильность вносили инкрементный вклад в предсказание поведения в социальных сетях [28].

Исследования не получили внятного подтверждения инкрементной роли мета-установок на пластичность (т.е. на экстраверсию и открытость опыту). Если учесть, что мета-установка на стабильность, по сути, является мета-перцепцией морали родителей, можно заключить, что последняя играет заметную роль в событиях в жизни человека.

Напротив, мета-перцепция отношения родителей к экстраверсии и открытости опыту, возможно, не играет какой-либо заметной предсказательной роли.

4. *Диспозициональная эффективность* (ДЭ) является точкой зрения, сформировавшейся на пересечении областей идентичности и ситуации². ДЭ представляет собой мнение человека о своей успешности реагирования на ситуации, связанные с данной чертой личности, провоцирующие ее проявление. Эмпирически структура ДЭ заметно отклонялась от 5-факторной [31]. На основании имеющихся данных в первом приближении была принята 7-факторная рабочая модель ДЭ (подробнее см. там же). ДЭ создавала спектр инкрементных вкладов — в контексте академической успешности [34] и поведения в социальных сетях — как усиливающих, так и компенсирующих.

Заключение

РХА могут восполнять ряд ограничений, присущих чертам личности как базовым тенденциям. Потенциально РХА могут быть важным источником достижения социального успеха или смягчения клинических симптомов, связанных с чертами. Поскольку черты личности как базовые тенденции теоретически успешно противостоят социальным влияниям — включая усилия самого индивида, — РХА представляют собой инструмент для изучения изменчивости системы личности — как в исследовательском, так и в прикладном контекстах.

Разработка теории черт личности возможна не только в традиционном, «горизонтальном» ключе, определяющем необходимый и достаточный перечень основных черт, узлов и т.п. Исследования РХА показывают возможность «вертикальной» разработки таких моделей, при которых любая черта подвергается декомпозиции. Тем самым в черте выделяются более дробные в сравнении с «традиционной» чертой аспекты. Выделение таких аспектов возможно с учетом рефлексивной природы сознания человека. Рефлексия потенциально позволяет субъекту взглянуть на черту под разными углами зрения, а исследователь может повторить путь субъекта, эксплицитно изучив эти углы зрения.

Список литературы

1. *Eysenck H.J.* Dimensions of personality: 16, 5 or 3? – Criteria for a taxonomic paradigm // *Personality and Individual Differences*. 1991. Vol. 12. P. 773–790. DOI: 10.1016/0191-8869(91)90144-z.

² Логически возможны еще две РХА – на пересечении областей оценки и ситуации, а также мета-перцепции и ситуации. Однако до сих пор РХА в этом отношении остаются неразработанными.

2. *Lee K., Ashton M.C.* Psychometric properties of the HEXACO Personality Inventory // *Multivariate Behavioral Research*. 2004. Vol. 39. P. 329–358. DOI: 10.1207/s15327906mbr3902_8.
3. *Costantini G., Epskamp S., Borsboom D. et al.* State of the aRt personality research: A tutorial on network analysis of personality data in R // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 54. P. 13–29. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.003.
4. *Mõttus R., Allerhand M.* Why do traits come together? The underlying trait and network approaches // *SAGE handbook of personality and individual differences: Vol. 1: The science of personality and individual differences* / ed. by V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. London, UK: SAGE (in press). URL: https://www.researchgate.net/publication/312341252_Why_do_traits_come_together_The_underlying_trait_and_network_approaches (accessed: 20.01.2017).
5. *Rauthmann J.F., Sherman R.A., Funder D.C.* Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations // *European Journal of Personality*. 2015. Vol. 29. P. 363–381. DOI: 10.1002/per.1994.
6. *Gallagher P., Yancy Jr. W.S., Denissen J.J.A., Kühnel A., Voils C.I.* Correlates of daily leisure-time physical activity in a community sample: Narrow personality traits and practical barriers // *Health Psychology*. 2013. Vol. 32. P. 1227–1235. DOI: 10.1037/a0029956.
7. *Vazire S., Mehl M.R.* Knowing me, knowing you: The accuracy and unique predictive validity of self-ratings and other-ratings of daily behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. P. 1202–1216. DOI: 10.1037/a0013314.
8. *Hogan R., Foster J.* Rethinking personality // *International Journal of Personality Psychology*. 2016. Vol. 2, № 1. P. 37–43.
9. *Mischel W.* Continuity and change in personality // *American Psychologist*. 1969. Vol. 24. P. 1012–1018. DOI: 10.1037/h0028886.
10. *John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L.* The Big Five Inventory – Versions 4a and 54. Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research, 1991.
11. *Eysenck H.J., Eysenck S.B.G.* Manual for the Eysenck Personality Questionnaire:(EPQ-R Adult). San Diego, CA: Educational Industrial Testing Service, 1994.
12. *Рубинштейн С.Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Академия наук СССР, 1958. 147 с.
13. *Шадриков В.Д.* Роль рефлексии и рефлексивности в развитии способностей учащихся // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. Т. 9, № 4. С. 133–144.
14. *McCrae R.R., Costa Jr. P.T.* Introduction to the empirical and theoretical status of the five-factor model of personality traits // *Personality disorders and the five-factor model of personality (3rd ed.)* / ed. by T.A. Widiger, P.T. Costa. Washington, DC: American

- Psychological Association, 2013. P. 15–27. DOI: 10.1037/13939-002.
15. *Shchebetenko S.* Thinking about personality: Comment on Hogan and Foster (2016) // *International Journal of Personality Psychology*. 2017. Vol. 3, № 1. P. 9–12.
 16. *DeYoung C.G.* Cybernetic Big Five Theory // *Journal of Research in Personality*. 2015. Vol. 56. P. 33–58. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.004.
 17. *Дорфман Л.Я.* Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. Т. 13, № 1. С. 115–153.
 18. *Карпов А.В.* Рефлексия в структуре сознания // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки*. 2012. № 1(19). С. 6–12.
 19. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 4. С. 110–135.
 20. *Петровский В.А.* Состоятельность и рефлексия: модель четырех ресурсов // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2008. Т. 5, № 1. С. 77–100.
 21. *Старовойтенок Е.Б.* Отношение к себе: от культурогенеза к индивидуальному развитию // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 8, № 4. С. 3–28.
 22. *Higgins E.T.* Self-discrepancy: A theory relating self and affect // *Psychological Review*. 1987. Vol. 94. P. 319–340. DOI: 10.1037//0033-295x.94.3.319.
 23. *Conway M.A.* Memory and the self // *Journal of Memory and Language*. 2005. Vol. 53. P. 594–628. DOI: doi.org/10.1016/j.jml.2005.08.005.
 24. *Efklides A.* Metacognition: Defining its facets and levels of functioning in relation to self-regulation and co-regulation // *European Psychologist*. 2008. Vol. 13. P. 277–287. DOI: 10.1027/1016-9040.13.4.277.
 25. *Шмелев А.Г.* Психосемантика и психодиагностика личности: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГУ, 1994. 513 с.
 26. *Shchebetenko S.* «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2014. Т. 11, № 3. С. 129–148.
 27. *Щебетенко С.А., Тютикова Е.А.* «Картина хороша, потому что хороша открытость опыту»: опосредующая роль установок на черты личности в индивидуальных различиях отношения к живописи // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2015. Т. 12, № 4. С. 122–141.
 28. *Shchebetenko S.* Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory: Between basic tendencies and external outcomes // *Personality and Individual Differences*. 2016. Vol. 101. P. 35–41. DOI: 10.1016/j.paid.2016.05.055.
 29. *Балабина А.Д.* Рефлексивные адаптации характера и социометрический статус // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2015. Вып. 2(22). С. 55–64.
 30. *Щебетенко С.А.* «Скажи, какой человек хорош, и я скажу, насколько ты популярен»: установки на черты личности как предиктор активности «друзей» пользователя социальной сети «ВКонтакте» // *Национальный психологический журнал*. 2016. № 4(24). С. 34–44.
 31. *Щебетенко С.А.* Черты личности и рефлексивные адаптации характера: изоморфизм или полиморфизм? // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016. Вып. 1(25). С. 57–73.
 32. *Shchebetenko S., Bergfeld A.Y.* The relationship between extraversion and physical attractiveness of online network users assessed by personnel recruiters // *Australian Journal of Psychology*. 2016. Vol. 68. P. 301–311. DOI: 10.1111/ajpy.12108.
 33. *Strack F., Deutsch R.* Reflective and impulsive determinants of social behavior // *Personality and Social Psychology Review*. 2004. Vol. 8. P. 220–247. DOI: 10.1207/s15327957pspr0803_1.
 34. *Щебетенко С.А.* Диспозициональная эффективность: на пересечении диспозиционального и когнитивного подходов // *Психология и психотехника*. 2015. № 9. С. 923–933. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.9.16060.

Получено 01.02.2017

References

1. Eysenck H.J. Dimensions of personality: 16, 5 or 3? – Criteria for a taxonomic paradigm. *Personality and Individual Differences*. 1991, vol. 12, pp. 773–790. DOI: 10.1016/0191-8869(91)90144-z. (In English).
2. Lee K., Ashton M.C. Psychometric properties of the HEXACO Personality Inventory. *Multivariate Behavioral Research*. 2004, vol. 39, pp. 329–358. DOI: 10.1207/s15327906mbr3902_8. (In English).
3. Costantini G., Epskamp S., Borsboom D. et al. State of the aRt personality research: A tutorial on network analysis of personality data in R. *Journal of Research in Personality*. 2015, vol. 54, pp. 13–29. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.003. (In English).
4. Möttus R., Allerhand M. Why do traits come together? The underlying trait and network approaches. *SAGE handbook of personality and individual differences: Vol. 1: The science of personality and individual differences* / ed. by V. Zeigler-Hill, T.K. Shackelford. London, UK: SAGE (in press). Available at: https://www.researchgate.net/publication/312341252_Why_do_traits_come_together_The_underlying_trait_and_network_approaches (accessed: 20.01.2017). (In English).

5. Rauthmann J.F., Sherman R.A., Funder D.C. Principles of situation research: Towards a better understanding of psychological situations. *European Journal of Personality*. 2015, vol. 29, pp. 363–381. DOI: 10.1002/per.1994. (In English).
6. Gallagher P., Yancy Jr. W.S., Denissen J.J.A., Kühnel A., Voils C.I. Correlates of daily leisure-time physical activity in a community sample: Narrow personality traits and practical barriers. *Health Psychology*. 2013, vol. 32, pp. 1227–1235. DOI: 10.1037/a0029956. (In English).
7. Vazire S., Mehl M.R. Knowing me, knowing you: The accuracy and unique predictive validity of self-ratings and other-ratings of daily behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008, vol. 95, pp. 1202–1216. DOI: 10.1037/a0013314. (In English).
8. Hogan R., Foster J. Rethinking personality. *International Journal of Personality Psychology*. 2016, vol. 2, no. 1, pp. 37–43. (In English).
9. Mischel W. Continuity and change in personality. *American Psychologist*. 1969, vol. 24, pp. 1012–1018. DOI: 10.1037/h0028886. (In English).
10. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. The Big Five Inventory – Versions 4a and 54. Berkeley: Institute of Personality and Social Research, 1991. (In English).
11. Eysenck H.J., Eysenck S.B.G. Manual for the Eysenck Personality Questionnaire: (EPQ-R Adult). San Diego, CA: Educational Industrial Testing Service, 1994. (In English).
12. Rubinshteyn S.L. *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [Thinking and ways to research it]. Moscow, Akademiya nauk USSR Publ., 1958, 147 p. (In Russian).
13. Shadrikov V.D. [The Role of Reflection and Reflexivity in Ability Development in Students]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2012, vol. 9, no. 4, pp. 133–144. (In Russian).
14. McCrae R.R., Costa Jr. P.T. Introduction to the empirical and theoretical status of the five-factor model of personality traits. *Personality disorders and the five-factor model of personality (3rd ed.)* / ed. by T.A. Widiger, P.T. Costa, Washington, APA Publ., 2013, pp. 15–27. DOI: 10.1037/13939-002. (In English).
15. Shchebetenko S. Thinking about personality: Comment on Hogan and Foster (2016). *International Journal of Personality Psychology*. 2017, vol. 3, no. 1, pp. 9–12. (In English).
16. DeYoung C.G. Cybernetic Big Five Theory. *Journal of Research in Personality*. 2015, vol. 56, pp. 33–58. DOI: 10.1016/j.jrp.2014.07.004. (In English).
17. Dorfman L.Ya. [The Causal Pluralism and Holism in the Meta-Individual World Theory]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2016, vol. 13, no. 1, pp. 115–153. (In Russian).
18. Karpov A.V. [Reflection in the Structure of Consciousness]. *Vestnik Yaroslavl'skogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki* [P.G. Demidov Yaroslavl State University Herald. Series the Humanities]. 2012, no. 1(19), pp. 6–12. (In Russian).
19. Leontev D.A., Osin E.N. [«Good» and «Bad» Reflection: From An Explanatory Model To Differential Assessment]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2014, vol. 11, no. 4, pp. 110–135. (In Russian).
20. Petrovskiy V.A. [Opulence and Reflection: Four Resources Model]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2008, vol. 5, no. 1, pp. 77–100. (In Russian).
21. Starovoytenko E.B. [Relationship to Oneself: From Cultural Genesis to Individual Development]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2011, vol. 8, no. 4, pp. 3–28. (In Russian).
22. Higgins E.T. Self-discrepancy: A theory relating self and affect. *Psychological Review*. 1987, vol. 94, pp. 319–340. DOI: 10.1037//0033-295x.94.3.319. (In English).
23. Conway M.A. Memory and the self. *Journal of Memory and Languag.* 2005, vol. 53, pp. 594–628. DOI: doi.org/10.1016/j.jml.2005.08.005. (In English).
24. Efklides A. Metacognition: Defining its facets and levels of functioning in relation to self-regulation and co-regulation. *European Psychologist*. 2008, vol. 13, pp. 277–287. DOI: 10.1027/1016-9040.13.4.277. (In English).
25. Shmelev A.G. *Psikhosemantika i psikhodiagnostika lichnosti: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Psychosemantics and psychodiagnosis of personality: dissertation for the degree of Doctor of Psychology]. Moscow, MSU Publ., 1994, 513 p. (In Russian).
26. Shchebetenko S. «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2014, vol. 11, no. 3, pp. 129–148. (In English).
27. Schebetenko S.A., Tyutikova E.A. [«The Picture is Good Because Openness to Experience is Good»: The Mediating Role of Attitudes toward Personality Traits in Individual Differences in Painting Preferences]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2015, vol. 12, no. 4, pp. 122–141. (In Russian).
28. Shchebetenko S. Reflexive characteristic adaptations within the five-factor theory: Between basic tendencies and external outcomes. *Personality and Individual Differences*. 2016, vol. 101, pp. 35–41. DOI: 10.1016/j.paid.2016.05.055. (In English).
29. Balabina A.D. [Reflexive characteristic adaptations and sociometric status]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm

- University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2015, no. 2(22), pp. 55–64. (In Russian).
30. Schebetenko S.A. [«Tell me, what kind of person is good, and I'll tell you how popular you are»: setting personality traits as a predictor of the activity of «friends» of the user of the social network «Vkontakte»]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2016, no 4(24), pp. 34–44. (In Russian).
 31. Schebetenko S.A. [Personality traits and reflexive characteristic adaptations: the isomorphism or a polymorphism?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2016, no. 1(25), pp. 57–73. (In Russian).
 32. Shchebetenko S., Bergfeld A.Y. The relationship between extraversion and physical attractiveness of online network users assessed by personnel recruiters. *Australian Journal of Psychology*. 2016, vol. 68, pp. 301–311. DOI: 10.1111/ajpy.12108. (In English).
 33. Strack F., Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior. *Personality and Social Psychology Review*. 2004, vol. 8, pp. 220–247. DOI: 10.1207/s15327957pspr0803_1. (In English).
 34. Schebetenko S.A. [Trait Efficacy: At the Crossroads of the Dispositional and Cognitive Approaches to Personality]. *Psikhologiya i psikhotehnika* [Psychology and Psychotechnics]. 2015, no. 9, pp. 923–933. DOI: 10.7256/2070-8955.2015.9.16060. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.02.2017

Об авторе

Щебетенко Сергей Александрович

кандидат психологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: shebetenko@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5790-9731

About the author

Shchebetenko Sergey Alexandrovich

Ph.D. in Psychology, Docent, Professor
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: shebetenko@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-5790-9731

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Щебетенко С.А. Рефлексивные характерные адаптации: современное состояние исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 63–70.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-63-70

Please cite this article in English as:

Shchebetenko S.A. Reflexive characteristic adaptations: a review of the current research // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 63–70. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-63-70

УДК 159.923.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-71-77

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА КАК ФАКТОР СМЕНЫ ПОЛОВЫХ ПАРТНЕРОВ

Гайворонская Александра Александровна, Осипенко Ирина Михайловна

Смоленский государственный медицинский университет

В статье рассматривается проблема переживаемого субъективного ощущения одиночества личности как фактора, обуславливающего смену половых партнеров. Были использованы методики Д. Рассела и М. Фергюсона (адаптация Д.Я. Райгородского), выявляющие уровни субъективного ощущения одиночества, и опросник для определения вида одиночества С.Г. Корчагиной. Для выявления значимых тем в ощущении одиночества и сексуальных отношениях испытуемым было также предложено в виде свободных рассказов (метод мини-сочинений — методика М.И. Воловиковой, Н.Л. Смирновой) описать свои представления об одиночестве, взаимоотношениях с противоположным полом, используя конкретные примеры из личного опыта. В результате полученных данных было отмечено, что в группе испытуемых, где наблюдается частая смена партнеров, представлен высокий и средний уровень субъективного ощущения одиночества. В группе с традиционным сексуальным поведением высокий уровень субъективного ощущения одиночества не наблюдается. Ведущие темы/описания субъективного ощущения одиночества относительно жизненного пространства, а именно сексуальных отношений, выражают поиск идентификации, конфликтность, страхи/фобии, проявление психологических травм. Авторы считают, что представленное исследование поможет углубленному изучению психотравмирующих состояний, связанных с переживанием одиночества в близких отношениях у современных молодых людей. Субъективное ощущение одиночества тесно связано с коммуникативной деятельностью, стилями общения, способами преодоления критических жизненных ситуаций, особенностями личностных характеристик. Область применения полученных результатов — сексология, гендерная психология. Перспективы дальнейшего исследования — создание психотерапевтической программы, направленной на создание положительного образа Я, коррекции психотравмирующих ситуаций и формирование позитивных межличностных отношений в сексуальной сфере.

Ключевые слова: одиночество, смена половых партнеров, эмоциональная незрелость, свободные отношения, гиперсексуальность, мнительность, конфликтность, диссоциированное одиночество, отчуждающее одиночество, диффузное одиночество.

THE SUBJECTIVE FEELING OF LONELINESS AS A FACTOR OF CHANGE OF SEXUAL PARTNERS

Alexandra A. Gaivoronskaya, Irina M. Osipenko

Smolensk State Medical University

The article examines how the levels of perceived loneliness become a factor of changing sexual partners. The techniques of detecting the levels of subjective feelings of loneliness of D. Russell and M. Ferguson (adaptation D.I. Raigorodskii) and a questionnaire to determine the kind of loneliness S.G. Korchagina have been used. Also to identify significant themes in the feeling of loneliness and sexual relationships, subjects were asked to describe their ideas about loneliness, relationships with the opposite sex, using specific examples from personal experience in the form of free short stories (mini method works — method of Volovikova, N.L. Smirnova). Group of subjects with frequent change of partners showed a high level of subjective feelings of loneliness, while group with traditional sexual behavior didn't show the high level of subjective feelings of loneliness. Leading themes/descriptions of subjective feelings of loneliness correlative of living space, especially sexual relations, express the search of identification, proneness to conflict, fears/phobias, manifestation of psychological trauma. The authors believe that the present research will help with the thorough study of the traumatic conditions caused by the subjective feeling of loneliness in the sexual sphere. The subjective feeling of loneliness is closely related to communicative activities, communication styles, ways of overcoming critical life situations, peculiarities of personal characteristics. The scope of application of obtained results are Sexual Medicine (sexology) and Gender Psychology. The prospects for further research

are the creation of mental health programs aimed at creating a positive self-image, the correction of stressful situations and the formation of positive interpersonal relationships in the sexual sphere.

Keywords: loneliness, change of sexual partners, emotional immaturity, free relationship, hypersexuality, suspiciousness, proneness to conflict, dissociated loneliness, alienating loneliness, diffuse loneliness.

Введение

В последнее время в работах отечественных и зарубежных ученых наблюдается интерес к исследованию пространства жизни личности, взаимоотношений в этом пространстве, в том числе границ и норм сексуального поведения. Это можно объяснить тем, что данная тема носит междисциплинарный характер, объединяя специалистов разных областей: психологов, конфликтологов, сексологов и других. Пространство жизни как психологический феномен исследуется в ряде работ зарубежных и отечественных психологов [1, 2]. Так, в работе К. Левина он является ключевым в описании теории поля. Автор концентрирует свое внимание на том, что истинной средой обитания личности является не физическая реальность и не социальная среда, а лишь те их фрагменты, которые отражены в сознании человека и на которых основывается его поведение [3]. Дополнением к исследованию данной проблемы стала теория личностных конструктов Дж. Келли. В работах Ш. Бюлер, Э. Эриксона и других мы сталкиваемся с разным осмыслением пространства жизни личности в исследовании жизненного пути. Отечественные психологии также изучали жизненное пространство личности. Это работы С.Л. Рубинштейна, В.Н. Дружинина, В.И. Панова и др. Остановимся подробнее на исследованиях В.И. Панова, где пространство личности рассматривается в контексте отношения «индивид – среда». Это проявляется в разных типах: «человек – природная среда (в максиме: планета)», «индивид (группа) – социальная среда», «индивид – образовательная среда», «индивид – профессиональная среда», «индивид – пространственно-предметная среда», «Я – Другой/не», «Я – Я другой» и т.п. Как полагает автор, «единство внешней среды индивида, образующих его внешнее жизненное пространство, и его внутренней среды (как набор ценностей и представлений о мире и себе, часто неосознаваемых) выступает как жизненная среда данного индивида» [4]. Для нас представляет интерес рассмотрение границ и норм сексуального поведения в рамках пространства личности. Можно обратиться к исследованиям А.М. Холода, который рассматривает границы (диапазон) сексуального поведения, выделяя их в следующей типологии: морально-этические установки, физиолого-анатомические, интенциональные и функционально-ситуативные условности, психогенные проявления, сомато-травматическая обусловленность, патолого-эвристические каноны [5].

Основное содержание

Цель представленного исследования — это изучение жизненного пространства современной молодежи в плоскости близких (сексуальных) отношений. Хочется отметить, что на сегодняшний день мы наблюдаем изменения, которые произошли в сексуальных отношениях, проявляющиеся в поведении современной молодежи, а именно отрицание ценностей семьи, преобладание полигамных отношений над моногамными, публичность сексуального поведения. Современная молодежь более спокойно относится к наличию беспорядочных половых связей (промискуитету). Вероятно, это может быть обусловлено воздействием медийного пространства (молодежные сериалы, Интернет), а также распространенностью сексуальных и эротических сюжетов в СМИ и на телевидении. Иногда сами родители могут обуславливать такое поведение, аргументируя это тем, что «по молодости необходимо погулять». Можно перечислить самые разнообразные причины частой смены половых партнеров. К ним можно отнести психическую и эмоциональную незрелость, свойственную юношескому возрасту, недостаточный уровень полового развития, проблемы в семье, гиперсексуальность, мнительность, тревожность, неуверенность, психотравмы, произошедшие в раннем возрасте и др. В исследованиях А.С. Чернышева и И.А. Орешниной под свободными половыми отношениями авторы понимают свободу, выражающуюся в частой смене половых партнеров, или отсутствие каких-либо рамок в поведении. Так, авторами было определено, что 48,6 % респондентов от числа опрошенных именно так и понимают свободные половые отношения. Для 39,7 % респондентов свободные отношения — это ответственные отношения для построения в будущем семьи, основанные на доверии, где свобода проявляется в выборе спутника жизни. Для 5,5 % респондентов свободные отношения — это свободные половые отношения, а также измена своему партнеру [6].

Мы понимаем под свободными половыми отношениями такие отношения, в которые по взаимному согласию вступают мужчина и женщина для получения полной свободы действия, а также насыщенной половой (сексуальной) жизни. Свободные половые отношения, частая смена партнеров могут быть обусловлены психологическими переживаниями личности, возможно, одиночеством. Под одиночеством понимают сложный феномен, связанный с взаимодействием и с взаимоотношениями человека

с действительностью, приводящий к возникновению разнообразных психических состояний и переживаний [7]. Представляется интересным изложить мнение З. Фрейда на одиночество, возникающее как следствие появления невротических черт с последующим их усилением. Таким образом, одиночество — это то, что плохо переносится личностью, то, от чего она страдает и что нуждается в преодолении [8]. Представители когнитивной психологии (Д. Перлман, Л.Э. Пепло) считают, что несоответствие между желаемым и достигнутым уровнем собственных социальных контактов ведет к одиночеству [9]. В работах экзистенциальных психологов прослеживается мысль о том, что одиночество личности связано с падением нравственно-этических норм и «культивированием неразумных потребностей» [10]. Другие авторы также выделяют в понятии одиночества переживание ситуаций, воспринимаемых как нежелательные и неприемлемые, как дефицит определенных отношений в их количественном и качественном измерении [11]. Мы предполагаем, что субъективное ощущение одиночества может выступать фактором, обуславливающим частую смену партнеров.

В данном исследовании были использованы следующие методики: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона (адаптация Д.Я. Райгородского) и опросник для определения вида одиночества С.Г. Корчагиной [12; 13, с. 77–78]. Эти методики позволяют выявить уровни субъективного ощущения одиночества и определить его вид. Также для выявления значимых тем в переживании ощущения одиночества в сексуальных отношениях мы просили испытуемых в виде свободных рассказов (метод мини-сочинений — методика М.И. Воловиковой, Н.Л. Смирновой) описать свои представления об одиночестве и взаимоотношения с противоположным полом, используя конкретные примеры из личного

опыта [14]. Таким образом, нами были выявлены ведущие темы, идеи, примеры жизненных ситуаций.

Результаты/обсуждение

В исследовании приняли участие 107 человек в возрасте от 18 до 24 лет, из них 63 девушки, средний возраст молодых людей $M = 19,4$ лет, стандартное отклонение $SD = 3,6$. Все испытуемые были отобраны на основе рандомизированного отбора: постоянно проживающие в Смоленске и Смоленской области, учащиеся колледжей, обучающиеся различным специальностям, студенты разных вузов. Мы получили согласие на публикацию данных, но при условии соблюдения полной анонимности опрашиваемых.

Испытуемые были разделены на две группы исходя из наличия или отсутствия в их жизни беспорядочной смены половых партнеров. Под частой сменой половых партнеров подразумевалось смена от 3 и более половых партнеров за месяц. Отвечающие данным характеристикам были собраны в первую группу в количестве 55 человек (18 молодых людей и 37 девушек). Во вторую группу в количестве 52 человек попали состоящие в отношениях (от полугода) — 26 молодых людей и 26 девушек. Испытуемым были предложены тестовые методики, выявляющие уровни и виды одиночества.

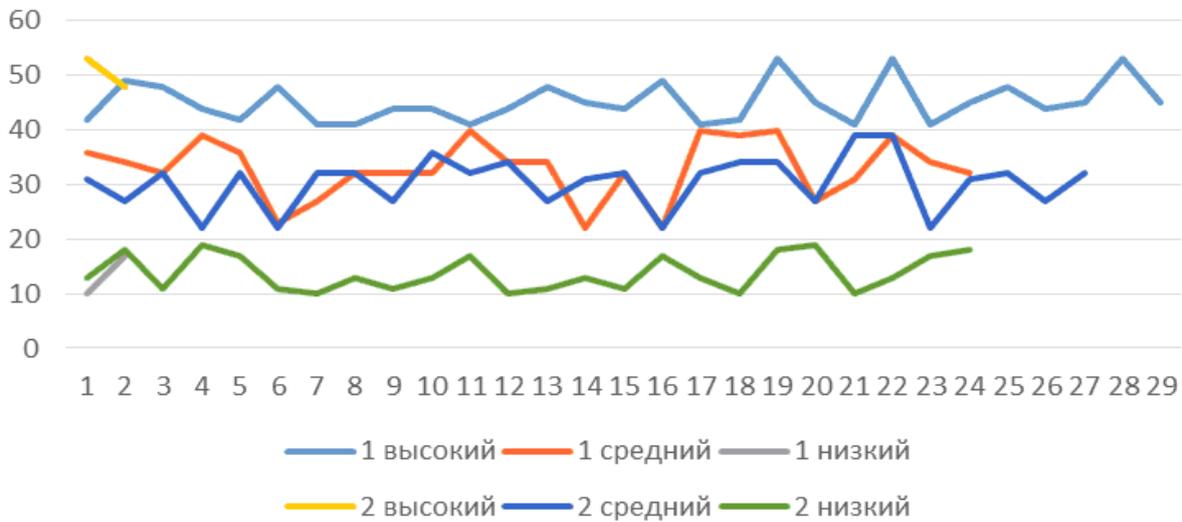
В результате тестирования были определены следующие показатели уровней субъективного ощущения одиночества: в первой группе у респондентов был выявлен средний (52,7 % респондентов) и высокий (43,6 % респондентов) уровень субъективного ощущения одиночества. Низкие показатели субъективного ощущения одиночества представлены у 3,6 % респондентов. Таким образом, в первой группе у респондентов преобладает средний уровень субъективного ощущения одиночества (табл. 1).

Таблица 1. Показатели дескриптивной статистики в первой и второй группе

Уровень одиночества	Valid N	Mean	Median	Mode	Frequency of Mode	Minimum	Maximum	Variance	Std.Dev.
1 высокий	29	45,17241	44,00000	Multiple	6	41,00000	53,00000	13,86207	3,723180
1 средний	24	32,87500	33,00000	32,00000	6	22,00000	40,00000	30,46196	5,519235
1 низкий	2	13,50000	13,50000	Multiple	1	10,00000	17,00000	24,50000	4,949747
2 высокий	2	50,50000	50,50000	Multiple	1	48,00000	53,00000	12,50000	3,535534
2 средний	27	30,37037	32,00000	32,00000	9	22,00000	39,00000	22,39601	4,732442
2 низкий	24	13,87500	13,00000	13,00000	6	10,00000	19,00000	10,80978	3,287823

Во второй группе у 51,9 % респондентов был выявлен средний показатель уровня субъективного ощущения одиночества. Низкие показатели были пред-

ставлены у 46,1 % респондентов. Высокий уровень субъективного ощущения одиночества был выявлен у 1,9 % испытуемых (табл. 1).

Показатели уровня субъективного одиночества в группах 1 и 2

Для подтверждения различий в показателях уровней субъективного ощущения одиночества для первой и второй группе был использован критерий Колмогорова–Смирнова. При этом значение *Asymp. Sig.* (асимптотический двусторонний уровень

значимости) равно 0,000, что свидетельствует о наличии достоверных различий в эмпирических распределениях (табл. 2).

Таблица 2. Показатели достоверных различий в эмпирических распределениях данных в первой и во второй группах

Kolmogorov–Smirnov Test (Spreadsheet11)									
By variable Группа 2									
Marked tests are significant at p <,05000									
	Max Neg	Max Pos	p-value	Mean	Mean	Std.Dev.	Std.Dev.	Valid N	Valid N
	Differnc	Differnc		Group 1	Group 2	Group 1	Group 2	Group 1	Group 2
Группа 1			----	42,00000	49,00000	0,00	0,00	1	1

Полученные данные свидетельствуют, что в группе, где отмечается частое проявление беспорядочной смены половых партнеров, наблюдается высокий и средний уровень субъективного ощущения одиночества. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что повышенный уровень субъективного ощущения одиночества, проявляющийся в состоянии беспокойств и напряжения, актуализирует стремление к интимным отношениям и проявляется в регулярной смене половых партнеров.

Далее мы попытались найти наиболее часто встречающийся вид одиночества в представленных группах. В первой группе ведущим видом стало *отчуждающее одиночество*. Для него свойственны тревожность, низкая эмпатия, конфликтность, не-

способность к сотрудничеству, подозрительность и зависимость в межличностных отношениях. Этот вид одиночества проявляется у индивидов, которые чувствуют себя покинутыми, потерянными, испытывают тоску, страх и депрессию; вероятно, проявляется механизм обособления, отчуждения от других людей. По мнению выдающегося экзистенциального психолога К. Роджерса, это связано с феноменологическим несоответствием представлений индивида о собственном Я.

Далее по частоте встречается *диффузное одиночество*. Оно характеризуется нарушением динамического равновесия, связанного со сбоями в механизмах идентификации. Для респондентов, имеющих этот вид одиночества, характерны повышенная

конфликтность, неуверенность, высокая степень тревожности. Хочется отметить, что в пилотажном исследовании, проведенном на меньшей выборке в группе с частой сменой половых партнеров, преобладающий вид субъективного ощущения одиночества — *диффузное*. Вероятно, это можно объяснить тем, что свойства, характеризующие эти виды, проявляются в комплексных характеристиках: например, тревожность, конфликтность; иногда потеря идентификации может привести к чувству экзистенциального одиночества [15]. Для второй группы преобладающим является *диссоциированный* вид одиночества. У респондентов этого вида наблюдается демонстративность в сочетании как с высокой, так и низкой эмпатией, эгоистичность, созависимость в межличностных отношениях. Это можно объяснить особенностями личностных характеристик, свойственных данной группе. *Отчуждающее и диссоциированное* виды одиночества характерны для молодежной среды как потребность в обособлении, как поиск своей позиции.

На втором этапе исследования респондентам из первой группы с высоким и средним уровнем субъективного ощущения одиночества (53 человека) было предложено написать мини-сочинение (представления) об одиночестве и своих взаимоотношениях с противоположным полом. Отказались от участия в написании мини-сочинений 6 человек. Анализ сочинений позволил выделить четыре ведущих темы в описании одиночества и возможных причин частой смены партнеров:

1) одиночество как поиск идентификации («кто я?», «с кем я?», «каковы их интересы и совпадают ли они с моими?»), описание одиночества как поиск референтной группы;

2) одиночество как конфликт (с окружающими, с собой). В современном мире приветствуются развитые лидерские качества, способность добиваться успеха любой ценой, обесценивая взаимоотношения;

3) одиночество как страх/фобия быть отвергнутым другими людьми (тревожность, мнительность, неуверенность, ригидность);

4) одиночество как проявление психологической травмы (измена, предательство).

В своих сочинениях при описании идей, примеров жизненных ситуаций респонденты объясняли свое одиночество и возможные причины частой смены партнеров *потребностью в самоутверждении*: «Я, встречая нового партнера, красивого мускулистого “брутала”, открываю для себя совсем другую страну» (Елена, 21 г.); *повышении самооценки*: «...новая девушка — это новые ощущения, это ступеньки...» (Егор, 23 г.); «Когда я знакомлюсь с молодым человеком, мне кажется что я встретила ЕГО, именно его. Я чувствую, что это мое..., но проходит время, и я опять одна, и он совсем не тот, кого

я искала» (Ирина, 19 л.); *увеличении сексуального опыта*: «девушки научили меня таким “фишечкам”, что я знаю теперь, чего они хотят» (Антон, 18 л.); в некоторых случаях это *месть* за измену («клин клином вышибают»): «Мне хотелось быть преданной своему любимому человеку, но я знаю, что он мне изменил, а значит, теперь я тоже буду свободна и делать то, что я считаю нужным» (Вера, 20 л.).

Часто респонденты писали о том, что свободные отношения — это «качественный» поиск того, кто станет постоянным партнером: «Для меня одиночество — это жизнь без близких, без общения, без увлечений. Поиск любимого человека — это как составление мозаики, пока не найдешь нужный пазл, картинка не получится. А пазлов много, людей много... очень сложно среди них найти того, кто поможет создать картину» (Алиса, 19 л.). Постоянные (традиционные) отношения рассматриваются респондентами как индикаторы (показатели) ответственности, взрослости, зрелости: «Свободные отношения хороши для тех, кто не готов к серьезным отношениям и браку» (Юрий, 20 л.). «Если бы я встретила того, в кого влюбилась бы без памяти, и кто по-настоящему полюбил бы меня, то ни о каких свободных отношениях и не могло быть речи» (Таня, 18 л.).

Иногда в протоколах встречается тема переживания разрыва и ухода от новых серьезных отношений, тогда свободные отношения воспринимаются как их альтернативная замена: «Недавно я рассталась с любимым человеком, и никто не может даже близко быть похожим на него. Я страдаю и мне больно... и утешение я нахожу, когда встречаюсь с другими мужчинами... Мне становится легче» (Людя, 22 г.). Многие респонденты в протоколах объясняют частую смену половых партнеров отсутствием «любимого человека». Например: «Когда я встречу того единственного “идеального мужчину”, ...то я стану самой верной женщиной на земле» (Ира, 19 л.). Или: «Мое одиночество закончится как только я встречу своего мужчину и все изменится. Мне тогда будут неинтересны другие мужчины» (Алина, 21 г.).

Депрессивные состояния, способы преодоления одиночества также могут выступать способом, оправдывающим частую смену партнеров: «Мне было очень грустно, очень одиноко, “депрессняк” — и я так поднимаю себе настроение» (Наташа, 23 г.). «Я так спасаюсь от одиночества» (Света, 24 г.). «Одиночество — это часть моей жизни. Раньше я был достаточно часто одинок и у меня была частая смена партнеров. Я искал того человека, который мне бы действительно был нужен. Если меня не устраивал человек — я быстро от него уставал, а она уставала от меня. Мой человек — это эмоциональный разряд, “эмоциональная подпитка”» (Роман, 20 л.).

Выводы

Таким образом, можно полагать, что существует важная проблема в молодежном возрасте — субъективное переживание одиночества, проявляющееся как в потребности обособления (осмысление Я-позиции, Я-идентификации), так и в потребности установления новых контактов, построения новых взаимоотношений, в том числе в сексуальной сфере. Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о том, что субъективное ощущение одиночества выступает фактором, влияющим на частую смену половых партнеров. В группе респондентов, где наблюдается редкая смена половых партнеров, мы отмечаем высокий уровень субъективного ощущения одиночества. В группе, где встречается частая смена половых партнеров, выявлен высокий и средний уровень субъективного ощущения одиночества. Ведущие темы/описания субъективного ощущения одиночества относительно жизненного пространства, а именно сексуальных отношений выражают поиск идентификации, конфликтность, страхи/фобии, проявление последствий психологических травм. Субъективное ощущение одиночества или не одиночества тесно связано с коммуникативной деятельностью, стилями общения, способами преодоления критических жизненных ситуаций, особенностями личностных характеристик.

Авторы считают, что представленное исследование поможет изучению психотравмирующих состояний, обусловленных субъективным ощущением одиночества в сексуальной сфере. Область применения полученных результатов — сексология, гендерная психология. Перспективы дальнейшего исследования проблемы — это создание психокоррекционной программы, направленной на формирование у молодежи положительного образа Я, коррекции психотравмирующих ситуаций, формирование стратегий преодоления одиночества у молодого поколения.

Список литературы

1. Морозикова И.В. К проблеме о воспитательной деятельности учреждений профессионального образования в современных условиях (ментальный аспект) // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск: Изд-во Смолен. гос. ун-та, 2010. С. 391–394.
2. Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. 432 с.
3. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 368 с.
4. Панов В.И. Экопсихологические взаимодействия: виды и типология // Социальная психология и общество. 2013. № 3. С. 13–27.

5. Холод А.М. Норма и девиация в сексологии: определение диапазона понятия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2000. № 2(18). С. 35–43.
6. Чернышев А.С., Орешина И.А. Роль малой группы в духовно-нравственном опосредовании социальных представлений современной учащейся молодежи о межполовых отношениях // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3(31). С. 212–223.
7. Шагивалеева Г.Р. Одиночество и особенности его переживания студентами: монография. Елабуга: Алмедиа, 2007. 157 с.
8. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1989. 384 с.
9. Перлман Д., Пенло Л.Э. Теоретические подходы к одиночеству // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 152–168.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Джайдест, 2014. 288 с.
11. Джонг-Гирвельд Дж. де, Раадшелдерс Д. Типы одиночества // Лабиринты одиночества. М.: Прогресс, 1989. С. 301–319.
12. Корчагина С.Г. Психология одиночества: учебное пособие. М.: Моск. психол.-социал. ин-т, 2008. 228 с.
13. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты: учеб. пособие. Самара: БАХРАХ-М, 2002. 672 с.
14. Воловикова М.И. Представления русских о нравственном идеале. М.: ИП РАН, 2005. 376 с.
15. Гайворонская А.А., Осипенко И.М. Влияние уровня одиночества на смену половых партнеров (на примере студенческой молодежи) // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета: матер. Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск: Изд-во Смолен. гос. ун-та, 2010. С. 152–154.

Получено 19.10.2016

References

1. Morozikova I.V. [To the problem of educative activity of Colleges of Professional Education in modern conditions (the mental aspect)]. *Sotsialno-psikhologicheskie problemy mental'nosti/mentaliteta* [Socio-psychological problems of mentality]. Smolensk, Smolensk University Publ., 2010, pp. 391–394. (In Russian).
2. Sen A. *Razvitie kak svoboda* [Development as freedom]. Moscow, Novoe Izdatelstvo Publ., 2004, 432 p. (In Russian).
3. Lewin K. *Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh* [Field theory in social science]. Saint Petersburg, Speech Publ., 2000, 368 p. (In Russian).
4. Panov V.I. [Ecopychological Interactions: Types and Typology]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2013, no. 3, pp. 13–27. (In Russian).

5. Kholod A.M. [Norm and deviation in sexology: determining the range of the concept]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series Humanities]. 2000, no. 2(18), pp. 35–43. (In Russian).
6. Chernyshev A.S., Oreshina I.A. [The role of small group in spiritual and moral mediating of the social representations of modern students about sexual relationships]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University]. 2014. no. 3(31), pp. 212–223. (In Russian).
7. Shagivaleeva G.R. *Odinochestvo i osobennosti ego perezivaniya studentami* [Loneliness and students experience of it]. Elabuga, Almedia Publ., 2007, 157 p. (In Russian).
8. Freud S. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the unconscious]. Moscow, 1989, AST Publ., 384 p. (In Russian).
9. Perlman D., Peplau L. A. [Theoretical approaches to loneliness]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 152–168. (In Russian).
10. Fromm E. *Begstvo ot svobody* [Escape from freedom]. Moscow, Digest Publ., 2014, 288 p. (In Russian).
11. Jong-Gierveld J. de, Raadschelders J. [Types of loneliness]. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 301–319. (In Russian).
12. Korchagina S.G. *Psikhologiya odinochestva* [Psychology of loneliness]. Moscow, Psycho-social Institute Publ., 2008, 228 p. (In Russian).
13. Raygorodskiy D.Ya. *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnostics. Methods and tests]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2002, 672 p. (In Russian).
14. Volovikova M.I. *Predstavleniya russkikh o nravstvennom ideale* [Representations of Russians about the moral ideal]. Moscow, IP RAS Publ, 2005, 376 p. (In Russian).
15. Gayvoronskaya A.A., Osipenko I.M. [Solitude level Influence on sexual partner change (for the sample of students)]. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy mentalnosti* [Socio-psychological problems of mentality]. Smolensk, Smolensk University Publ., 2010, pp. 152–154. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 19.10.2016

Об авторах

Гайворонская Александра Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры клинической психологии

Смоленский государственный медицинский университет,
214019, Смоленск, ул. Крупской, 28;
e-mail: agajvoronskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1924-3622

Осипенко Ирина Михайловна

кандидат психологических наук,
преподаватель кафедры клинической психологии

Смоленский государственный медицинский университет,
214019, Смоленск, ул. Крупской, 28;
e-mail: osipenkoir@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6645-7853

About the authors

Gaivoronskaya Alexandra Alexandrovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of the Department of Clinical Psychology

Smolensk State Medical University,
28, Krupskaya str., Smolensk, 214019, Russia;
e-mail: agajvoronskaya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1924-3622

Osipenko Irina Mikhailovna

Ph.D. in Psychology, Lecturer of the Department
of Clinical Psychology

Smolensk State Medical University,
28, Krupskaya str., Smolensk, 214019, Russia;
e-mail: osipenkoir@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6645-7853

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гайворонская А.А., Осипенко И.М. Субъективное ощущение одиночества как фактор смены половых партнеров // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 71–77.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-71-77

Please cite this article in English as:

Gaivoronskaya A.A., Osipenko I.M. The subjective feeling of loneliness as a factor of change of sexual partners // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 71–77.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-71-77

УДК 316.346.32:124.51

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86

ЦЕННОСТИ РОССИЯН В КОНТЕКСТЕ ВОЗРАСТНЫХ РАЗЛИЧИЙ***Федотова Вера Александровна***Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал)*

Проблема возрастных различий в ценностях актуальна в современной России. С середины 80–90-х гг. XX в. в нашей стране наблюдается ценностный разрыв между поколениями. Актуальность работы заключается в попытке обобщить имеющиеся теоретические исследования по проблеме наличия/отсутствия межпоколенных различий в ценностях и провести эмпирическое исследование, направленное на выявление ценностного разрыва между поколениями. Культура реализуется через ценности, которые в свою очередь являются основой любой культуры. Ценности определяют отношения человека с социумом, природой, близким окружением и самим собой; они формируют цели, групповые убеждения и действия. Понятие «ценность» само по себе полисеманлично. Социально-культурные ценности формируются одновременно с формированием личности, определяются культурой и обществом. Социально-культурные ценностные ориентации — стержень нашей жизни, чаще всего проявляются в том, что личность думает и как поступает. В качестве респондентов в исследовании выступили 380 человек: представители молодого (до 25 лет) и взрослого (старше 45 лет) поколений. Результаты исследования подтвердили гипотезу о наличии различий в индивидуальных ценностях у представителей разных поколений россиян. У молодежи более выражены ценности «Самостоятельность мысли», «Стимуляция», «Универсализм» (именно «Универсализм: толерантность»). У взрослых преобладают ценности, выражающие интересы группы: «Традиция», «Благожелательность: забота», «Скромность».

Ключевые слова: ценности, межпоколенные различия, системы измерения ценностей.

**VALUES OF RUSSIANS IN THE CONTEXT
OF INTERGENERATIONAL RELATIONS****Vera A. Fedotova***National Research University Higher School of Economics (Perm Branch)*

The problem of inter-generational distinctions in values is actual in modern Russia. Since the middle of the 80–90th years of the XX century the valuable gap between generations is observed. The aim of the work is to generalize the theoretical researches on a problem of existence/lack of inter-generational distinctions in values and to conduct the empirical research directed on identification of a valuable gap between generations. Culture is realized through values, which in turn are the basis of any culture. Values define a person's relationship with society, nature and himself; they form the goals, group beliefs and actions. The concept of value is polysemantic. The formation of socio-cultural values occurs simultaneously with the formation of personality and determined by culture and society. Socio-cultural value orientation is the core of our life and is often manifested in what the person thinks and how he or she acts. The sample was 380 youth and adults. Results confirmed the hypothesis that there is a difference in individual values between different generation of Russians. Values «Independence of thought», «Stimulation», «Universalism», and «Universalism: tolerance» prevail among youth. Among adults the values expressing interests of group prevail: «Tradition», «Benevolence: care» and valuable orientation «Modesty».

Keywords: values, inter-generational distinctions, systems of measurement of values.

* Статья подготовлена в результате проведения исследования (№ 15-01-0060) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2015–2016 гг., с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Поколение представляет собой объективно складывающуюся социально-демографическую и культурно-историческую общность людей, объединенную границами возраста и общими условиями формирования и функционирования в конкретный исторический период [1, с. 354]. Следует отметить, что ценностные ориентации, установки, устремления молодежи иные, нежели у взрослых россиян, так как за последние годы многое изменилось в стране, ряд изменений носят глобальный характер.

Современный облик России во многом определяет молодое поколение, выросшее в условиях новых экономических, социальных и политических стандартов. Специфичным является выбор объекта данного исследования — две категории россиян: молодое поколение (в возрасте до 25) и взрослое поколение россиян (после 45). Такие возрастные ограничения обусловлены тем, что именно этот межпоколенный разрыв позволил проследить динамику изменения ценностных ориентаций россиян. А категория «молодежь» — особая социальная группа, постоянно находящаяся в фокусе исследований психологов, социологов, социальных психологов, она является индикатором происходящих перемен, определяющим в целом потенциал развития общества. Неизбежная переоценка ценностей, их кризис больше всего проявляются в сознании именно этой социальной группы. Исследование ценностных ориентаций молодого поколения крайне актуально, так как дает возможность выяснить степень ее адаптации к новым социальным условиям и инновационный потенциал. Будущее состояние общества во многом зависит от того, какой ценностный фундамент сформирован у современной молодежи.

Теоретико-методологические подходы к определению и измерению культурных ценностей в психологии

Ценности определяют отношения человека с социумом, природой, близким окружением и самим собой; они формируют цели, групповые убеждения и действия. Понятие «ценность» само по себе полисеманлично. Формирование социально-культурных ценностей происходит одновременно с формированием личности, определяется культурой и обществом. Социально-культурные ценностные ориентации — стержень нашей жизни, чаще всего проявляются в том, что личность думает и как поступает. Ф. Дансеро пришел к выводу, что ценности — это не статичное образование. Они со временем меняются [2]. Ценностные ориентации занимают центральное место в общественных науках [3, 4]. Индивидуальные ценности предопределяют выбор [5], интернализацию социальных институтов [6] и т.д.

Чаще всего ценности исследуются на двух уровнях: индивидуальном и коллективном.

На сегодняшний день существует большое количество теоретико-методологических подходов к измерению ценностей: Ш. Шварца, Ф. Тромпенаарса и Ч. Хампден-Тернера, Г. Хофстеда, К. Клакхона и Ф. Стродбек, Э. Холла и др. В данной работе наибольшее внимание будет уделено подходу Ш. Шварца, поскольку именно его методика измерения ценностей взята за основу используемого методического инструментария.

Подход к измерению ценностей Ш. Шварца

Теория базовых ценностей Ш. Шварца [7, 8] в последние несколько лет была основой сотен исследований, в которых проверялась взаимосвязь 10 базовых ценностей и четырех метаценностей с различными установками, представлениями, мнениями, типами поведения, качествами личности и т.д. В 2011 г. Шварцем была создана новая методика, в которую входили уже не 10 ценностей, а 19. Перед рассмотрением новой методики, на которой в дальнейшем будет базироваться наше исследование, следует упомянуть разработанной ранее.

Заслуженный профессор психологии Иерусалимского университета, бывший президент Международной ассоциации кросскультурной психологии, ведущий научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований НИУ ВШЭ Шалом Шварц посвятил специальное исследование проблеме выбора оснований сравнения при изучении ценностей в разных культурах [9, 10, 11]. Проведя анализ отношения к 56 ценностям в 20 странах, он создал «теорию содержания и структуры ценностей». Шварц сделал вывод, что 44 отдельные ценности одинаково понимаются в изученных им культурах. Исследования ценностей под руководством Шварца проходили на двух уровнях анализа: индивидуальном и культурном. На индивидуальном уровне ценности рассматриваются как основы мотивов, которыми люди руководствуются в жизни. Шварц утверждает, что главный содержательный аспект, отделяющий ценности друг от друга, — это тип мотивации, в которой они отражаются. Поэтому он сгруппировал отдельные ценности в блоки ценностей, разделяющих общую цель. Шварц дал этим типам ценностей определения, основанные на их главной цели: Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция Самостоятельность Универсализм, Забота, Традиции, Конформизм, Безопасность. Рассмотрим более подробно каждую выделяемую Шварцем ценность индивидуального уровня [11].

1. *Достижение.* Определяющей целью является личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Проявление социальной компетентности, что составляет содержание этой ценности, в условиях доминирующих культурных стандартов влечет за собой социальное одобрение.

2. *Власть.* Главная цель этой группы ценностей заключается в достижении престижа или социального статуса, контроля или доминирования над людьми и средствами. Важными ценностями, входящими в эту группу, являются богатство, авторитет, социальная власть, общественное признание, сохранение своего общественного имиджа.

3. *Самостоятельность.* Главная цель этого типа ценностей заключается в самостоятельности выбора способов действия в творчестве и исследовательской активности.

4. *Гедонизм.* Определяющая цель этой группы ценностей можно обозначить как наслаждение или чувственное удовольствие.

5. *Стимуляция.* Под стимуляцией подразумевается стремление к новизне и глубоким переживаниям.

6. *Благожелательность.* Целью данного типа ценностей является сохранение благополучия людей, с которыми человек находится в каких-либо отношениях. Данный тип ценностей является производным от потребности в позитивном взаимодействии и обеспечении процветания группы, а основными составляющими данной группы ценностей являются честность, полезность, дружба, лояльность, снисходительность, ответственность, зрелая любовь.

7. *Универсализм.* В качестве определяющей цели данной группы ценностей выступают терпимость, понимание, защита благополучия людей и природы.

8. *Традиция.* Главная цель данной группы ценностей — это принятие и уважение обычаев и идей, существующих в культуре, и следование им. Традиционный способ поведения становится символом групповой солидарности, выражением единых ценностей и гарантией выживания. Традиции принимают формы верований, норм поведения и религиозных обрядов. Важными ценностями являются уважение традиций, благочестие, смирение, умеренность и принятие своей участи.

9. *Конформность.* Определяющая цель данного блока представляет собой сдерживание и предотвращение действий, склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Конформность является производной ценностью от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия. В блок входят ценности самодисциплины, послушания, уважения родителей и старших, вежливости,

10. *Безопасность.* Определяющей целью данного блока ценностей является безопасность для себя и других людей, гармония, стабильность общества и взаимоотношений. Важными здесь представляются ценности: безопасность семьи, социальный порядок, национальная безопасность, взаимопомощь, взаимное расположение, чистота, здоровье и чувство принадлежности.

Все ценности организованы в ценностно-мотивационные оппозиции, расположившиеся на двух биполярных осях: Открытость изменениям (ценности самостоятельности, стимуляции и гедонизма) – Сохранение (безопасность, конформность и традиция) и Самоутверждение (власть, достижение, гедонизм) – Самопреодоление (универсализм и благожелательность).

Ранее для объяснения и прогнозирования Шварц успешно применял десять ценностей исходной теории. Тем не менее, исследователи не раз отмечали различные проблемы таких измерений: в частности, мультиколлинеарность между ценностями и низкую валидность показателей [12, 13]. Уточненная теория совместима с первоначальной структурой из десяти более широких конструкторов, так как эти 19 ценностей охватывают тот же мотивационный континуум, что и изначальные десять [14]. Шесть ценностей, которые уточненная теория делит на целый ряд ценностей, были объединены следующим образом: Безопасность (Безопасность – Личная, Безопасность – Общественная и Репутация), Универсализм (Универсализм – Забота о других, Универсализм – Забота о природе, Универсализм – Толерантность), Самостоятельность (Самостоятельность – Мысли и Самостоятельность – Поступки), Власть (Власть – Ресурсы и Власть – Доминирование), Конформизм (Конформизм – Правила, Конформизм – Межличностный и Скромность) и Благожелательность (Благожелательность – Чувство долга и Благожелательность – Забота) [14]. Данные, полученные в формате 19 ценностей, могут отражать и десять исходных базовых ценностей.

Межпоколенные различия в ценностях

В.С. Магун и М.Г. Руднев приходят к выводу, что современное российское общество, по сравнению с советским, в большей степени формирует ценности Открытости изменениям и Самоутверждения, в противовес ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе. Авторы сравнивали ценности людей разных возрастов: тех, кому 62 года или больше, и тех, кто не старше 23 лет. Сравнение ценностей именно этих двух возрастных групп показало ценностную разницу, обусловленную отличием жизни в советском социуме от жизни в постсоветском российском обществе. Молодежь похожа на своих зарубежных сверст-

ников по ценности Конформность–Традиция, а пожилые россияне чаще по ценности Безопасность. По ценности Самоутверждение российская молодежь опережает молодежь почти всех европейских стран, а россияне старшего возраста опережают сверстников из 17 стран. В современной России, по мнению исследователей, эти процессы сместились в сторону доминирования ценностей открытости и самоутверждения и меньшего преобладания ценностей сохранения и заботы о людях и природе [15].

М.И. Постниковой было проведено исследование, цель которого — изучение ценностей современных поколений, в основу его была положена методика И.Г. Сенина «Опросник терминальных ценностей» (ОТеЦ) [16] и методика Ш. Шварца по изучению ценностей личности [17]. Автор обозначила эпохальные периоды в истории России, повлиявшие на развитие самосознания людей: **довоенное и военное поколение (поздняя зрелость)** — люди, которые в настоящее время старше 61 года; **послевоенное поколение (зрелость)** — люди, которым в настоящее время от 46 до 60 лет; **поколение эпохи «застоя», начала перестройки (ранняя зрелость)** — люди, которым в настоящее время от 31 до 45 лет; **поколение эпохи «перестройки», переходного периода (молодость)** — люди, которым в настоящее время от 16 до 30, и **поколение «нового века», «рыночных отношений»**, — те, которым в настоящее время меньше 16 лет. Данное исследование проводилось в разных регионах России, в нем приняло участие 695 человек в возрасте от 16 до 83 лет. Для четвертого поколения характерно ярко выраженное проявление индивидуализма и готовности к изменениям. Порядок приоритетных ценностей для представителей третьего поколения выглядит следующим образом: «Высокое материальное положение»; «Креативность» и «Развитие себя». Значимые для второго поколения ценности — «Универсализм», «Доброта», «Конформность», «Безопасность». Другими словами, для этого поколения характерно проявление коллективизма и стабильности. У представителей **первого поколения** статистически значимо выражены такие ценности, как «Универсализм», «Традиции», «Безопасность», а низкие значения имеют ценности «Самостоятельность», «Стимуляция», «Гедонизм», «Достижения» [18].

Н.Е. Королевой в 2011 г. было проведено исследование, направленное на определение базовых ценностей молодежи — студентов и выпускников российских вузов [19, с. 36]. Исследователь использовала шкалу ценностных ориентаций, составленную американскими исследователями Ф. Элашмави и Ф.Р. Харрисом [20]. Анализ результатов эмпирического исследования позволил выявить кластер из семи ценностных ориентаций, среди которых благо-

получие семейных отношений, обладание материальными ценностями, духовность и репутация. Значимыми ценностями, необходимыми для достижения жизненных целей, являются свобода, межличностные связи и надежда на собственные силы. В ходе исследования была выявлена тенденция изменения внешнего локуса контроля на внутренний и тенденция изменения ценностных ориентаций современного россиянина в сторону индивидуализма, что подтверждает уже ранее проведенные исследования и помогает нам сделать предположение, что представители молодого поколения россиян будут выбирать ценности, выражающие интересы индивида (Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм и Самоутверждение).

О наличии ценностного разрыва между поколениями свидетельствуют и другие исследования. В одном из них в качестве респондентов (Россия) выступали 100 человек: представители взрослого поколения (33–72 лет) и молодежи России (19–28 лет) [21]. В работе использовалась методика исследования ценностей культуры (Ш. Шварц). Рассматривались ценности индивидуального уровня (Безопасность, Конформность, Традиция, Благожелательность, Универсализм, Самостоятельность, Стимуляция, Гедонизм, Достижение, Власть). В итоге были выявлены межпоколенные различия в ценностных приоритетах на индивидуальном уровне. Средний показатель по параметру «Благожелательность» выше у взрослого поколения респондентов, а «Самостоятельность» у молодого [21].

Итак, на основе теоретического анализа в качестве **гипотезы** нами было выдвинуто следующее предположение:

Существуют различия в индивидуальных ценностях: молодежь предпочитает ценности, выражающие интересы индивида (Самостоятельность мысли, Самостоятельность поступков, Гедонизм, Самоутверждение, Стимуляция, Универсализм, Достижение, Власть), а взрослое поколение, выражающее интересы группы (Безопасность, Конформность, Традиция, Универсализм, Благожелательность), а также ценность «Скромность».

Метод

Выборка. В качестве респондентов в данном исследовании выступили 380 человек. В исследовании принимали участие представители взрослого поколения и молодежи России — представители молодого (до 25 лет) и взрослого поколений (старше 45 лет) (см. табл. 1).

Объектом исследования были индивидуальные ценности, а **предметом** — межпоколенные различия в ценностях.

Таблица 1. Социально-демографические характеристики выборки исследования

Респонденты	Взрослые	Молодежь
Кол-во	177 чел.	203 чел.
Мужчины (чел.)	73	117
Женщины (чел.)	104	86
Средний возраст	52 года	20 лет
	Макс — 69	Макс — 24
	Мин — 45	Мин — 18

Методологическая основа исследования. В качестве основного метода использовался метод опроса. В основе лежала методика измерения индивидуальных ценностей PVQ-R [14].

Методика измерения индивидуальных ценностей PVQ-R. Для исследования ценностной структуры на индивидуальном уровне был использован обновленный опросник структуры ценностей (PVQ-R) Ш. Шварца. Данная методика содержит 57 вопросов, позволяющих оценить степень выраженности 19 ценностей: Самостоятельность мысли; Самостоятельность поступков; Стимуляция; Гедонизм; Достижение; Власть доминирования; Власть ресурсов; Репутация; Безопасность личная; Безопасность общественная; Традиция; Конформизм правила; Конформизм межличностный; Скромность; Благожелательность чувство; Благожелательность, забота; Универсализм, Забота о других; Универсализм, Забота о природе; Универсализм, Толерантность. Инструкция звучит следующим образом: «Ниже приведены описания разных людей. Пожалуйста, прочитайте каждое описание и подумайте, насколько этот человек похож или не похож на Вас». Степень согласия–несогласия оценивается по шестибальной шкале: 1 — совсем не похож на меня, 2 — не похож на меня, 3 — мало похож на меня, 4 — умеренно похож на меня, 5 — похож на меня, 6 — очень похож на меня. При этом каждая ценность содержит 3 утверждения, которые нужно оценить. Например, ценность «Самостоятельность в поступках» включает оценку следующих утверждений: «Для него важно расширять свой кругозор», «Для него важно иметь свою точку зрения», «Для него важно понимать вещи по-своему». Стимуляция включает в себя такие утверждения: «Для него важно всегда искать разнообразия в деятельности», «Для него важен азарт в жизни, даже если он сопряжен с риском», «Для него важно получать разный

опыт». Далее, в ценность «Достижение» входит оценка следующих описаний: «Для него важно иметь амбициозные цели в жизни», «Для него важно быть очень успешным», «Для него важно, чтобы люди признавали его достижения», а «Конформизм: правила» состоит из таких утверждений: «Для него важно никогда не нарушать правила или предписания», «Для него важно соблюдать правила, даже когда никто не видит», «Для него важно соблюдать все законы».

Полученные данные обрабатывались при помощи программного пакета SPSS 21.0. Для установления межпоколенных различий использовались методы математико-статистической обработки: метод сравнения средних значений с использованием t-критерия Стьюдента. Для вычисления и анализа показателей центра распределения индивидуальных ценностей применялись методы описательной статистики: медиана, среднее арифметическое, стандартное отклонение.

Результаты и их обсуждение

Межпоколенные различия ценностей индивидуального уровня и отношения к инновациям

Обратимся к результатам, отражающим индивидуальные ценности респондентов. Первичный анализ ответов респондентов позволил выявить минимальное, максимальное и среднее значения, а также стандартное отклонение по каждой переменной (см. табл. 2).

Для выбора критерия значимости различий был проведен анализ нормальности распределения. Для проверки значимости различий переменных был выбран t-критерий Стьюдента. Результаты сравнения средних показателей по ценностям индивидуального уровня для двух выборок (взрослого и молодого поколения россиян) представлены ниже.

Можно отметить, что для индивидуального уровня характерны различия по блокам ценностей «Самостоятельность: поступки», «Самостоятельность: мысли», «Стимуляция», «Гедонизм», «Достижение», «Власть: доминирование», «Репутация», «Безопасность: личная», «Традиция», «Скромность», «Благожелательность: чувство долга», «Благожелательность: забота», «Универсализм: толерантность». При этом значимость ценностей «Самостоятельность: мысли», «Гедонизм», «Достижение», «Власть: доминирование», «Безопасность: личная», «Благожелательность: чувство долга», «Универсализм: толерантность», «Стимуляция» оказалась выше у молодых респондентов.

Таблица 2. Межпоколенные различия ценностей индивидуального уровня (по t-критерию Стьюдента)

Шкала	Взрослые			Молодежь		
	Мин.– Макс.	Сред. знач.	Станд. откл.	Мин.– Макс.	Сред. знач.	Станд. откл.
Самостоятельность: поступки	3,4–6	5**	0,63	3,3–6	4,8**	0,59
Самостоятельность: мысли	2,7–5,7	4,3***	0,69	3–5,7	4,8***	0,64
Стимуляция	2,3–5,7	3,9***	0,79	3–6	4,5***	0,61
Гедонизм	3–5,7	4,4***	0,63	3–6	4,8***	0,50
Достижение	2,7–6	4,4***	0,75	3–6	4,9***	0,60
Власть: ресурсы	2–6	4	0,89	2,7–6	4,7	0,89
Власть: доминирование	2,3–5,3	3,9***	0,84	2,7–6	4,6***	0,88
Репутация	3–6	4,9**	0,59	3–6	4,7**	0,66
Безопасность: общественная	3,7–6	5	0,59	2,7–6	4,5	0,81
Безопасность: личная	3–6	5***	0,69	3,3–6	5,2***	0,61
Конформизм: правила	2,3–5,3	4***	0,84	2,3–5,7	4,2***	0,65
Конформизм: межличностный	3–6	4,8	0,75	1–6	4,2	0,84
Традиция	1,7–5,3	4,2*	0,78	1,3–6	3,9***	0,78
Скромность	3–6	5**	0,60	3,7–6	4,8**	0,48
Благожелательность: чувство долга	2,7–5,7	4,8**	0,56	2,7–6	4,9**	0,70
Благожелательность: забота	3,3–6	5,4**	0,53	2,7–6	5,3**	0,56
Универсализм: забота о других	2–5,3	4	0,64	1–5,7	3,5	0,08
Универсализм: забота о природе	2,7–5,7	4,4	0,71	2,3–6	4,2	0,92
Универсализм: толерантность	2,7–5,3	3,9**	0,64	2–5,7	4,1**	0,76

Примечание: *** — различия достоверны на уровне $p < 0,001$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$; * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$.

Главная цель ценности «Самостоятельность» заключается в самостоятельности выбора способов действия в творчестве, исследовательской активности. Шварц в 2009 г. ввел некоторые изменения в свою систему измерения и разделил ценность «Самостоятельность» на два вида: «Самостоятельность: мысли», «Самостоятельность: поступки». Причем, исходя из полученных нами данных, показатели по ценности «Самостоятельность: поступки» выше у взрослых, а по блоку «Самостоятельность: мысли» — у представителей российской молодежи. Несмотря на то что на сегодняшний день имеется большое количество исследований, свидетельствующих о самостоятельности, независимости, активности, уверенности российской молодежи, большинство из них еще зависят от родителей и не всегда могут действовать самостоятельно, учитывая

только собственные интересы и мотивы. По этой причине ценность «Самостоятельность: поступки» выше у взрослых, а «Самостоятельность: мысли» — у представителей молодого поколения. Также были получены различия в ценностях «Гедонизм», «Власть: доминирование» и «Достижение», при этом значимость ценностей выше у молодежи. Главная цель группы ценностей «Гедонизм» — наслаждение или чувственное удовольствие, а «Достижения» — личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. В итоге, с одной стороны, представители российской молодежи стремятся к приятному времяпрепровождению; для них важно наслаждаться удовольствиями, которые дает жизнь; использовать любую возможность повеселиться, а с другой, имеют амбициозные цели в жизни и стремятся преуспеть.

Далее, показатели по блокам ценностей «Безопасность: личная» и «Конформизм: правила» выше у молодых респондентов, соответственно для них более важно чувствовать себя защищенными, быть в безопасности, они стремятся беречь свое здоровье, вести активный образ жизни. Конформизм является производной ценностью от требования сдерживать склонности, имеющие негативные социальные последствия. Данная ценность предполагает самодисциплину, уважение родителей и старших, вежливость, соблюдение правил и норм, доминирующих в обществе. Значимость ценностей «Благожелательность: чувство долга» и «Универсализм: толерантность» также выше у представителей молодежи, что свидетельствует о том, что для них важно, чтобы знакомые и родные люди были полностью в них уверены и могли полностью положиться на их и рассчитывать на их помощь. Относительно толерантности на сегодняшний день в представлении молодых россиян доминирует совершенно иное отношение к людям, отличающимся от них по каким-либо признакам, например, принадлежащих к различным меньшинствам; молодежь более терпима и толерантна к самым разным людям и группам. У многих представителей взрослого поколения сохранился еще советский тип мышления, когда непохожесть на других воспринималась негативно, не говоря уже о людях, принадлежащих к различным субкультурам, меньшинствам и т.д. У молодежи также больше выражена ценность «Стимуляция» — стремление к новизне и глубоким переживаниям.

У взрослых респондентов доминируют ценности «Репутация», «Традиция», «Скромность» и «Благожелательность: забота». Для представителей взрослого поколения более важно сохранять лицо в глазах других людей, никогда не быть униженными и опозоренными. Нельзя с точностью заявить, что эта ценностная ориентация не важна для молодой группы респондентов, но, как мы выяснили, представители молодежи более самостоятельны в выборе действий, в исследовательской активности, более независимы, уверены в себе. Возможно, данные личностные характеристики исключают явно выраженную социальную рефлексивность. Другими словами, они намного меньше задумываются, как выглядят со стороны, как их оценивают окружающие. Главная цель группы ценностей «Традиция» — принятие и уважение обычаев и идей, существующих в культуре, и следование им. Традиции принимают формы верований, норм поведения и религиозных обрядов. Важными составляющими являются уважение традиций, благочестие и принятие своей участи. Для взрослых респондентов более важно поддерживать традиционные ценности и взгляды на мир, следовать семейным или религиозным обычаям и чтить

традиции культуры. Они скромны в поведении и высказываниях, стараются не хвастаться, не вести себя высокомерно, не стремятся к публичному вниманию или одобрению. Целью ценностей «Благожелательность» является сохранение благополучия людей, с которыми человек находится в каких-либо отношениях. Такой тип ценностей является производным от потребности в позитивном взаимодействии, основными составляющими данной группы ценностей являются честность, полезность, дружба, лояльность, ответственность и т.д. Шварц позже подразделил данный блок на 2 вида: «Благожелательность: забота» и «Благожелательность: чувство долга». Первый вид доминирует у взрослых респондентов, что свидетельствует о том, что для них важно заботиться о близких людям, помогать им и уделять внимание нуждам родных ему людей. Напомним, что средний возраст респондентов 51 год, а данный возраст предполагает наличие большого количества членов семьи, которые нуждаются в заботе, понимании, помощи и т.д. со стороны старшего поколения.

Заключение

Таким образом, в ходе анализа была подтверждена гипотеза о наличии различий в индивидуальных ценностях у представителей разных поколений россиян. У молодежи более выражены ценности «Самостоятельность мысли», «Стимуляция», «Универсализм» (показатель «Универсализм: толерантность»). У взрослых преобладают ценности, выражающие интересы группы: «Традиция», «Благожелательность: забота» и ценностная ориентация «Скромность». Также мы частично подтвердили гипотезу об универсальности ценности «Безопасность». Как было описано ранее, наблюдаются значимые различия по шкале «Безопасность: личная». Но по показателю «Безопасность: общественная» различий нет. Для обоих поколений важно чувствовать себя в безопасности и знать, что страна сможет защитить своего гражданина от любых угроз.

Список литературы

1. *Социология молодежи*: Энциклопедический словарь / отв. ред. Ю.А. Зубок и В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. 608 с.
2. Dansereau F. A multiple level of analysis perspective on the debate about individualism // *American Psychologist*. 1989. № 44. P. 959–960. DOI: 10.1037//0003-066x.44.6.959.
3. Hitlin S., Piliavin J.A. Values: Reviving a dormant concept // *Annual Review of Sociology*. 2004. № 30. P. 359–393. DOI: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110640.

4. Rohan M.J. A rose by any name? The values construct // *Personality and Social Psychology Review*. 2000. № 4. P. 255–277. DOI: 10.1207/s15327957pspr0403_4.
5. Higgins E.T. Value from hedonic experience and engagement // *Psychological Review*. 2006. № 113. P. 439–460. DOI: 10.1037/0033-295x.113.3.439.
6. Rokeach M. The nature of human values. N.Y.: Free Press. 1973. 520 p.
7. Лебедева Н.М. Базовые ценности русской культуры на рубеже XXI века // *Психологический журнал*. 2000. Т. 21, № 3. С. 73–87.
8. Лебедева Н.М. Ценностно-мотивационная структура личности в русской культуре // *Психологический журнал*. 2001. Т. 22, № 3. С. 26–36.
9. Schwartz S.H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // *Journal of Cross Cultural Psychology*. 2001. № 32. P. 268–290. DOI: 10.1177/0022022101032003002.
10. Schwartz S.H. Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications] // *Revue Française de Sociologie*. 2006. № 47. P. 249–288. DOI: 10.3917/rfs.474.0929.
11. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. N.Y.: Academic Press, 1992. № 25. P. 1–65. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60281-6.
12. Bardi A., Lee J.A., Towfigh N., Soutar G. The structure of intra-individual value change // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97. P. 913–929. DOI: 10.1037/a0016617.
13. Knoppen D., Saris W. Schwartz theory of human values: Balancing homogeneity of reflective items and theoretical coverage. Barcelona: University Pompeu Fabra, 2009. RECSM Working Paper 9. 40 p. URL: https://www.upf.edu/documents/3966940/3986764/RECSM_wp009.pdf (accessed: 13.02.2016).
14. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2012. № 2. С. 24–43.
15. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // *Общественные науки и современность*. 2010. № 3. С. 87–97.
16. Сенин И.Г. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ). Ярославль, 1991. 103 с.
17. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности. СПб.: Питер, 2004. 308 с.
18. Постникова М.И. Психология отношений между поколениями: теоретико-методологический аспект. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та. 2010. 180 с.
19. Королева Н.Е. Приоритеты ценностных ориентаций современного россиянина // *Костромской гуманитарный вестник*. 2011. № 1. С. 36–39.
20. Elashmawi F., Harris P.R. Multicultural management. New skills for global success. Houston, TX: Gulf Publishing Company, 1993. 208 p.
21. Голдырева В.А. Взаимосвязь ценностей и представлений о деловой этике у разных поколений россиян // *Психологическая наука и образование*. 2013. № 1. С. 94–103.

Получено 04.03.2016

References

1. *Sotsiologiya molodezhi. Entsiklopedicheskiy slovar' / otv. red. Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov* [Sociology of Youth. Encyclopedic Dictionary / ed. by Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov]. Moscow, Academia Publ., 2008, 608 p. (In Russian).
2. Dansereau F. A multiple level of analysis perspective on the debate about individualism. *American Psychologist*. 1989, no. 44, pp. 959–960. DOI: 10.1037//0003-066x.44.6.959. (In English).
3. Hitlin S., Piliavin J.A. Values: Reviving a dormant concept. *Annual Review of Sociology*. 2004, no. 30, pp. 359–393. DOI: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110640. (In English).
4. Rohan M.J. A rose by any name? The values construct. *Personality and Social Psychology Review*. 2000, no. 4, pp. 255–277. DOI: 10.1207/s15327957pspr0403_4. (In English).
5. Higgins E.T. Value from hedonic experience and engagement. *Psychological Review*. 2006, no. 113, pp. 439–460. DOI: 10.1037/0033-295x.113.3.439. (In English).
6. Rokeach M. The nature of human values. N.Y.: Free Press, 1973, 520 p. (In English).
7. Lebedeva N.M. [Basic values of Russian culture at the turn of the XXI century]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2000, vol. 21, no. 3, pp. 73–87. (In Russian).
8. Lebedeva N.M. [Value-motivational structure of personality in Russian culture]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2001, vol. 22, no. 3, pp. 26–36. (In Russian).
9. Schwartz S.H., Bardi A. Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective. *Journal of Cross Cultural Psychology*. 2001, no. 2, pp. 268–290. DOI: 10.1177/0022022101032003002. (In English).
10. Schwartz S.H. *Les valeurs de base de la personne: Théorie, mesures et applications* [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. *Revue Française de Sociologie* [French Journal of Sociology]. 2006, no. 47, pp. 249–288. DOI: 10.3917/rfs.474.0929. (In French).
11. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in experimental social psychology*. 1992, no. 25, pp. 1–65. DOI: 10.1016/s0065-2601(08)60281-6. (In English).

12. Bardi A., Lee J.A., Towfigh N., Soutar G. The structure of intra-individual value change. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009, vol. 97, pp. 913–929. DOI: 10.1037/a0016617. (In English).
13. Knoppen D., Saris W. Schwartz theory of human values: Balancing homogeneity of reflective items and theoretical coverage, RECSM Working Paper, 2009. №9, 40 p. Available at: https://www.upf.edu/documents/3966940/3986764/RECSM_wp009.pdf (accessed 13.02.2016). (In English).
14. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S. [A Refined Theory of Basic Personal Values: Validation in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2012, no. 2, pp. 24–43. (In Russian).
15. Magun V.S., Rudnev M.G. [Basic values of two generations of Russians and the dynamics of their social determination]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2010, no. 3, pp. 87–97. (In Russian).
16. Senin I.G. *Oprosnik terminal'nykh tsennostey* [Questionnaire of terminal values]. Yaroslavl, 1991, 103 p. (In Russian).
17. Karandashev V.N. *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostey lichnosti* [Schwartz Theory of Basic Human Values]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2004, 308 p. (In Russian).
18. Postnikova M.I. *Psikhologiya omosheniy mezhdru pokoleniyami: teoretiko-metodologicheskii aspekt* [Psychology of relations between generations: theoretical and methodological aspect]. Arkhangelsk, Pomorskii universitet Publ., 2010, 180 p. (In Russian).
19. Koroleva N.E. [Priorities of social-cultural values orientation of modern Russian people]. *Kostromskoy gumanitarnyy vestnik* [Kostroma humanitarian bulletin]. 2011, no. 1, pp. 36–39. (In Russian).
20. Elashmawi F., Harris P.R. *Multicultural management. New skills for global success*. Houston, TX: Gulf Publishing Company, 1993, 208 p. (In English).
21. Goldyreva V.A. [The relationship of values and concepts of business ethics in different generations of Russians]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2013, no. 1, pp. 94–103. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 04.03.2016

Об авторе

Федотова Вера Александровна

старший преподаватель департамента менеджмента

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Пермский филиал), 614070, Россия, Пермь, ул. Студенческая, 38; e-mail: vera_goldyreva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2189-9791

About the author

Fedotova Vera Alexandrovna

Senior Lecturer of the Department of Management

National Research University Higher School of Economics (Perm Branch), 38, Studencheskaya str., Perm, 614070, Russia; e-mail: vera_goldyreva@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2189-9791

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Федотова В.А. Ценности россиян в контексте возрастных различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 78–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86

Please cite this article in English as:

Fedotova V.A. Values of Russians in the context of intergenerational relations // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 78–86. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-78-86

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.26:316.323.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-87-96

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ФЕНОМЕНОВ ОТЧУЖДЕНИЯ, РАЗДЕЛЕНИЯ
ТРУДА И КЛАССОВОГО НЕРАВЕНСТВА В УЧЕНИИ К. МАРКСА***Алампиев Олег Анатольевич**Белорусский государственный экономический университет*

Объектом исследования являются работы К. Маркса, предметом — взаимосвязь феноменов отчуждения, разделения труда и классового неравенства в учении К. Маркса.

Цель исследования — раскрыть взаимосвязь феноменов отчуждения, разделения труда и социального неравенства в учении К. Маркса применительно к современной реальности.

На основе анализа первоисточников дается интерпретация марксистского взгляда на сущность феномена отчуждения как процесса, связанного обратной связью с феноменами разделения труда и классового неравенства в капиталистическом обществе. Проанализирован взгляд К. Маркса на механизм воспроизводства характерных особенностей мышления человека капиталистического общества во взаимосвязи с развитием социально-экономической сферы; раскрыты механизмы воспроизводства отличительных черт социального устройства капиталистического общества в контексте анализа феномена отчуждения; показаны социальные и культурные последствия отчуждения в современном социуме.

На основе анализа дана интерпретация места и роли антропологического аспекта учения К. Маркса в контексте марксистского взгляда на социальную реальность и марксистского наследия в целом и показан эвристический потенциал марксистского учения в понимании социальной действительности.

Результаты свидетельствуют о возможности применения теоретических построений К. Маркса в анализе тенденций развития социальных процессов в современном обществе и могут найти применение в поиске источников социальных противоречий и разработке методов их разрешения.

Ключевые слова: отчуждение, классовое неравенство, социальное неравенство, разделение труда, К. Маркс, марксизм.

**INTERRELATION BETWEEN PHENOMENA OF ALIENATION,
DIVISION OF LABOR AND CLASS INEQUALITY IN K. MARX THEORY***Oleg A. Alampiev**Belarus State Economic University*

The object of the research is Karl Marx's works, the subject is interrelation between phenomena of alienation, division of labor and social inequality in K. Marx theory.

The aim of the article is to reveal phenomena of alienation, division of labor and social inequality in K. Marx theory for the understanding of contemporary social reality.

Author gives the interpretation of Marxist view on alienation phenomenon as a process related to the division of labor and social inequality phenomena in the Capitalist society, which based on the analysis of original sources. K. Marx's view on reproduction mechanism of specific features of human thinking in Capitalism society in its connection with development of social and economic sphere has been analyzed. The article shows reproduction mechanisms of distinctive features of capitalist society social structure in the context of analyzing alienation phenomenon. There are also shown social and cultural consequences of alienation in the modern society.

In the context of Marxist view on social reality and Marxist heritage in general there explained the role and significance of anthropological aspect of the Marx's theory. Moreover, Marxist theory heuristic potential for understanding social reality is shown.

Obtained results indicate the possibility of K. Marx's theoretical constructs using in the analysis of social processes development trends in the modern society. Results also may be useful for the search of reasons of social contradictions and the development of methods to resolve them.

Keywords: alienation, class inequality, social inequality, the division of labor, K. Marx, Marxism.

Введение

Учение о классовом неравенстве и разделении труда является одним из наиболее важных и знаковых и одновременно хорошо изученных в наследии К. Маркса. Однако зачастую эти фундаментальные элементы марксистского учения, такие как учение об общественно-экономических формациях, классовой борьбе, о принципах функционирования капиталистической экономики, рассматриваются по отдельности, без учета антропологической стороны учения К. Маркса. При изложении сути учения К. Маркса проблема человека во многих случаях вообще опускается или подается как нечто вторичное, вследствие чего марксистское учение утрачивает один из своих наиболее важных элементов. Вследствие этого цель, которую ставил Маркс, оказывается недостигнутой, поскольку смысл учения Маркса сводится к достижению социального равенства посредством устранения частной собственности и нередко понимается как равенство в распределении материальных благ. Тем самым учение Маркса ставится с ног на голову и то, что мыслилось Марксом средством, становится целью, а марксизм интерпретируется в рамках той системы мышления и ценностей, которые, по Марксу, и сформированы капиталистическим обществом и от которых следовало бы избавиться.

Проблема человека наиболее полно представлена в ранних работах Маркса, прежде всего в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», где, анализируя феномен отчуждения, Маркс рассматривает те характерные черты, которые сформировались в отношении к действительности человека капиталистического общества в связи с разделением труда в нем и классовым неравенством. Проблема человека в работах Маркса не является независимой частью или отдельной стороной его учения; напротив, это важнейшая и органичная часть системы его взглядов, ввиду чего рассматривать проблемы отчуждения в отрыве от других сторон его учения, в первую очередь от учения о разделении труда и классовом неравенстве, было бы неправильным и повторяло бы (только в противоположном направлении) упущения, часто встречающиеся в литературе, когда те или иные стороны марксистского учения рассматриваются независимо, что ведет к утрате целостного восприятия учения. С учетом сказанного цель данной работы состоит в том, чтобы раскрыть взаимосвязь феноменов отчуждения, разделения труда и социального неравенства в учении К. Маркса применительно к пониманию современной социальной реальности.

Проблема человека в контексте анализа взаимосвязи феноменов отчуждения, разделения труда и классового неравенства в учении К. Маркса

Разделение социума на два противостоящих класса является характерной чертой марксистского взгляда на социальную реальность. Капиталистическое общество, по Марксу, характеризуется социальной несправедливостью, эксплуатацией человека человеком, нарастающей поляризацией доходов. Производя прибавочный продукт, рабочий производит и воспроизводит капитал, который начинает противостоять ему как внешняя неодолимая объективная сила: «...у рабочего отнимается все больше и больше продуктов его труда, <...> его собственный труд все в большей степени противостоит ему как чужая собственность, а средства его существования и его деятельности все в большей и большей степени концентрируются в руках капиталиста» [1, с. 50]. По сути, капитал, по Марксу, следует рассматривать как накопленный труд рабочих [1, с. 49]. Важным здесь является также то, что человек зачастую не может выбрать себе род трудовой деятельности. Разделение труда продуцирует множество занятий, но в классовом обществе человек не имеет широких возможностей выбора способа приложения трудовых усилий. Г. Лукач в этой связи отмечал: «Человек ни объективно, ни в своем поведении в трудовом процессе не является его подлинным носителем; как механизированная часть он вводится в механическую систему, которую он преднаходит готовой и функционирующей независимо от него, — систему, законам которой он должен беспрекословно подчиняться» [2, с. 185]. Классовая система фактически определяет место человека в системе производства, привязывает человека к определенному роду работ, ограничивает выбор возможных сфер деятельности весьма скудным набором вариантов, а часто и вовсе не оставляет вариантов, фактически определяет место и перспективы человека. Современные авторитетные социологи, в частности, такие как П. Бурдьё и Э. Гидденс, указывают на аналогичное положение в современном социуме: интериоризованность социального порядка как легитимного в зависимости от стартовых позиций (рождения и социализации в том или ином социальном окружении) очень значительно влияет на жизненные перспективы, что ведет к воспроизводству социального порядка и соответственно неравенства [3, с. 74; 4, с. 97–118; 5, с. 393–421].

Следствием существующего при капитализме неравенства, возникающего как результат разделения труда, является не столько социальная несправедливость, хотя и это важно, но в первую очередь отчуждение — ситуация утраты человеком собственной сущности, когда человек в условиях капиталистической системы фактически перестает в полном смысле быть самим собой, утрачивая многие черты, которые изначально должны быть присущи человеку. Э. Фромм охарактеризовал этот феномен так: «Отчуждение, по Марксу, означает, что человек в своем освоении мира не узнает самого себя как первоисточник, как творца, а мир (то есть природа, вещи, другие люди и сам он) кажется ему чужим, посторонним по отношению к нему» [6, с. 586].

Человек отчуждается от продукта труда: «Рабочий относится к *продукту своего труда* (здесь и далее в цитатах курсив авторов цитат. — О.А.) как к *чужому* предмету. Ибо при такой предпосылке ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит» [1, с. 88]. Продукт труда становится чем-то внешним, не принадлежащим человеку, но противостоящим ему, обретает характеристики внешней объективной силы, подавляющей человека, отнимающей у человека часть его сущности и могущества. Человек становится в отношении к продукту чем-то незначительным, все менее заметным, он перестает видеть в продукте результат своего труда, предмет, созданный человеком. Подобный продукт не является результатом труда человека как человека, а есть результат труда человека как инструмента по созданию конкретного продукта. Человек не является сам собою, производя подобный продукт, т.е. в производственном процессе человек не является личностью, вместо этого он служит орудием, при этом он не прилагает во всей широте свои способности, но, тем не менее, тратит свое время и свои силы. Капиталистическая организация производства не позволяет человеку занять себя чем-то иным и приводит его тем самым к утрате своего потенциала, который мог бы быть реализован иначе: «Врагами прогресса, вне массы, являются как раз получившие самостоятельное существование, наделенные собственной жизнью продукты самоунижения, самоотвержения и самоотчуждения массы» [7, с. 90]. Указанное Марксом противоречие нельзя считать преодоленным и в современном обществе. На первый взгляд в современном социуме эта проблема уже не стоит так остро, однако именно в этом и кроется ее неразрешенность. Переосмысливая применительно к современным реалиям наследие Маркса, многие современные

ученые, в частности Г. Маркузе и Ж. Бодрийяр, отмечают, что современная массовая культура, функционирующая на принципах капиталистического производства, весьма успешно справляется с внушением человеку ценностей, соответствующих интересам капиталистического производства [8, 9]. Вследствие этого человек не ощущает и зачастую уже не способен ощутить и осознать отчуждение, будучи органично включен в воспроизводство этой системы, что делает проблему еще более сложной.

Отчужденный труд, согласно Марксу, преобразуется в капитал и начинает выступать как сила, противостоящая рабочему, укрепляя власть человека над человеком, капиталиста над трудящимся. Г. Лукач в этой связи отмечал: «...человеку противостоят, как нечто объективное, от него не зависящее, подчиняющее его своей антигуманной закономерности, — его собственная деятельность, его собственный труд» [2, с. 182]. Рабочий становится «рабом» предмета своего труда. Человек в постоянной конкуренции за обладание изначально материальными средствами существования, а позднее — и благами в своем стремлении к удовлетворению материальных интересов оказывается в подчинении у произведенной продукции, совокупного предмета труда.

Между тем, как указывает Маркс, поскольку продукт труда понимается как самоотчуждение, то и его производство есть «отчуждением деятельности, деятельностью отчуждения» [1, с. 90]. «...Труд является для рабочего чем-то *внешним*, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не разворачивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свой дух. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя» [1, с. 90]. Труд не имеет характера добровольности, человек оказывается вынужден трудиться для удовлетворения самых простых потребностей. Труд является лишь средством, человек его в большинстве случаев ненавидит: «...от труда бегут как от чумы» [1, с. 91]. Труд однообразен, человек не определяет сам, что он делает, труд по сути своей есть вынужденная деятельность. Помимо того, труд структурирует время и в очень значительной мере пространство человека, задает ему режим, тем самым фактически лишая человека свободы. Труд и принуждение, насилие и подчинение становятся тесно связанными в единстве ассоциаций. Человек, если следовать Марксу, оказывается отделен от своей сущности, которая заключается в преобразующей действительности деятельности, в творчестве и самореализации, в «самодеятельности». Труд творческого, созидательного

для человека в подобной ситуации не существует. Труд не принадлежит рабочему, но принадлежит Другому и сам человек в процессе труда, указывает Маркс, принадлежит Другому, утрачивая самого себя. «В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае расположась у себя в жилище, украшая себя и т.д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным» [1, с. 91]. Утрачивая связь с трудом как со своей сущностью, избегая труда, в ситуации, когда сущность труда для человека коренным образом оказывается искаженной, когда человек мечтает о том, чтобы ничего не делать, он утрачивает то, что делает его человеком — созидательный труд. Раскрывая суть отчуждения от родовой сущности Маркс указывает: «...сам труд, сама *жизнедеятельность*, сама *производственная жизнь* оказываются для человека лишь *средством* для удовлетворения одной его потребности, потребности в сохранении физического существования» [1, с. 93]. Духовная сфера, как связанная с преобразованием реальности и самосовершенствованием, оказывается забытой, заслоненной иной повседневностью. В такой ситуации человек, по сути, отказывается от реализации своего потенциала и стремится лишь существовать физически, удовлетворять физические потребности, которые в современном социуме расширились до материальных. Однообразный труд ведет к сужению интересов человека, не позволяет, отнимая время и силы, занимать его внимание чем-то иным; человек в таком положении не может совершенствоваться и остается на весьма низком уровне развития. Следствием ненависти к труду, понимания труда как средства обеспечения физического существования и становится формирование узкоматериальных интересов. В этом отношении ситуация в современном обществе существенно не изменилась. В современном социуме интересы человека в большинстве случаев так или иначе связаны с преувеличением роли материального достатка; при этом труд, за небольшими исключениями, также не является деятельностью, доставляющей удовольствие [10, с. 56–51; 11, с. 260–275]. Несмотря на то что в современном социуме достижение успешности все чаще предполагает высокие профессиональные компетенции и глубокие знания и, соответственно, требует от человека уже иной степени развития, все это не является в рассматриваемом измерении существенным отличием, поскольку подобное развитие, как правило, носит узкопрофессиональный односторонний характер, что функционально не меняет положения

человека: по-прежнему служит инструментом, пусть и куда более совершенным.

В современном мире человек стремится выделиться не личными качествами, а предметами, которыми себя окружает (автомобилем, жилищем, одеждой), демонстрируя тем самым успешность в труде, что свидетельствует о больших, чем у других, возможностях пребывать вне трудовых занятий, жить в праздности, как отмечал Ж. Бодрийяр, становиться престижным [8, с. 11–13, 76–78]. Ситуация неравенства принципиально оказывается возможной уже лишь вследствие описанных феноменов, которые и становятся инструментом его воспроизводства. Система социальных символов и смыслов, имеющая в основе материальные ценности, стала настолько органичным элементом жизни человека, что ситуация отчуждения от труда становится чем-то незаметным или малозначимым, воспринимается как естественное положение вещей, что еще усиливает вовлеченность современного человека в систему социального неравенства, сама же система неравенства фактически является инструментом воспроизводства капитализма, который воспроизводит эту же ценностную систему, что и является инструментом, обеспечивающим его эффективность. Получается замкнутый круг, функционирование в котором обеспечивается системой ценностей и мировоззрением, сформированными и поддерживаемыми современной массовой культурой, стремящейся исключить альтернативный взгляд на реальность. В связи с этим, однако, стоит отметить, что в современном обществе появляется все больше областей, где отчуждение от труда можно считать не таким сильным или даже в значительной мере преодоленным, к примеру, сюда можно отнести научную деятельность или фриланс. Однако смягчение действия отчуждения от труда во многих случаях, как, к примеру, в науке, вовсе не означает преодоления иных форм отчуждения.

Маркс отмечает, что общественная связь, формируемая посредством товарно-денежных отношений, является продуктом «нужды и эгоизма» индивидов. «От человека не зависит быть или не быть этой общественной связи; но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по человечески, эта *общественная связь* выступает в форме *отчуждения*» [12, с. 24]. В подобной общественной связи человек может быть, по Марксу, лишь отчужденным существом, не собственно человеком, поскольку человеческие качества в подобных социальных контактах оказываются не востребованы, нивелированы, человек в подобных случаях воспринимает другого человека как контрагента, целью же данного контакта выступает стремление к выгоде, к получению дохода, тем самым интерес в данном случае часто проти-

воположен интересу другого человека. Характеризуя социум, сформированный данными отношениями, Маркс пишет: «...общество этого отчужденного человека есть карикатура на его *действительную общественную связь*, на его родовую жизнь» [12, с. 24]. Таким образом, Маркс отмечает дегуманизирующий характер капиталистического способа мышления и характера социальных взаимодействий капиталистического общества. С ростом значимости инструментальной и экономической эффективности люди оказываются все более изолированными друг от друга, социальная связь обретает все более безличный надындивидуальный характер [13, с. 100]. Природа же этих самых социальных связей оказывается скрыта овеществлением производственных отношений, что в позднейших работах Маркса получило название товарного фетишизма [14, с. 77–90]. Развитие и углубление этих тенденций определило характерные черты современного социума, что заставило социальных мыслителей, в частности М. Хоркхаймера, говорить о кризисных явлениях в развитии современного общества вследствие возрастания в нем роли так называемого «инструментального разума», разума формализованного, ставшего инструментом достижения результата, определенного прагматическими целями и критериями. «Респектабельным становится только производительный труд, будь то ручной или интеллектуальный, и он же, разумеется, утверждается как единственный достойный способ расходования жизни. Теперь любое занятие, преследующее какую-либо цель, называется продуктивным только в том случае, если в итоге оно сулит прибыль» [15, с. 50]. Разделение труда является основополагающим компонентом социальных отношений, причем зачастую уже не только трудовых. Инструментальная рациональная логика изначально была чертой капиталистической экономики, разделение труда вело к повышению эффективности капиталистической экономики, по сути устраняя неинструментальный личностный компонент человеческого существования из процесса производства. В современном социуме инструментальное мышление вышло за пределы производственной сферы и проникло в сферу внутритудовой коммуникации. Человек повсеместно рассматривает коммуникацию с другими людьми с позиции возможной выгоды, что делает отчуждение в современном обществе еще более всеобъемлющим. Активно развиваются социальные технологии, призванные организовывать социальные взаимодействия по принципу технологий производственных, т.е. изобретаются тиражируемые алгоритмизированные модели социального управления, предельно рационализирующие управление социальными процессами и нивелирующие нефункциональные лич-

ностные качества в человеке. Технологизация мышления и восприятия реальности наряду со стремлением к достижению большей эффективности приводит к формированию тенденции к изменению социальной структуры. Важным фактором в этом процессе становится наука как высшее проявление рационализма, что приводит к возрастанию роли связанных с научной деятельностью социальных слоев, к возрастанию роли компетенций и знаний, однако компетенций и знаний, делающих из человека высокоэффективный инструмент, тем самым не преодолевающих отчуждение, а скорее, усугубляющих его. В современных постиндустриальных обществах место человека может определяться и нематериальными ресурсами, показателем уровня жизни и статуса может служить, к примеру, уровень образования. Однако ценное в современном социуме образование, как правило, носит прагматический компетентностный характер; стремление же к обладанию более высоким уровнем образования вызвано той же логикой, что и стремление к большему материальному достатку — в основе такого мышления лежит стремление обладать ресурсами, позволяющими занять более высокое место в социальной иерархии, не говоря уже о том, что подобный образовательный ресурс в условиях информационного общества легко конвертируется в материальные ценности.

Маркс указывает, что еще одним «...непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является отчуждение человека от человека» [1, с. 94]. В ситуации конкурентного противостояния между людьми утрачивается единство человеческого сообщества. Как человек противопоставлен своему труду и результатам своего труда, как он оторван и противопоставлен своей родовой сущности, так же он противопоставлен и другим людям. Рабочий конкурирует с другими рабочими и видит в других рабочих тех, кто претендует на его заработок, кто претендует на обладание одними и теми же материальными ресурсами. Рабочий противопоставлен капиталистам, т.е. тем, чьи интересы во многом ему противоположны. Таким образом, силы человека направлены на противодействие другим людям, отвлечены на постоянное противостояние, но не на развитие, человек погружен в процесс раздела прибавочного продукта с капиталистами и другими рабочими. Маркс отмечает, что подобное положение вещей нужно рассматривать как следствие социального неравенства: «Если продукт труда не принадлежит рабочему, если он противостоит ему как чуждая сила, то это возможно лишь в результате того, что продукт принадлежит другому человеку, не рабочему. <...> Не боги и не природа, а только сам человек может быть той чуж-

дой силой, властвующей над человеком» [1, с. 95–96]. Безусловно, современный социум трудно видеть разделенным на два полярных класса, стратификация и разделение труда в современном обществе, по мнению современных исследователей (в том числе сторонников марксистского подхода), куда более сложны [16; 17, с. 145–204]; однако конкуренция, в том числе межличностная, расценивается как совершенно необходимый компонент функционирования современного общества, в представлении человека часто вообще нет альтернатив подобной организации социального взаимодействия.

Подобные формы отчуждения имеют еще одно негативное следствие. Поскольку, как указывал Маркс, продукт труда, сам труд, своя собственная родовая сущность оказываются человеку не принадлежащими, но принадлежащими кому-то другому, человек оказывается в ситуации тотальной несвободы, подчиненным другому человеку, приниженным, отдавшим часть себя, если не себя всецело, Другому. Тем самым речь идет об установлении и воспроизводстве власти человека над человеком. Современный символический и дискурсивный порядок, сформированный в условиях капиталистической экономики, формирующий пространство жизненных смыслов, подталкивающий человека к поиску средств увеличения достатка и повышения социального статуса, задает видение социального пространства как иерархически организованного на основе распределения материальных ценностей. В такой ситуации человек всегда стремится оказаться «выше». Таким образом легитимируется порядок социального неравенства, что делает нормальным положение, в котором человек оказывается подчинен другим людям.

Следует добавить, что в теории Маркса отчуждение является феноменом, охватывающим весь социум, а не только рабочих: «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования» [7, с. 39]. И именно в этом следует видеть связь феномена отчуждения с феноменом классового неравенства. Маркс фиксирует определенную всеобщую неосознаваемость реальных механизмов функционирования капиталистического общества. Отчуждение свойственно всему капиталистическому социуму — не только рабочим, но и капиталистам. Ими усвоена и воспринимается как естественная та же

система мышления, те же схемы оценки действительности, в которой наивысшими ценностями выступают материальное благосостояние, власть, высокий социальный статус. Указывая на всеобщую отчужденность, Маркс тем самым вновь подчеркивает важность сознания, мышления и ценностной системы в социальных изменениях. Отсюда следует, что легитимность для всего социума ситуации социальной иерархии и конкуренции служит важнейшим инструментом воспроизводства социального неравенства. В соответствии с этим преодоление неравенства предполагает необходимым условием изменение сознания (причем не только рабочего класса), т.е. отказ от прежних ценностей, фактически инструментализирующих человека и его мышление и определяющих с этой точки зрения современную социальную реальность.

Таким образом, рассматривая современное общество, можно говорить о всеобщем отчуждении. Как указывал Э. Фромм, «Маркс не мог предвидеть масштабов массового отчуждения, которое охватило большую часть человечества; тем более он не мог предвидеть, что настанет день, когда огромная (и все возрастающая) часть населения попадет в зависимость не от машин, а станет объектом манипулирования со стороны других людей и их символов» [6, с. 598]. Безусловно, изменения со времен Маркса произошли очень значительные, однако для большей части общества характерны схожая мотивация к труду, отчуждение от труда и от результата труда. Отчуждение от того, что Маркс называл родовой сущностью, от восприятия труда как деятельности созидательной, раскрывающей сущность человека в полной мере, свойственно и современному социуму, равно как и множество социальных противоречий, порожденных социальным неравенством. Люди погружены в мир материальных ценностей, мир соревнования и противостояния друг другу, пребывают в постоянном стремлении превзойти друг друга в материальном или властном измерении: «...власть, которую каждый индивид осуществляет над деятельностью других или над общественными богатствами, заключается в нем как владельце *меновых стоимостей, денег*» [13, с. 100]. Человек, как отмечал Э. Фромм, поглощен стремлением иметь вместо быть. Это и продуцирует социальное неравенство, но также является его следствием и служит механизмом его воспроизводства. Безусловно, все это ведет к ускорению научно-технического прогресса, но человек при этом остается все так же отчужден, зависим, несвободен; следуя марксистской логике, человек по-прежнему не является человеком в полном смысле слова. Таким образом, ситуацию современного общества, в котором все чаще на вершине социальной иерархии оказываются люди, не обла-

дающие собственностью, но обладающие некими особыми компетенциями, в котором, как в странах Северной Европы, могут отсутствовать ярко выраженные социальные противоречия, в котором большая часть населения уже не занята так или иначе в сфере промышленного производства, такую ситуацию нельзя видеть принципиально иной, поскольку основные механизмы, обеспечивающие социально-экономическое развитие, оказываются теми же: практически направленная рационализация, инструментализация и технологизация проникли еще глубже в сферу мышления человека, система мотивации не претерпела принципиальных изменений и по-прежнему основана преимущественно на материальных ценностях и стремлении к повышению социального статуса. Разумеется, перед современным человеком часто не стоит выбор между трудом и голодной смертью, однако утрата этого механизма социального контроля была компенсирована созданием и внушением массовой культурой иных ценностей, целей и страхов, принуждающих человека искать способ повышения социального статуса и улучшения материального положения.

Здесь также важно отметить, что Маркс отнюдь не стремился к реализации справедливости, понимая это как уравнивание доходов (что он, кстати, и подчеркивает, полемизируя на страницах «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» с П.-Ж. Прудоном [1, с. 98]). Он хотел преодолеть отчуждение с целью именно обеспечения возможностей для подлинного раскрытия человеческого потенциала, для возвращения человеку его родовой сущности, когда человек будет занят созидательной деятельностью, т.е. деятельностью, которая будет намного продуктивнее ввиду отсутствия недостатков отчужденного труда. При этом устранение частной собственности — это довольно противоречивое средство. Однако сама идея освобождения труда, безусловно, имеет намного более глубокий гуманистический смысл, чем принято считать, и должна была бы привести к реальному преобразению общества и жизни человека. С этой точки зрения мышление новоевропейского человека, мышление индустриального общества является источником своеобразной утраты человеком самого себя, многих своих качеств, подчинения человека им же самим созданным элементам действительности.

Отчужденные свойства, качества, опредмеченные в вещах, внешние, переданные Другому, не принадлежащие себе, оказываются силой настолько мощной, что человек в сравнении с ними оказывается чем-то совершенно ничтожным, слабым, несамостоятельным, зависимым; оказываясь не в состоянии этой силе противостоять, фактически человек становится объектом всемогущих социальных сил, в

чем также нельзя не увидеть фактической утраты человеком своей сущности. Следствием отчуждения является потеря человеком возможностей; более того, человеческая личность, как заметил Г. Лукач, вследствие отчуждения, утрачивает свое единство [2, с. 195]. Именно поэтому преодоление классового неравенства, эксплуатации мыслилось способом вернуть человека из состояния отчуждения, позволить ему вернуть все человеческое, но никак не средством достижения равенства в доступе к материальным богатствам, к равному распределению или к отсутствию угнетения. То, что видится целью в учении Маркса, на самом деле следует воспринимать как средство. При этом стоит также заметить, что даже если допустить ошибочность самих методов достижения цели (если мы представим, что попытки реализации идей Маркса на практике действительно соответствовали его замыслу, что весьма сомнительно) — устранения частной собственности, это ни в коем случае не умаляет самой цели, учитывая, что отчуждение продолжает сохраняться, разумеется, изменяясь, но изменения самого явления трудно считать качественными, хотя оно, безусловно, приобрело новые свойства.

Стоит, однако, напомнить, что Маркс негативно оценивает коммунизм как только устранение частной собственности [1, с. 114]. Подобный коммунизм был бы лишь иным выражением господства капитала, ибо в конечном итоге строился бы из предпосылок капиталистического уклада и способа мышления, поскольку фактически отражал бы стремление к уравниванию доходов, имеющему свой исток в конкуренции, как стремлении к обладанию, в отчужденном взгляде, оценивающим Другого как противостоящего себе, в отчуждении человека от человека и тем самым в порождении самой капиталистической системы.

Э. Фромм, критикуя искажение сути марксистского учения, указывал: «Самым распространенным заблуждением является идея так называемого “материализма” Маркса, согласно которой Маркс якобы считал главным мотивом человеческой деятельности стремление к материальной (финансовой) выгоде, к удобствам, к максимальной прибыли в своей жизни и жизни своего рода. Эта идея дополняется утверждением, будто Маркс не проявлял никакого интереса к индивиду и не понимал духовных потребностей человека: будто его идеалом был сытый и хорошо одетый “бездушный” человек» [6, с. 577]. Материализм как способ преодолеть отчуждение, безусловно, является частью его концепции, так же как и как отказ от спекулятивно-метафизического понимания реальности, но материализм как видение человека исключительно сквозь материальные потребности, как сущность человека в их удовлетво-

рении, разумеется, частью марксистской теории не является. Суть учения Маркса, напротив, направлена на всеобъемлющее — и духовное, и материальное развитие человека, на преодоление отчуждения, обретение сущности, освобождение, для чего устранение частной собственности было лишь средством.

Заключение

Согласно сути учения К. Маркса становление современного индустриального общества сопровождалось углублением разделения труда, формированием классовой системы социального неравенства, что имеет следствием массовую утрату человеком многих присущих ему черт вследствие так называемого отчуждения — феномена, в котором человек утрачивает осознание сущности социальных и экономических процессов, человек начинает видеть результаты труда как неподвластные себе и даже господствующие над ним, он пребывает в состоянии противостояния с другими членами социума, утрачивает изначальное понимание сути трудовой деятельности и тем самым отстраняется от своей изначальной сущности, согласно которой предназначение человека состоит в творческом преобразовании действительности и саморазвитии. Вследствие отчуждения формируется специфическая система мышления, в которой легитимируется социальный порядок неравенства, приоритетом для человека становится эффективное функционирование в сложившихся социально экономических условиях, что проявляется в доминировании материальных интересов, стремлении к достижению более высокого социального статуса, в оценке других людей через проявление инструментальной успешности в противовес личным качествам, в оценке самосовершенствования как достижения большей инструментальной эффективности с целью получения преимуществ в конкурентной борьбе, т.е., по сути, в том, чтобы сделать себя более совершенным инструментом для достижения социальной успешности и увеличения дохода.

Особенно противоречивым следствием указанных свойств мышления, сформированного характером разделения труда и неравенства в современном социуме, является утрата единства личности, что делает возможным отчуждение своих свойств и способностей, что, по всей видимости, можно оценивать как весомый фактор многих неоднозначных или прямо негативных феноменов современности и фактов современной истории, в том числе репрессий и Холокоста: отчуждая часть себя и ощущая себя лишь исполняющим элементом социального механизма или социальной технологии, человек зачастую не способен принимать ответственность и осознавать негативные последствия своих действий,

что было весьма ярко продемонстрировано знаменитыми экспериментами С. Милгрэма [18, с. 34].

Марксистский взгляд на развитие общества, на понимание общественного устройства во многом кажется глубоко изученным, широко представленным в научной и учебной литературе. Суть учения Маркса кажется простой и понятной. Однако существующие интерпретации Маркса, сводящие суть его учения в онтологическом смысле к материализму, в социальном — к конфликтологическому истолкованию исторического процесса и дихотомическому взгляду на социальную структуру, в антропологическом смысле — низводящих человека до пассивного элемента социальной системы, имеющего целью удовлетворение в первую очередь материальных потребностей, существенно обедняют суть учения Маркса. В то же время противоречивый опыт попыток реализации марксистских идей (нередко весьма односторонне истолкованных) на практике и вовсе способствовали дискредитации марксистского учения. Все это ведет к крайне поверхностному знакомству с идеями Маркса и к весьма упрощенному и часто прямо искаженному пониманию марксизма. Недооценкой и неверным истолкованием учения Маркса наносится ущерб социальному знанию, утрачивается богатый эвристический потенциал марксистских идей и его взгляда на социум в целом. В сущности, главной целью К. Маркса не было построение общества социального равенства; то, что часто видится как цель, к которой стремился Маркс, на самом деле было лишь средством. Устранение социальной несправедливости должно было стать инструментом возвращения человека к его «родовой сущности», а по сути, средством возвращения человека к самому себе, преодоления отчуждения, раскрытия человеческого потенциала. Как указывает Маркс, человек, в отличие от животного, достигает своей сущности не тогда, когда он тратит силы на обеспечение сытой жизни, не тогда, когда он обеспечивает свое физическое существование, а тогда, когда создает некий продукт, не связанный, по крайней мере, непосредственно с потребностями материального характера.

Список литературы

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 41–174.
2. *Лукач Г.* История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике. М: Логос–Альтера, 2003. 416 с.
3. *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 64–86.

4. Бурдые П. Стратегии воспроизводства и способы господства. // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 97–120.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академ. проспект, 2005. 528 с.
6. Фромм Э. Концепция человека у Карла Маркса: Избранные главы // Маркс К. Экономическо-философские рукописи и другие ранние философские работы. М.: Академ. проспект, 2010. С. 576–605.
7. Маркс К. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1955. Т. 2. С. 3–230.
8. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион – Русская книга, 2004. 304 с.
9. Маркузе Г. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 331 с.
10. Лапина Т.А. Трансформация отношения к труду // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2005. № 3. С. 46–51.
11. Магун В.С. Смена диапазона (современные российские трудовые ценности и протестантская этика) // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 260–275.
12. Маркс К. Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1974. Т. 42. С. 5–40.
13. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 46, ч. 1. 585 с.
14. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. М.: Госполитиздат, 1949. Т. 1. 794 с.
15. Хоркхаймер М. Затмение разума: К критике индустриального разума. М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2011. 224 с.
16. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Скепсис. URL: http://scepsis.net/library/id_608.html (дата обращения: 04.11.2016).
17. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 526 с.
18. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.
2. Lukács G. *Istoriya i klassovoe soznanie: Issledovaniya po marksistskoy dialektike* [History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics]. Moscow, Logos-Al'tera Publ., 2003, 416 p. (In Russian).
3. Bourdieu P. [Social Space and Symbolic Power]. *Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Bourdieu P. Sociology of Social Space]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007, pp. 64–86. (In Russian).
4. Bourdieu P. [Reproduction strategies and modes of domination]. *Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Bourdieu P. Sociology of Social Space]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2007, pp. 97–120. (In Russian).
5. Giddens A. *Ustroenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akademicheskiiy prospekt Publ., 2005, 528 p. (In Russian).
6. Fromm E. [Marx's Concept of Man: selected chapters]. *Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi i drugie rannie filosofskie raboty* [Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 and other early works]. Moscow, Akademicheskiiy prospekt Publ., 2010, pp. 576–605. (In Russian).
7. Marx K. [The Holy Family]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vol.]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1955. vol. 2, pp. 3–230. (In Russian).
8. Baudrillard J. *K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [For a Critique of the Political Economy of the Sign] Moscow, Biblion – Russkaya kniga Publ., 2004, 304 p. (In Russian).
9. Marcuse H. *Odnomerniy chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obschestva* [One-dimensional man: studies in the ideology of advanced industrial society]. Moscow, AST: AST MOSKVA Publ., 2009, 331 p. (In Russian).
10. Lapina T. *Transformatsiya otnosheniya k trudu* [The transformation of attitude to work]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Herald of Omsk university. Series: Economics]. 2005, no. 3, pp. 46–51. (In Russian).
11. Magun V. [Range Change (modern Russian labor values and the Protestant ethic)]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. 2003, no. 3, pp. 260–275. (In Russian).
12. Marx K. *Konspekt knigi Dzhemsa Millya «Osnovy politicheskoy ekonomii»* [Comments on James Mill, *Éléments D'économie Politique*], *Sochineniya. T. 42.* [Works, Vol. 42]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1974, pp. 5–40. (In Russian).
13. Marx K. [Outlines of the Critique of Political Economy]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vol.]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1968, vol. 46, part 1, 585 p. (In Russian).
14. Marx K. *Kapital: kritika politicheskoy ekonomii.* [Capital: Critique of Political Economy]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1949, vol. 1, 794 p. (In Russian).

Получено 05.09.2016

References

1. Marks K. [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vol.]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–174. (In Russian).

15. Horkheimer M. *Zatmenie razuma: K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of the mind: Critique of Instrumental Reason]. Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsiya Publ., 2011, 224 p. (In Russian).
16. Wright E.O. [Varieties of Marxist Conceptions of Class Structure]. *Skepsis* [Skepsis]. Available at: http://scepsis.net/library/id_608.html (accessed 04.11.2016). (In Russian).
17. Shkaratan O.I. *Sotsiologiya neravenstva. Teoriya i realnost* [Sociology of inequality. Theory and reality], Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki Publ., 2012, 526 p. (In Russian).
18. Milgram S. *Podchinenie avtoritetu: nauchniy vzglyad na vlast' i moral'* [Obedience to Authority: An Experimental View]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2016, 282 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 05.09.2016

Об авторе

Алампиев Олег Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры экономической социологии

Белорусский государственный экономический университет,
Республика Беларусь, 220070, Минск,
пр. Партизанский, 26;
e-mail: alampijeu@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2832-443X

About the author

Alampiev Oleg Anatol'evich

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Economic Sociology

Belarus State Economic University,
26, Partizanskiy av., Minsk, 220070,
Republic of Belarus;
e-mail: alampijeu@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2832-443X

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Алампиев О.А. Взаимосвязь феноменов отчуждения, разделения труда и классового неравенства в учении К. Маркса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 87–96.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-87-96

Please cite this article in English as:

Alampiev O.A. Interrelation between phenomena of alienation, division of labor and class inequality in K. Marx theory // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 87–96.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-87-96

УДК 316.014

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-97-105

ОБНАРУЖЕНИЕ ХИАСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ В СПОНТАННОМ ТЕКСТЕ* И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА. СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Кузнецов Александр Евгеньевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Объективность анализа представляет одно из трудновыполнимых требований при работе с качественными данными. Задача достижения объективности может быть решена, если будет доказано, что материалы наблюдений имеют такую организацию, которая, с одной стороны, не зависит от концептов исследователя, а является продуктом обыденных практик, с другой — объясняет содержание материала наблюдений непосредственно, без порождения вторичных (исследовательских или «концепт-зависимых») текстов. Секвенциальная организация — один из случаев такого упорядочения. В статье предложен для обсуждения другой тип организации, не зависящий от чередования говорящих. Рассматривается хиастическая организация текста как специфический культурный феномен, который, во-первых, был обнаружен нами в транскрипте интервью с помощью анализа доменов (Дж. Спрэдли) и теоретического кодирования (Б. Глезер), во-вторых, является этнометодологическим случаем, в-третьих, демонстрирует феномен «означенного отсутствия» (Х. Сакс) вне секвенциальной организации разговора, в-четвертых, демонстрирует связь концепции иерархических и контрастных категоризаций (Л. Джайуси) с определением культуры как классификационной системы иерархически организованных оппозиций (Э. Дюркгейм, М. Маусс). Описанный случай анализа позволяет рассматривать возможность применения семантических отношений (этнографическое наблюдение, обоснованная теория в версии Глезера) в рамках анализа способов категоризаций участников. Помимо сближения разных качественных методологий предложенный подход к анализу может придать качественным исследованиям больший ригоризм. Проблема хиастической структуры активно исследуется в библейстике, рассмотрение ее в рамках этнометодологического подхода может иметь значение за пределами социологии.

Ключевые слова: конверсационный анализ, этнометодология, анализ способов категоризаций участников, хиазм, анализ доменов, теоретическое кодирование.

THE DISCOVERY OF A CHIASTIC STRUCTURE IN A NATURAL TEXT AND THE PROSPECTS OF THE ETHNOMETHODOLOGY PROGRESS. FIRST ARTICLE

Alexander E. Kuznetsov

Perm State University

Obtaining objectivity sets a formidable challenge to qualitative data analysis. Objectivity could partially be guaranteed in the case there is an evidence for the existence of a natural organisation of data that has immediately explanatory force, i.e. has it independently of generation of any secondary descriptions and other analytic or concept-dependent accounts. Sequential organisation is one case. It is here proposed to consider another type of organisation that is not dependent on turn-taking. The paper (1) discusses the chiasmic organisation of a text segment as a specific cultural object, which (2) was occasionally discovered in an interview transcript while running domain analysis (J. Spradley) and theoretical coding (B. Glaser), (3) is an ethnomethodological case, (4) demonstrating «noticeable

* Спонтанный текст — здесь любой устный текст, созданный не исследователем, а участниками, либо совместно исследователем и респондентом, первичный, т.е. не являющийся воспроизведением других устных или письменных текстов (протографов). Спонтанный текст, таким образом, не исключает полифонии и в ряде случаев является также «естественным» (natural, naturally-occurring).

absence» (H. Sacks) outside sequential organisation, and (5) connection between the conception of hierarchical and contrast categorisations (L. Jayyusi) and the definition of culture as a classification system of hierarchically ordered oppositions (E. Durkheim, M. Mauss). The case of chiasmic structure described here suggests the opportunity of the employment of semantic relations (as developed in ethnographic observation and/or grounded theory in Glaser's version) within the framework of membership categorizations analysis. Besides some consolidation of methodologies, this proposal offers opportunity of achieving more rigour in qualitative research. The problem of chiasmic structure has gained importance outside sociology, e.g. in biblical studies.

Keywords: ethnomethodology, conversation analysis, membership categorizations analysis, chiasm, domain analysis, theoretical coding.

Введение

Подходы к анализу данных в качественной традиции в социологии подвергаются критике как субъективистские (*контекст-обусловленные*) или оппортунистические (*концепт-обусловленные*). В первом случае исследуемые феномены распознаются только в пределах уникальных контекстов. (Отсюда ограничения *распространимости* выводов на наблюдения, сделанные в других контекстах.) Во втором случае исследователь наблюдает только те феномены, которые определены концептами его теории или аналитического аппарата. Отчасти такой критицизм не вполне оправдан. На деле социологические данные всегда концепт-зависимы, всегда структурированы исследователем: «любые “данные”, независимо от метода, на самом деле “производятся” исследователем» [1, р. 16]. С другой стороны, по мнению авторитетного исследователя методов статистического анализа, Джона Тьюки, любая поисковая стратегия исследования полагается на интуицию и даже озарение (*insight*) [2, р. 63; 3, р. viii; см. также 4, р. 8].

На практике дилемма субъективизма – оппортунизма ставит исследователя перед выбором между необоснованностью и тривиальностью. В первом случае допускается *множественность интерпретаций*: один корпус наблюдений может иметь несколько альтернативных объяснений. Исследователь придает ответам респондентов смысл, не задаваясь вопросом о возможности конкурирующих интерпретаций. В последнем случае даже при множественности объяснений (например, в форме «гипотез») все же имеется *правило выбора* наиболее правдоподобной теории. Зачастую, однако, в методологиях бихевиористской ориентации критерий правдоподобия понимается как степень сходства между *данными* и исследовательским *описанием* данных. В одних случаях, чтобы гарантировать это правдоподобие, теория феномена формируется как буквальное описание данных. (Иногда это отчеты респондентов, лишь обобщенные и изложенные языком научной дисциплины или теории исследователя.) В других случаях данные подбираются под «теорию». Например, гипотезы могут отсутствовать, формулироваться *post factum* или так, чтобы обеспечить со-

хранность исследовательской концепции при любом исходе проверки. Дилемма субъективизма – оппортунизма не связана с разделением методологий на «жесткие» и «мягкие», она обусловлена отношением исследователя к реалистической концепции науки.

Среди методологов социологии и социологов-качественников к проблеме субъективизма и оппортунизма концепций сложилось двойственное отношение. Позицию по этому вопросу, ставшую общим местом в учебниках, можно назвать доминирующей. Здесь отсутствие гипотез, множественность интерпретаций, расширительное понимание «данных» — могут даже оправдываться мнимыми методологическими принципами, составляющими якобы специфику качественной традиции. Например, принципы «интерсубъективности» и «двойной рефлексии» могут разрешать исследователю дополнять данные собственными идеями, как если бы они были частью условного «объекта» исследования. И напротив, «сжатием» или «редукцией данных» называется обычная операция отправки в архив тех наблюдений, которые оказались нерелевантны задачам исследования.

Критики в меньшинстве. Сильверман [5] обличает «метод анекдотализма» — практику подбора фрагментов данных для иллюстрирования концепции, сформулированной исследователем *до* или *вне* работы с данными. Отбор из массива данных только тех наблюдений, которые подтверждают концепцию, противоречит букве и духу качественной социологии, постулирующей холистическую картину объекта. Другой крайностью является представление результатов исследования как описания того, «что ответили респонденты» или «рассказал информант». В этом случае результатом анализа данных является лишь еще один, вторичный, текст. Такой текст Малки называет *пародией* и задается вопросом: находится ли *исследовательский текст* («пародия») в сколько-нибудь привилегированном положении относительно *первичного* текста, принадлежащего участнику/информанту/респонденту? [6, р. 7, 237 и след.] Ответ на такой вопрос может быть радикально отрицательным (например, в этнографиях [см., напр.: 7, р. 291; но: 8, р. 122]).

Проблема «пародийности» и «анекдотичности» исследовательских концепций предполагает решение двух взаимосвязанных вопросов о роли данных и их описания.

1. О значении и сложности наблюдаемых фактов: что именно регистрируется в качестве «данных»? Направлено ли наблюдение на *действие* (что именно делает респондент либо участник, чтобы ответить на вопрос либо реплику, чтобы спросить или начать интеракцию) либо только на его *результат* (например, выбор предложенного в инструменте варианта ответа, документальное свидетельство, фото, любой иной законченный продукт действия)?

2. О задачах аналитической работы исследователя: что именно должен сообщать его отчет о данных, чтобы служить описанием или объяснением *наблюдений*, а не изложением *мнения* исследователя по поводу услышанного или увиденного?

Конверсационный анализ — направление, развившееся в тесной связи с этнометодологией [см., напр.: 9–13], — отвечает на эти вопросы следующим образом: (1) наблюдаются *действия* участников; (2) описываются *способы*, посредством которых эти действия могут быть результативны. Представление о том, что реплики (также «череды») участников являются не сообщениями, а действиями, — принципиально для этнометодологии. «Базовой и повсеместно значимой проблемой любого фрагмента разговора-во-взаимодействии для любого участника является вопрос “Зачем/почему это здесь?” (“why that now”) и ... какое действие совершается посредством этого (чем бы “это” ни являлось)» [14, р. 2]. Участники отслеживают каждое действие в разговоре, потому что оно обуславливает действия последующие. Переход права говорить от участника к участнику интеракции, нарушения и восстановление порядка смены говорящих — основной объект конверсационного анализа. (Обстоятельное описание общедоступно в переводе [15] ключевой работы по систематике разговора [16].)

Такая постановка вопроса о действии *посредством говорения* не нова. Он исследуется также в теории речевого действия [см.: 17, 18] и теории риторической структуры [см.: 19, 20, 21].

Для понимания специфики объекта конверсационного анализа необходимо различать *содержательный* и *организационный* план разговора. Содержательный план составляют сообщения о состоянии мира. Организационный план составляют действия участников внутри и в ходе разговора. Первый соответствует вопросу «*Что сообщается?*». Второй — вопросу «*Как сообщается?*». Заслуживают внимания Сакса, Щеглоффа и Джефферсон — авторов, предложивших конверсационный анализ как новое направление в социологии, — стало первое систематическое описа-

ние организации разговора [см., напр.: 22]. Для прочих направлений социологии организационный план остается невидим. Обычным для позитивистских и непозитивистских методологий остается *наивное* (не подразумевая оценочности) принятие отчетов респондентов/информантов *как сообщений о мире*, т.е. о неких «реальных» фактах, событиях или чувствах вне текущей, наблюдаемой интеракции. Допускается, что информанты/респонденты обладают реальным знанием фактов и могут сообщать о них исследователю. Представление о респонденте/информанте как бесчувственном регистраторе внешних событий (внешними фактами полагаются даже собственные оценки и переживания, ибо они тоже суть предмет «знания», и вопросы о них принципиально не отличаются от вопросов о фактах) является упрощенным взглядом на проблему доступности любых аспектов культуры для непосредственного социологического наблюдения. (В литературе даже встречаются утверждения, что, например, массовые опросы являются более экономичной альтернативой социально-экономической статистике.) Здесь игнорируется тот факт, что восприятие, запоминание и воспроизведение (например, в интервью) знаний о фактах, чувствах или оценках обусловлено, в частности, культурными средствами (способами) *категоризации*. Например, какими фактами определяет «доверие» респондент, а какими — исследователь? Как и сколько из реальных случаев «участия», «обращения», «употребления» запоминает? Действительно ли неспособность вспомнить имя политика или название марки в момент опроса характеризует «осведомленность» либо эффект контекстуальных, ассоциативных подсказок, существующих в обыденности и отсутствующих в ситуации опроса? (Подробно об этом в работе [23].)

Исследования Садмена и соавторов [23] продемонстрировали, что респонденты массовых опросов пытаются понять смысл *одних* вопросов (повидимому, это любые вопросы о чувствах и оценках), ассоциируя их с *другими* вопросами. В результате ответ на данный вопрос корректируется в зависимости от ранее данного ответа на другой вопрос. Такая корректировка делается во избежание противоречий между ответами. Это означает, что (1) вопреки ожиданиям исследователя-позитивиста, связь между некоторыми переменными конструируется *во время опроса*, а не в «реальной жизни». Строго говоря, ответ не является сообщением о состоянии мира, т.к. респондент не считает мир набором *фактических состояний*. (2) Напротив, корректируя ответ (буквально: думая «Как лучше ответить здесь?»), отвечающие *действуют* в воображаемой *диалогической* ситуации, где испытывается социальная компетентность респондента — его способность выстраивать непротиворечивую картину мира и выглядеть заслуживаю-

щим доверия собеседником. Работа респондента над поиском смысла вопросов и поиском надлежащего ответа является не менее ценным объектом исследования, однако в массовых опросах эта работа не является объектом *наблюдения*.

Исследования когнитивной организации вопросов показали ненадежность результатов массовых опросов и имели целью тестирование и улучшение опросных инструментов, однако не получили заметного отклика со стороны сообщества исследователей [24]. Перестановка вопросов или включение дополнительного вопроса влияют на выбор ответов респондентами [23]. Тот факт, что респонденты воспринимают вопросы как сообщения о мире и изменяют свои представления о нем во время *и в результате* работы с вопросником, известен давно. В свое время (в 1949 г.) расширенный экспериментальный план Р. Соломона был предложен для контроля «эффекта тестирования» [см., напр.: 1].

Почему респонденты подозревают, что предъявление вопросов *упорядочено*, что в силу этого порядка их ответы могут быть противоречивы, что противоречия неприемлемы? Очевидно, что здесь имеют место некие социальные нормы и ценности. Эти нормы и ценности могут быть наблюдаемы *в действии*, когда респонденты (и вообще участники любых интеракций) создают и уточняют смысл реплик, ответов. Это сложный, многоступенчатый процесс [23] (см. также примеры 1 и 3 далее). В массовых опросах эта часть социальной практики людей остается за рамками наблюдений. Садмэн и соавторы [23] описывали и объясняли эту работу спекулятивно, не видя ее. Они (и цитируемые [23] исследователи) изменяли композицию вопросников и фиксировали лишь *результаты* этой работы — изменения ответов. Итак, организационный и содержательный план в массовых опросах тоже воспроизводится (пусть в усеченном виде) — как порядок предъявления вопросов и выбор ответа.

Напротив, в разговорном анализе в фокусе наблюдения находится именно эта непосредственная реальность созидания порядка «здесь-и-сейчас». Содержание и организационная сторона разговора фиксируются по предельно широкой программе, включая идентификацию всех говорящих, детальную запись вербальных и невербальных событий в разговоре (т.н. «джефферсонская система» нотации), указание посторонних вмешательств. *Натуралистическая* ориентация разговорного анализа выражается в том, что объектом наблюдения являются любые т.н. «обмены» репликами или знаками между двумя и более участниками. Основной материал — *естественные* тексты разговоров в быденных или институциональных контекстах. Материалы исследовательских интервью из круга источни-

ков исключены. Это связано, по-видимому, с представлением, что в исследовательских контекстах естественные интеракции «загрязняются» научными знаниями и задачами, привносимыми исследователем. Полученные в таких смещенных интеракциях наблюдения будут иметь низкую «экологическую валидность» [см.: 25, р. 257]. (Это ограничение, возможно, несколько выбивается из следования принципам этнометодологии, где научному знанию отказано в особом культурном статусе, а любая научная деятельность является лишь одним из естественных институциональных контекстов.)

Экологическая валидность в экспериментах Садмена и соавторов отсутствует, т.к. отсутствует сам *носитель* этой валидности — данные об «анатомии» ответов респондентов. Судить о ней исследователь может только по ее внешним условиям — изменениям в составе, формулировках и порядке предъявления вопросов. В естественных разговорах реплики и порядок их следования — спонтанный вклад участников в интеракцию. Здесь организация разговора явлена. Ее *реальность* гарантируется наличием в разговоре распознаваемых, повторяющихся конструкций (приветствие – приветствие, вопрос – ответ, и т.д.). Исследователь не сомневается в их реальности, он распознаёт их, т.к. они составляют *его* культурный опыт тоже. Здесь, как кажется, иные аргументы объективности избыточны либо невозможны. Речь идет об этнометодах. Это конкретные эмпирические способы упорядочения, организации опыта и интеракций участников. Если бы сомнения в реальности этих конструкций были разумны, требовали бы предъявления каких-либо аргументов (кроме самого факта распознавания), то тогда эти аргументы были бы реализациями *более глубинных* этнометодов. И так до бесконечности.

Итак, этнометоды принадлежат самому фундаментальному слою культуры, являются элементарными началами культуры. Так ли это? Допустим, вопрос-ответный обмен может быть разложен на составляющие и они могут быть распознаны как «вопрос» и как «ответ». Но участники знают их такими только как части некогда единой конструкции — именно вопрос-обменной структуры. В отдельности «вопрос» и «ответ» утрачивают свою идентичность, более не являются сами собой. Значит, они *вторичны* по отношению к структуре. Если бы участники заблаговременно не знали, что такое «вопрос-ответный обмен», то реплика никогда не была бы распознана как «вопрос». Ответ не следует. Интеракция не состоялась. Культура, общество здесь не возникают. Следовательно, этнометод — элементарная, базовая, неразложимая структура. Тем более убедительна такая логика при анализе тех конструкций, в которых имеется полная симметрия

реплик. Например, приветствия. Здесь *части* приветствия распознаются не по содержанию, а только по месту в интеракции (и это замечательный факт для конверсационного анализа!). Первая реплика — начало, попытка приветствия. Вторая — ее успешное завершение. Что именно говорится в каждой реплике приветствия — не важно: «Привет!» или «Hi!» ничего не сообщают. Какое именно выражение каждая культура выбирает в качестве приветствия, какой знак — результат исторического выбора, для социологии он случаен.

Итак, здесь момент организации полностью довлеет над моментом содержательным. Значение че-

редов (реплик) распознается по их месту в структуре. Место события в интеракции — принципиальная тема для ключевых работ по организации разговора [см., напр.: 26].

До этого момента систематика организации разговора имеет прочные основания. Но трудности начинаются практически немедленно — как только встает вопрос о нересипрочных конструкциях. Разговор часто включает серии реплик, не образующих парные конструкции, обмены. Какова организация в строках 3–10 (пример 1)?

(1) Schegloff, 2007: 41

1	Бил:	Fpre→	Вы слышали об том парне, у которово этсамое
2			семья в Нью Мехико (<i>неразборчиво</i>)
3	Эт:	Spre→	О!
4		Spre→	О! Это то (ртутное?) отравление?
5	Лор:		Это было так (<i>неразборчиво</i>)
6	Бил:		(<i>неразборчиво</i>)
7	Фэй:	Spre→	О! Это ты
8		Spre→	имеешь в виду в пшенице? В зерне?
9	Эт:		((одышка))
10	Жак:	Spre→	Ртутное отравление?

Комментарий: участники перебивают друг друга, имеются наложения реплик; оригинальная нотация (по системе Джефферсон) убрана по просьбе редакции.

Во втором столбце приведена маркировка реплик Э. Щеглоффа [14, р. 41], где F_{pre} и S_{pre} обозначают, соответственно, вопрос Билла и (суммарно) реплики других участников. Организация разговора после строки 2 представляется авторитетному конверсационному последовательности недифференцированной, неструктурированной. Очевидно, что это неверно. Серия в строках 3–10 разговора движется к ответу, подтверждающему либо опровергающему распознавание истории с отравлением. Также очевидно, что серия 3–10

1) находится на месте ответа на вопрос Билла (строки 1–2), но

2) не является ответом на него; напротив,

3) это серия ответных *вопросов*.

Результат парадоксален: не вторые говорящие (Эт и другие), а Билл оказывается теперь тем, кто должен дать ответ. Фактически это ответ на собственный вопрос.

Каким образом этот вывод становится очевиден? Допустим, текст серии 3–10 может рассматриваться на уровнях, соответствующих следующим вопросам:

1) Что говорят участники?

2) О чем сообщают?

3) Что делают?

Эти вопросы, могущие служить критериями для различения подходов к анализу данных в том ключе,

какой предложен в настоящей статье. Этнометодология сфокусирована на поиске ответов на вопрос 3. На второй вопрос отвечают методологии позитивистской и непозитивистской традиций. Но на первый — только последние, а также этнометодология.

Этнометодология организации разговора

Принципы конверсационного анализа и их последствия для анализа Примера 1 могут быть сформулированы следующим образом.

1. Серия реплик 3–10 должна иметь структуру, поскольку «порядок повсеместен» (Order at all points) — принцип введенный Саксом [27, р. 22], но выражающий, по существу, идею т.н. «достижения», предложенную Гарфинкелем. Если Билл посчитает, что его вопрос («Вы слышали...?») получил ответ (не имеет значения, верен ли он), этот ответ и вся секвенция в строках 1–10 являются совместным «достижением» (achievement) участников или «достигнутым феноменом порядка» [9; 10, р. 33–34]. «Достижения» — локальные и естественно подготовленные, т.е. доступные для описания, упорядочения.

2. Составляющие эту серию вопросы должны быть логически связаны с *местом* в разговоре (так у Сакса, *place* и даже *slot*, «прорезь», «фрагмент»), поскольку участники всегда проблематизируют черед как «Зачем/почему это теперь?» (Why this now?) [28].

Очевидно, что Билл не сообщал обстоятельства отравления. Их в разговор привносят Эт и другие. Это сообщения о состоянии мира: в Нью-Мехико, семья «того парня» отравилась ртутью, ртуть была в пшенице и т.п. Перечисляются ключевые признаки истории, которые должны помочь участникам распознать ее: говорят ли они об одной и той же истории?

3. Описание «достижения» участников не должно быть тривиально. Оно не должно быть ответом на вопрос 1 или 2 (см. выше). Как говорилось ранее, это требование составляет большую трудность для методологий, ориентированных на формальный анализ. Щеглофф с замечательной пронизательностью формулирует этот принцип, резюмируя логику лекций Сакса: «Как сделать X, не делая Y?» (How to do X without doing Y?) [12, р. xxxiii, xxvii–xxviii, 1]. (Сам Сакс, по-видимому, некогда характеризовал так свои лекции.) Например, «Как остаться анонимным, не отказываясь назвать свое имя?» или «Как получить помощь в ситуации суицидальности близких, не прося о помощи прямо?» (Сакс сформулировал контуры конврсационного анализа, работая в Лос-анджелесском центре предотвращения самоубийств, с записями телефонных обращений.) В серии 3–10 начало секвенции дает Билл, он спрашивает: «Вы слышали, и т.д.?» Но его собеседники отвечают на этот вопрос *другими вопросами*. Теперь Билл где-то после строки 10 должен дать ответ: та ли это история? Однако если в строке 6 Билл сказал, где именно находилась ртуть, то подтверждение правильности распознавания истории отравления *уже состоялось*. Щеглофф из-за наложения реплик не смог расшифровать эту строку, но это правдоподобное предположение. Иначе трудно объяснить фразу «ты имеешь в виду, и т.д.», следующую сразу же за утраченной репликой Билла (в строках 7–8). (Это вновь принцип *места* реплики, см. п. 2.) Биллу в таком случае уже нет необходимости давать какой-либо ответ. Эта необходимость отпадает и для других участников. Когда обе стороны (Билл и его конврсанты) назвали друг другу ключевые признаки истории, факт распознавания становится самоочевидным.

Итак, описание секвенции в примере 1 сделано близко-к-данному, избегает домысливания и тривиального описания данных, завершается предположением о существовании способа достижения. Понятие способа предполагает, что достижение цели интеракции (в примере 1 это распознавание истории отравления в Нью-Мехико) возможно *альтернативными* средствами. Если бы участники знали только один способ «достижения», он только условно мог бы считаться *этнометодом*. Пример 1 позволяет предположить, что подобные ситуации предполагают следующие способы:

1) Вопрос → Ответ, или (в обычной для конврсационного анализа форме) Q1A1;

2) Вопрос 1 → Вопрос(ы) 2 ... → Ответ(ы) на вопрос 1 или Q1Q2A1;

3) Вопрос 1 → Вопрос(ы) 2 ... → Ответ(ы) на вопрос(ы) 2... или Q1Q2A2.

Из перечисленных способов 1-й можно назвать обычной или нуклеарной формой вопрос-ответного обмена. Способы 2 и 3 представляют собой альтернативные и тоже продуктивные средства завершения интеракций. Результатом анализа примера 1 стало описание неординарных форм вопрос-ответного обмена как реалистичных, правдоподобных методов участников.

Принципы этнометодологии разговора имеют ряд методологических следствий.

(1) Признание *состоятельности* реплик или отчетов участников означает, что в данных не должно быть необъясненных наблюдений. Любые высказывания или сообщения являются неслучайными. Участники вводят реплики в разговор намеренно. Это замечание — следствие из принципов 1 и 2. (2) Объяснение достаточно, если оно описывает способ достижения целей интеракции. (3) Описание достаточно, если оно формулирует правдоподобные предположения о способах и достижениях. Этнометодология допускает, что формирование категоричных выводов о результатах анализа не является необходимостью. Более значимо представить выводы в такой форме, которая позволяет генерировать идеи и быстро возвращаться к данным или возобновлять их сбор. Гипотезы — прагматически удобная форма вывода. (4) Решающим *недостатком* приведенной здесь попытки анализа серии 3–10 является тот факт, что никакой структуры в этой серии мы не обнаруживаем. Это означает, что ничего определенного о содержании разговора сказать нельзя, помимо простой констатации сказанного. В конврсационном анализе *не развиты средства анализа содержательного плана разговора*. Сообщения о состояниях мира или о реальности «там-и-тогда» здесь играют вспомогательную роль — только помогают понять смысловую связь между чередками. Это существенный недостаток конврсационного анализа. Организация разговора, как оказывается, существует ради самой организации разговора.

Сильной стороной этнометодологии *организационного плана* разговора являются следующие преимущества. (1) Описание данных не является концепт-зависимым. (2) Описание не оперирует понятием контекста. (3) Описание не противопоставляется объяснению, поскольку не апеллирует к отношениям причинения. Аналитический аппарат качественных и количественных методологий обременен плохо определенными категориями «контекст»,

«причина», «следствие», «причинение». Определения этих категорий, как правило, имеют тенденцию к цикличности или тавтологичности. Дефекты этих категорий ответственны за известные (и на самом деле очень родственные) проблемы объяснений в дисциплинах и качественной, и количественной традиций. Логика объяснений в них в конечном итоге опирается на аргументы бихевиористической модели либо герменевтического круга.

(Окончание в следующем выпуске)

Список литературы

1. Dey I. *Qualitative Data Analysis: A User-Friendly Guide for Social Scientists*. London; N.Y.: Routledge, 2005. 287 p. DOI: 10.4324/9780203412497.
2. Tukey J.W. The future of data analysis // *The Annals of Mathematical Statistics*. 1962. Vol. 33, no. 1. P. 1–67. DOI: 10.1214/aoms/1177704711.
3. Tukey J.W. *Exploratory Data Analysis*. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1977. 676 p.
4. Burawoy M. *Reconstructing Social Theories // Ethnography unbound: power and resistance in the modern metropolis* / ed. by M. Burawoy. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. P. 8–27.
5. Silverman D. *Interpreting Qualitative Data: Methods of Analyzing Talk, Text and Interaction*. London: Sage, 1993. 240 p.
6. Mulkay M.J. *The Word and the World: Explorations in the Form of Sociological Thought*. London: George Allen & Unwin, 1985. 259 p.
7. Burawoy M. *Teaching Participant Observation // Ethnography unbound: power and resistance in the modern metropolis* / ed. by M. Burawoy. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991. P. 291–300.
8. Brewer J.D. *Ethnography*. Buckingham, PA: Open University Press, 2005. 206 p.
9. Garfinkel H. *Ethnomethodology's Program: Working out Durkheim's Aphorism*. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002. 286 p.
10. Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. 288 p.
11. Heritage J. Goffman, Garfinkel and Conversation Analysis // *Discourse Theory and Practice* / eds. by M. Wetherall, S. Taylor, S.J. Yates. London: Sage, 2001. P. 47–56.
12. Schegloff E.A. Introduction // Sacks H. *Lectures in conversation*. Vol. I–II. Oxford: Basil Blackwell, 1992. P. ix–lxii.
13. Silverman D. *Harvey Sacks: Social science and conversation analysis*. Cambridge, UK: Polity Press, 1998. 217 p.
14. Schegloff E.A. *Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis I*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 293 p.
15. Сакс Х., Щеглофф Э.А., Джефферсон Г. Простейшая систематика организации очередности в разговоре: пер. с англ. А.М. Корбута // *Социологическое обозрение*. 2015. № 1(14). С. 142–202. URL: <https://sociologica.hse.ru/2015-14-1/147275640.html> (дата обращения: 30.12.2016).
16. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // *Language*. 1974. Vol. 50, no. 4. P. 696–735. DOI: 10.1353/lan.1974.0010.
17. Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press, 1962. 166 p.
18. Searle J.R. *Speech Acts*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 198 p.
19. Mann W.C., Thompson S.A. *Rhetorical Structure Theory: A Framework for the Analysis of Texts*. IPRA Papers in Pragmatics. Vol. 1, 1987. 82 p. URL: <http://journals.linguisticsociety.org/elaugue/pip/article/download/144/144-431-1-PB.pdf> (accessed: 12.11.2012).
20. Mann W.C., Thompson S.A. *Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization*. Reprint from «The structure of discourse». ISI Reprint Series, 1987. URL: https://www.sfu.ca/rst/pdfs/Mann_Thompson_1987.pdf (accessed: 19.10.2012).
21. Mann W.C., Matthiessen C.M.I.M., Thompson S.A. *Rhetorical Structure Theory and Text Analysis // Discourse Description: Diverse Linguistic Analyses Of A Fund-Raising Text* / eds. by W.C. Mann, S.A. Thompson. Amsterdam, PH: John Benjamins, 1992. P. 39–78.
22. Sacks H. On the analyzability of stories by children // *Ethnomethodology: Selected Readings* / ed. by R. Turner. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1991. P. 216–232.
23. Sudman S., Bradburn N., Schwarz N. *Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology*. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1996. 304 p.
24. Schwarz N. *Cognitive Aspects of Survey Methodology // Applied Cognitive Psychology*. 2007. Vol. 21. P. 277–287. DOI: 10.1002/acp.1340.
25. Seedhouse P. *Conversation Analysis as Research Methodology // Applying conversation analysis* / eds. by K. Richards, P. Seedhouse. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005. P. 251–266. DOI: 10.1057/9780230287853_15.
26. Sacks H. *Lectures in Conversation*. Vol. I–II. Oxford: Basil Blackwell, 1992. 812 p.
27. Sacks H. Notes on methodology // *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis* / eds. by J.M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 21–27.
28. Schegloff E.A. Notes on a Conversational Practice: Formulating Place // *Studies in Social Interaction* / ed. by D. Sudnow. N.Y.: The Free Press, 1972. P. 75–119.

Получено 01.11.2016

References

1. Dey I. Qualitative Data Analysis: A User-Friendly Guide for Social Scientists. London; N.Y.: Routledge, 2005. 287 p. DOI: 10.4324/9780203412497. (In English).
2. Tukey J.W. The future of data analysis. *The Annals of Mathematical Statistics*. 1962, vol. 33, no. 1, pp. 1–67. DOI: 10.1214/aoms/1177704711. (In English).
3. Tukey J.W. Exploratory Data Analysis. Reading, MA: Addison-Wesley Publishing Company, 1977, 676 p. (In English).
4. Burawoy M. Reconstructing Social Theories. *Ethnography unbound: power and resistance in the modern metropolis / ed. by M. Burawoy*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991, pp. 8–27. (In English).
5. Silverman D. Interpreting Qualitative Data: Methods of Analyzing Talk, Text and Interaction. London: Sage, 1993, 240 p. (In English).
6. Mulkay M.J. The Word and the World: Explorations in the Form of Sociological Thought. London: George Allen & Unwin, 1985, 259 p. (In English).
7. Burawoy M. Teaching Participant Observation. *Ethnography unbound: power and resistance in the modern metropolis / ed. by M. Burawoy*. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1991, pp. 291–300. (In English).
8. Brewer J.D. Ethnography. Buckingham, PA: Open University Press, 2005, 206 p. (In English).
9. Garfinkel H. Ethnomethodology's Program: Working out Durkeim's Aphorism. Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, 2002, 286 p. (In English).
10. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967, 288 p. (In English).
11. Heritage J. Goffman, Garfinkel and Conversation Analysis. *Discourse Theory and Practice / eds. by M. Wetherall, S. Taylor, S.J. Yates*. London: Sage, 2001, pp. 47–56. (In English).
12. Schegloff E.A. Introduction. *Sacks H. Lectures in conversation. Vol. I–II*. Oxford: Basil Blackwell, 1992. pp. ix–lxii. (In English).
13. Silverman D. Harvey Sacks: Social science and conversation analysis. Cambridge, UK: Polity Press, 1998, 217 p. (In English).
14. Schegloff E.A. Sequence Organization in Interaction: A Primer in Conversation Analysis I. Cambridge: Cambridge University Press, 2007, 293 p. (In English).
15. Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. [A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation]. *Sotsiologicheskoe obozrenie [Sociological Review]*. 2015, vol. 14, no. 1, pp. 142–202. Available at: <https://sociologica.hse.ru/2015-14-1/147275640.html> (accessed 30.12.2016) (In Russian.)
16. Sacks H., Schegloff E.A., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation. *Language*. 1974, vol. 50, no. 4, pp. 696–735. DOI: 10.1353/lan.1974.0010. (In English).
17. Austin J.L. How to Do Things with Words. Oxford: Clarendon Press, 1962, 166 p. (In English).
18. Searle J.R. Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press, 1969, 198 p. (In English).
19. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: A Framework for the Analysis of Texts. IPRA Papers in Pragmatics. Vol. 1, 1987. 82 p. Available at: <http://journals.linguisticsociety.org/elanguage/pip/article/download/144/144-431-1-PB.pdf> (accessed 12.11.2012). (In English).
20. Mann W.C., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory: A Theory of Text Organization. Reprint from «The structure of discourse». ISI Reprint Series, 1987. Available at: https://www.sfu.ca/rst/pdfs/Mann_Thompson_1987.pdf (accessed 19.10.2012). (In English).
21. Mann W.C., Matthiessen C.M.I.M., Thompson S.A. Rhetorical Structure Theory and Text Analysis. *Discourse description: diverse linguistic analyses of a fund-raising text / eds. by W.C. Mann, S.A. Thompson*. Amsterdam, PH: John Benjamins, 1992, pp. 39–78. (In English).
22. Sacks H. On the analyzability of stories by children. *Ethnomethodology: Selected Readings / ed. by R. Turner*. Harmondsworth, UK: Penguin Books, 1991, pp. 216–232. (In English).
23. Sudman S., Bradburn N., Schwarz N. Thinking about answers: The Application of cognitive processes to survey methodology. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1996, 304 p. (In English).
24. Schwarz N. Cognitive Aspects of Survey Methodology. *Applied Cognitive Psychology*. 2007, vol. 21, pp. 277–287. DOI: 10.1002/acp.1340. (In English).
25. Seedhouse P. Conversation Analysis as Research Methodology. *Applying conversation analysis / eds. by K. Richards, P. Seedhouse*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2005, pp. 251–266. DOI: 10.1057/9780230287853_15. (In English).
26. Sacks H. Lectures in Conversation. Vol. I–II. Oxford: Basil Blackwell, 1992, 812 p. (In English).
27. Sacks H. Notes on methodology. *Structures of social action: Studies in conversation analysis / eds. by J.M. Atkinson, J. Heritage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 21–27. (In English).
28. Schegloff E.A. Notes on a Conversational Practice: Formulating Place. *Studies in Social Interaction / ed. by D. Sudnow*. N.Y.: The Free Press, 1972, pp. 75–119. (In English).

The date of the manuscript receipt 01.11.2016

Об авторе

Кузнецов Александр Евгеньевич
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

About the author

Kuznetsov Alexander Evgen'evich
Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: kzntsv@list.ru
ORCID: 0000-0003-1699-6466

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кузнецов А.Е. Обнаружение хиастической структуры в спонтанном тексте и перспективы развития этнометодологического проекта. Статья первая // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 97–105. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-97-105

Please cite this article in English as:

Kuznetsov A.E. The discovery of a chiasmic structure in a natural text and the prospects of the ethnomethodology progress. First article // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 97–105. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-97-105

УДК 316.354

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Германов Игорь Анатольевич, Плотникова Елена Борисовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена одной из актуальных тем современной социологии — социальному капиталу. Несмотря на активное использование данного концепта в исследованиях различных сфер общественной жизни, единая точка зрения относительно содержания, структуры, функций, источников и следствий социального капитала в настоящее время отсутствует. Остаются нерешенными многие методологические и методические вопросы изучения социального капитала на уровне организаций. В работе представлен обзор теоретических основ изучения социального капитала, а также подходов к его измерению. Рассмотрены специфика понятийного аппарата, подходы к определению видов, форм, структуры социального капитала, используемые различными авторами. Проанализированы ключевые элементы социального капитала: социальная сеть, в том числе ее структурная и транзакционная компоненты; социальные нормы; доверие. Авторами сделана попытка систематизации индикативной базы социального капитала, используемая при проведении эмпирических исследований организаций. Для структурной формы социального капитала к ним отнесены: свойства сети и характеристики ее членов, отношения между членами сети и степень ее мобилизованности, навыки социальных отношений членов сети. Для когнитивной формы социального капитала выделены: нормативный комплекс и правила взаимоотношений между членами социальной сети, различные формы доверия. В заключении авторами предложена схема операционализации выделенных индикаторов.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, доверие, нормы.

CONCEPTUALIZATION AND OPERATIONALIZATION THE CONCEPT OF SOCIAL CAPITAL IN ORGANIZATIONAL STUDY

Igor A. Germanov, Elena B. Plotnikova

Perm State University

The article considers one of the major problems of modern sociology, which is social capital. Despite the fact that the concept of social capital is widely used in studies of different spheres of public life, there is no single opinion about its content, structure, functions, sources and consequences. A lot of issues concerning methodology of studying social capital at the organizational level remain unsolved. The paper provides a review of fundamentals of social capital study as well as presents approaches to its estimation. It also deals with the peculiarities of the conceptual framework and approaches to defining the types, forms, structure of social capital used by different authors. The authors have analyzed the key elements of social capital, which are a social network with its structural and transactional components, social norms, and trust. An attempt has been made to systematize the social capital indicative base used when conducting empirical research on organizations. In terms of the social capital structure, the above-named key elements include the properties of the network and its members' characteristics, the relationships between the network members and the degree of its efficiency, the social skills of its members. In terms of the social capital cognitive form, the authors have determined: the set of rules to regulate the relationships between the members of the social network, different forms of trust. In conclusion, the authors suggested a scheme of operationalization of the indicators determined.

Keywords: social capital, social networks, trust, norms.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальный капитал организации как фактор модернизации российской промышленности (на примере предприятий Пермского края)», № 16-03-00374.

Введение

В последние десятилетия концепция социального капитала приобретает все большую популярность среди обществоведов. Ее теоретические положения активно используются в социальных исследованиях самой разнообразной тематики: семьи, девиантного поведения, здоровья, политической активности, образования, жизни местных сообществ, эффективности и конкурентоспособности организаций и т.д. Во многих работах отмечается позитивная роль социального капитала для повышения индивидуального и общественного благосостояния за счет сокращения преступности, улучшения показателей здоровья населения, роста эффективности государственного управления. Социальный капитал рассматривается и как мощный драйвер экономического роста.

Эксперты признают значимость социального капитала для функционирования организаций. Считается, что он является важным организационным ресурсом, поскольку люди работают совместно более интенсивно и эффективно, если они хорошо знакомы, доверяют друг другу и ассоциируют себя с коллективом. Материалы проведенных ранее исследований показывают, что социальный капитал облегчает поиск работы и продвижение по службе, позволяет более эффективно решать проблемы координации деятельности, служит основой для формирования лояльности персонала и снижает текучесть кадров, сокращает транзакционные издержки, облегчает распространение информации, формирование интеллектуального капитала, способствует внедрению инноваций, снижает сопротивление изменениям и тем самым обеспечивает организации конкурентные преимущества [см., напр., 1–4].

Несмотря на то что социальный капитал является предметом научных исследований уже с середины 1980-х, дискуссии относительно содержания понятия и способов его измерения еще до сих пор ведутся. Целью данной статьи является обзор существующих подходов к концептуализации понятия «социальный капитал» и разработка схемы его операционализации применительно к задачам исследования организаций.

Социальный капитал как научная категория

Впервые рассматриваемый концепт упоминается в работах Л. Ханифана, относящихся к началу XX в. Однако полноценное развитие теория социального капитала получила значительно позже — в работах П. Бурдье, Дж. Коулмана и Р. Патнема.

С точки зрения П. Бурдье, социальный капитал представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционали-

зированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе [5, с. 66]. Автор предлагает два основных аспекта, с помощью которых можно оценить объем социального капитала: размер сети связей, который актор может эффективно мобилизовать, и объем капитала (экономического, культурного, символического), которым обладает каждый из тех, кто с ним связан [5].

Дж. Коулман определение рассматриваемого понятия связывает с его функциями. Автор исходит из того, что социальный капитал «включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация. Подобно другим формам капитала, социальный капитал продуктивен. Он способствует достижению определенных целей, добиться которых при его отсутствии невозможно» [6, с. 124].

С точки зрения целей разработки методик эмпирических исследований более продуктивным оказалось определение, данное Р. Патнэмом. Социальным капиталом он называл свойства социальных организаций, такие как доверие, нормы и сети, которые могут повысить эффективность общества благодаря содействию скоординированным действиям [7, р. 167]. Позднее автор внес коррективы в данное им определение, придя к заключению, что доверие нельзя рассматривать ни в качестве свойства, ни в качестве источника социального капитала. Тем не менее, в большинстве работ доверие позиционируется как ключевая характеристика социального капитала.

Кроме того, концепция социального капитала приобрела авторитет и популярность благодаря исследованиям, инициированным крупными международными институтами: Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Всемирным банком, Всемирной ассоциацией по изучению ценностей и др. Каждый из институтов опирается на свою трактовку понятия, однако они имеют и общие черты: в составе элементов, включаемых в понятие, а также при оценке его роли для коллективных действий. Так, эксперты ОЭСР называют социальным капиталом сети, совместно с общими нормами, ценностями и взаимопониманием, которые способствуют внутригрупповой и межгрупповой кооперации. Сеть при этом рассматривается как совокупность реальных связей между индивидами и организациями [8, р. 103]. В исследованиях Всемирного банка указывается, что социальный капитал связан с нормами и сетями, которые делают возможными коллективные действия. Он включает институты, отношения, установки и ценности, которые регули-

руют взаимодействия между людьми и содействуют экономическому и социальному развитию [9, p. 4].

Исследователи, специализирующиеся на изучении социального капитала на уровне организации, не придерживаются единого подхода и к его определению. Однако имеющиеся трактовки объединены наличием акцента на ресурсах, которые становятся доступными отдельному работнику и/или организации в целом благодаря характеристикам сетей взаимодействия, в которые они вовлечены. Таким образом, в понятие включаются как сети взаимодействий, так и польза, которая может быть извлечена посредством сетей:

- сумма реальных и потенциальных ресурсов, встроенных внутрь, доступных посредством и возникающих из сетей взаимодействий, которыми обладают индивиды или социальные образования [4, p. 243];

- ресурсы, отражающие характер социальных отношений внутри организации [2, p. 538];

- ресурсы индивидуальных и коллективных акторов, созданные благодаря конфигурации и содержанию сети их более или менее прочных социальных отношений [1, p. 23];

- способность индивидов распоряжаться ограниченными ресурсами на основании своего членства в определенной социальной сети или в более широкой социальной структуре [10, p. 8].

Некоторые исследователи подчеркивают значимость осознанного пользования актором преимуществ, предоставляемых социальными структурами. Поэтому для них социальный капитал — это сознательное пользование социальной сетью для достижения своих интересов [11, с. 33].

Отсутствие единства трактовок понятия «социальный капитал» объясняются существенными различиями в понимании его сущности. Так, К. Лиан и Г. Ван Бюрен выделяют три фундаментальных различия: уровень анализа, способы развития социального капитала и принадлежность выгод, связанных с обладанием социальным капиталом [2, p. 540].

Социальный капитал анализируется на разных уровнях: микро- (отдельный человек), мезо- (организация, местное сообщество) и макро- (национальный уровень). Например, П. Бурдые считает его атрибутом отдельного индивида. Дж. Коулман к числу акторов, действиям которых способствует социальный капитал, относит как индивидов, так и организации. Р. Патнэм, Ф. Фукуяма, ОЭСР и Всемирный банк рассматривают социальный капитал на уровне местных сообществ, отдельных регионов и стран.

Второе различие заключается в понимании источников формирования и развития социального капитала. Часть исследователей, например Р. Берт, полагают, что социальный капитал складывается в результате преодоления разрывов в социальных сетях,

путем установления связей с представителями внешних по отношению к деятелю групп (т.н. «слабые» связи) [12]. Другие, например Дж. Коулман, напротив, делают акцент на необходимости укрепления внутрigrупповых связей (т.н. «сильные» связи) для формирования социального капитала.

Третье различие связано с тем, что авторы по-разному видят способы распределения выгод, связанных с обладанием социальным капиталом. Дж. Коулман и Ф. Фукуяма полагают, что он является в первую очередь общественным благом. Индивидуальные выгоды вторичны, поскольку обусловлены характеристиками группы или общества в целом, обладающих тем или иным объемом социального капитала. Ряд исследователей исходят из того, что индивид может использовать собственный социальный капитал для реализации своих целей [3, 12]. Поэтому они полагают, что социальный капитал является скорее частным, нежели общественным благом.

Исходя из анализа социальным капиталом можно назвать совокупность ресурсов, которыми обладают и которые используют в своих интересах отдельные индивиды и социальные группы благодаря социальным сетям, доверию и общим нормам.

Индикаторы социального капитала

Проблемы изучения социального капитала обусловлены не только разнообразием взглядов на содержание этого понятия, но и отсутствием стандартных методик его шкалирования. Часть авторов при изучении социального капитала ограничиваются измерением уровня доверия [см. обзор 13, p. 27]. Однако большинство современных исследователей организаций исходят из того, что социальный капитал является многомерной характеристикой, выделяя при этом два, три и более элементов, относящихся к структурной или когнитивной формам социального капитала. Первая форма отражает особенности сетей, институтов и правил, которые облегчают усилия по координации деятельности, вторая — ценности, нормы, установки и убеждения участников взаимодействия. Структурный социальный капитал определяет наличие сети для обмена ресурсами, а когнитивный — возможности для такого обмена.

Социальные сети как элемент социального капитала на уровне организаций включают в исследовательские модели многие авторы [напр., 4, 13–16]. Сеть представляет собой конфигурацию реальных связей между индивидами и социальными группами. Методология сетевого анализа, которая активно применяется для исследования социального капитала, для оценки его уровня выделяет структурный (возможности доступа к ресурсам) и транзакционный (характеристика циркулирующих в сети ресурсов) компоненты [17, p. 14].

В рамках структурного компонента социальные связи могут описываться свойствами самой сети (размером, плотностью), составом ее участников, характеристиками отношений (частота, степень близости), показателями ее мобилизованности (условия доступа к ресурсам, различия между потребностями и реальной поддержкой), а также характеристикой навыков социальных отношений, которыми обладают члены сети (см. таблицу).

Размер и плотность сети имеет важное значение с точки зрения предоставления доступа к ресурсам. Первый показатель отражает количество людей, с которыми человек поддерживает контакты, обеспечивающие ему помощь и поддержку. Второй — степень взаимосвязанности членов сети друг с другом. Чем больше сеть, тем более значительны возможности получения поддержки. Чем больше внутренних связей между представителями одной сети (характеристика плотности), тем быстрее и более организованно идет обмен.

Состав сети определяет типы ресурсов, которые оказываются доступными ее участникам. Однородные по составу сети, как правило, обладают меньшим разнообразием ресурсов в сравнении с разнородными. Состав сети указывает также на преобладающие типы связей между ее участниками (горизонтальные – вертикальные, внутренние – внешние), что характеризует формируемый на ее основе социальный капитал. Гомогенный состав с преобладанием внутренних связей формирует т.н. охватывающий (*bonding*) социальный капитал, который обеспечивает ресурсами, необходимыми для решения повседневных задач. В случае, когда сеть включает представителей разных групп (например, работников разных подразделений одной организации или членов разных организаций), формируется соединяющий (*bridging*) социальный капитал, который предоставляет доступ к новым возможностям, которых нет в собственной группе. Включенность в сеть представителей разных уровней организационной иерархии формирует связывающий (*linking*) социальный капитал, который, с одной стороны, обеспечивает доступ к ресурсам, подконтрольным людям, обладающим властью, а с другой, позволяет последним усилить свою власть и влияние.

Характеристика отношений также связана с доступом к ресурсам. Считается, что связи, отличающиеся высокой частотой и взаимной поддержкой («сильные» связи), формируют сплоченные группы, члены которых обладают схожими характеристиками и, как правило, однотипными ресурсами. Напротив, «слабые» связи соединяют представителей разных групп и обеспечивают доступ к новым ресурсам.

Состав участников взаимодействия позволяет идентифицировать тип связей, лежащих в основе социального капитала: соединяющие (связи между

представителями разных социальных групп), охватывающие (связи между представителями одной группы) и связывающие (связи между представителями различных уровней организационной иерархии). Частота взаимодействий и их интенсивность (с точки зрения эмоциональных вложений) свидетельствует о потенциальном разнообразии доступных ресурсов: ограниченном (при наличии т.н. «сильных» связей) и широком (при наличии «слабых» связей и, одновременно, гетерогенного состава участников сети).

Транзакционный компонент социальной сети характеризует способы ее функционирования: как она создается, трансформируется, как возникают и используются ее ресурсы. Анализ этого компонента позволяет ответить на вопрос, насколько эффективна сеть в поддержке ее членов. Обладание одними членами сети некими ресурсами, в которых нуждаются другие члены сети, еще не означает, что последние могут получить к ним доступ. Соотношение реально и потенциально доступных ресурсов можно оценить с помощью показателя мобилизованности сети.

Последний из рассматриваемых индикаторов социальной сети характеризует способность ее членов завязывать и поддерживать социальные отношения. Эта способность во многом определяется индивидуальными характеристиками участников взаимодействия, однако существенное значение для нее имеет также сложившаяся культура организации.

Когнитивная форма социального капитала в системе индикаторов представлена нормами и правилами, существующими в организации, а также доверием. Эти показатели можно встретить в большинстве эмпирических исследований социального капитала [напр., 4, 13–22].

Нормы — общепризнанные правила, образцы поведения и стандарты деятельности, призванные обеспечивать упорядоченность, устойчивость и стабильность социального взаимодействия. Дж. Коулман, отмечает, что наличие эффективных норм создает мощную, хотя и хрупкую, форму социального капитала. Нормы побуждают каждого жертвовать своими интересами и действовать в интересах коллектива [6, с. 129]. Дж. Нахапет и С. Гошал рассматривают ряд правил и стандартов, характеризующих социальный капитал (стремление к новизне, открытость критике, терпимость к ошибкам и др.), однако важнейшей считают ориентацию на взаимную поддержку и сотрудничество [4, р. 255].

Близкий по смыслу показатель — способность к ассоциации. К. Леан и Г. Ван Бюрен [2] определяют его как способность и готовность членов организации формулировать коллективные цели и совершать коллективные действия во имя этих целей. Наличие этих качеств связывается с ориентацией на коллективистскую культуру, для которой характерны ко-

операция между членами группы и ориентация на ее благополучие.

Доверие является важнейшим компонентом социального капитала, однако остается одной из наиболее дискуссионных его характеристик. Литовские исследователи, проводя анализ точек зрения различных авторов, отмечают, что Ф. Фукуяма приравнивает доверие к социальному капиталу, Р. Патнэм расценивает его как элемент социального капитала, Э. Лессер утверждает, что доверие представляет собой отдельное понятие и может быть как источником, так и результатом социального капитала [11, с. 32]. Н. Лин, К. Кук и Р. Барт рассматривают доверие как ценное качество, приобретенное коллективом благодаря социальному капиталу [23].

Доверие как качественная характеристика социальных отношений указывает на субъективную готовность акторов к сотрудничеству. Данное понятие может быть определено как субъективное ощущение,

вера в то, что стороны взаимодействия искренни, добросовестны, стремятся в обоюдной выгоде и учитывают мнение друг друга [24, с. 61]. Доверие в организациях — это положительные ожидания, основанные на организационных ролях, отношениях, опыте и взаимозависимости, которые люди имеют относительно намерений и поведения других членов организации. К. Лиан и Г. Ван Бюрен [2] предлагают рассматривать доверие в двух формах. Первая — т.н. «хрупкое» доверие (fragiletrust), возникает в результате ограниченного числа взаимодействий и основано на оценке одним актором соотношения рисков и выгод взаимодействия с другим актором, а также экстраполяции прошлого опыта взаимодействия в будущее. Вторая форма — «эластичное» доверие (resilienttrust), возникает в результате многочисленных взаимодействий и основано на вере в честность и порядочность второй стороны.

Индикаторы социального капитала

<i>Элементы социального капитала</i>	<i>Индикаторы</i>	<i>Примеры способов шкалирования</i>	
Структурная форма социального капитала			
Социальные сети	Свойства сети:		
	• Размер	Количество людей, с которыми человек поддерживает различные типы связей	<i>Назовите работников Вашего предприятия, с которыми Вы обсуждали волнующие Вас вопросы в течение последних 6 мес.? [17]</i> <i>Укажите, хотя бы примерно, со сколькими людьми в Вашей организации Вы поддерживаете контакты [25]</i>
	• Плотность	Степень взаимосвязанности между членами одной сети	<i>Большинство моих знакомых по работе знают друг друга [14]*</i>
	Характеристики членов сети		
	• Состав членов сети	Различия статусов участников сети	<i>Среди тех работников, которых Вы знаете лично, сколько... (коллег, работников других подразделений, руководителей)</i>
	Характеристики отношений		
	• Частота	Количество контактов	<i>Как часто Вы проводите время с коллегами по работе просто так, не по делам? [26]</i>
	• Степень близости	Количество людей, с которыми поддерживаются личные отношения на регулярной основе	<i>Есть ли у Вас кто-то, с кем Вы могли бы поговорить по душам, о личном, и если да, сколько таких людей в Вашей жизни?</i> <i>В целом, я очень привязан к своим коллегам [27]</i>
	Мобилизованность сети		
	• Условия доступа к ресурсам	Трудности в обращении за помощью, оценка ограничений возможностей получения помощи	<i>Как Вы думаете, сколько людей Вам помогут, если к ним обратиться? [25]</i> <i>Я всегда могу рассчитывать на помощь коллег, когда она мне понадобится [27]*</i>
• Различия между потребностями и реальной поддержкой	Ожидаемая поддержка в соотношении с реально полученной поддержкой	<i>В течение последних 3 месяцев обращались ли Вы за помощью по поводу..?</i> <i>Удалось ли Вам получить помощь после Вашего обращения?</i>	
Навыки социальных отношений			
• Коммуникативность	Способность заводить и поддерживать социальные связи	<i>Я чувствую напряжение, когда нахожусь в компании с незнакомыми людьми*: Мне нетрудно обратиться к незнакомому человеку, если это необходимо [17]*</i>	

Элементы социального капитала	Индикаторы		Примеры способов шкалирования
Когнитивная форма социального капитала			
Нормы и правила	Социальные нормы		
	• Взаимная поддержка	Ориентация на помощь друг другу	<i>На Вашем предприятии в большинстве случаев люди стараются помочь друг другу или они чаще всего заботятся только о себе? Работники стараются держать друг друга в курсе по рабочим вопросам [13]*</i>
	• Коллективизм	Ориентация на общие цели	<i>Работники чувствуют, что мы — единое целое [13]* Большинство работников привержены целям предприятия [28]*</i>
	Правила взаимоотношений		
	• Сотрудничество	Ориентация на совместную деятельность	<i>Координация деятельности и совместная работа с другими подразделениями — важная часть нашего подхода к организации обслуживания [14]*</i>
• Уважение	Восприятие качества взаимоотношений: признание достоинств, ценности работников	<i>Наш руководитель относится к нам с добротой и уважением [13]*</i>	
Доверие	Доверие		
	• Генерализованное доверие	Количество (доля) людей, которым можно доверять	<i>Как Вы думаете, большинству работников Вашего предприятия можно доверять или Вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношении с ними не помешает?</i>
	• Персонифицированное доверие	Количество (доля) людей из числа знакомых, которым можно доверять	<i>Среди Ваших коллег скольким людям Вы можете доверять? [25] Я могу доверять людям, с которыми работаю [28]*</i>
	• Вертикальное доверие	Восприятие доверия между различными уровнями организационной структуры	<i>Руководство и работники доверяют друг другу [14]* Мы можем доверять нашему руководству [28]*</i>

Примечание: * степень согласия с суждением по 5-балльной шкале

Более общий подход — выделение персонифицированного (рационального) и генерализованного (обобщенного) доверия. Первый вид по смыслу мало отличается от «хрупкого» доверия, но второй вид имеет определенную специфику. В.О. Рукавишников отмечает, что обобщенное доверие — моральная ценность, которая напрямую не зависит от личного опыта взаимодействия, включенности в группы и ассоциации и без которой общество не могло бы существовать. Генерализованное доверие — это доверие людям вообще [29, с. 18].

При изучении доверия в организациях его часто рассматривают как в горизонтальном, так и в вертикальном измерениях [14, 28]. В первом случае речь идет о взаимодействиях среди коллег, занимающих ту же или аналогичные позиции в организационной иерархии. Во втором случае исследуется доверие в отношении субъектов, находящихся на более высоких позициях: линейные менеджеры (начальник отдела, участка и т.п.), менеджеры среднего уровня (начальник управления, департамента, цеха), высший менеджмент (руководители организации).

Подводя итог обзору некоторых подходов к концептуальному анализу и определению операцион-

нальных параметров понятия «социальный капитал», еще раз отметим сложности их применения в практике конкретных социологических исследований. Большинство имеющихся в настоящее время публикаций отражают опыт зарубежных коллег. Нам еще предстоит большая работа по адаптации этих подходов к российским условиям. Поэтому непрекращающаяся дискуссия относительно методологических и методических особенностей изучения этого феномена должна быть дополнена материалами и результатами, полученными российскими учеными.

Список литературы

1. Adler P.S., Kwon S. Social Capital: Prospects for a new concept // *Academy of Management Review*. 2002. Vol. 27. P. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314.
2. Leana C.R., Van Buren H.J. Organizational Social Capital and Employment Practices // *Academy of Management Review*. 1999. Vol. 24. P. 538–555. DOI: 10.5465/AMR.1999.2202136.
3. Lin N. *Social Capital: a Theory of Social Structure and Action*. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.

4. Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage // *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. P. 242–266. DOI: 10.5465/AMR.1998.533225.
5. Бурдые П. Формы капитала // *Экономическая социология*. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–75.
6. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. № 3. С. 121–139.
7. Putnam R.D., Leonardy R., Nanetti R.Y. Making democracy work. Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 288 p.
8. What is social capital? URL: <https://www.oecd.org/insights/37966934.pdf> (accessed: 15.09.2016).
9. Grootaert C., Bastelaer T. Understanding and Measuring Social Capital: a Synthesis of Findings and Recommendations from the Social Capital Initiative / Social Capital Initiative Working Paper, № 24. The World Bank Social Development Family Environmentally and Socially Sustainable Development Network, April 2001. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTSOCIALCAPITAL/Resources/Social-Capital-Initiative-Working-Paper-Series/SCI-WPS-24.pdf> (accessed: 15.09.2016).
10. Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24. P. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1.
11. Мачеринскене И., Минкуте-Генриксон Р., Симанавичене Ж. Социальный капитал организации: методология исследования // *Социологические исследования*. 2006. № 3. С. 29–39.
12. Burt R.S. The Contingent Value of Social Capital // *Administrative Science Quarterly*. 1997. № 42. P. 339–365. DOI: 10.2307/2393923.
13. Oksanen T., Suzuki E., Takao S., Vahtera J., Kivimäki M. Workplace Social Capital and Health // *Global Perspectives on Social Capital and Health* / ed. by I. Kawachi, S. Takao, S.V. Subramanian. N.Y.: Springer, 2013. P. 23–63.
14. Andrews R. Organizational Social Capital, Structure and Performance // *Human Relations*. 2010. № 63(5). P. 583–608. DOI: 10.1177/0018726709342931.
15. Landry R., Amara N., Lamary M. Does Social Capital Determinate Innovation? In What Extent? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2002. September. Vol. 69(7). P. 681–701. DOI: 10.1016/S0040-1625(01)00170-6.
16. Ofori D., Sackey J. Assessing Social Capital for Organisational Performance: Initial Exploratory Insights from Ghana // *Organizations and Markets in Emerging Economies*. 2010. Vol. 1, № 2(2). P. 71–91.
17. Franke S. Measurement of Social Capital: Reference Document for Public Policy Research, Development, and Evaluation. Canada, 2005. 68 p.
18. Jung J., Ernstmann N., Nitzsche A., Driller E., Kowalski C., Lehner B. Exploring the association between social capital and depressive symptoms: Results of a survey in German information and communication technology companies // *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 2012. № 54(1). P. 23–30. DOI: 10.1097/JOM.0b013e318237a1b6.
19. Krishna A., Shrader E. Cross-cultural Measures of Social Capital: a Tool and Results from India and Panama / Social Capital Initiative Working Paper, № 21. World Bank. 2000. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTRANETSOCIALDEVELOPMENT/882042-1111750197177/20502292/SCI-WPS-21-paper.pdf> (accessed: 12.09.2016).
20. Putnam R. Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. Цит. по: Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2004. № 2. С. 24–41.
21. Siegler V. Measuring Social Capital / Office for National Statistics. 2014. 18 July. URL: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171766_371693.pdf (accessed: 15.09.2016).
22. Stone W. Measuring Social Capital Towards a Theoretically Informed Measurement Framework for Researching Social Capital in Family and Community Life. Australian Institute of Family Studies. Research Paper, № 24. February 2001. URL: http://cedarscenter.com/resources/Measuring_Social_Capital.pdf (accessed: 15.09.2016).
23. Lin N, Cook K, Burt R.S. Social Capital, Theory and Research. N.Y.: Aldine de Gruyter, 2001.
24. Рубцова М.В., Васильева Е.А. «Доверие»: концептуализация и операционализация понятия в корпусной лингвистике // *Социологические исследования*. 2016. № 1. С. 58–65.
25. Chen X., Stanton B., Gong J., Fang X., Li X. Personal Social Capital Scale: an instrument for health and behavioral research // *Health education research*. 2009. № 24. P. 306–317. DOI: 10.1093/her/cyn020.
26. *Европейское социальное исследование в России: инструментарий*. URL: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330> (дата обращения: 30.09.2016).
27. Chow W.S., Chan L.S. Social network, social trust and shared goals in organizational knowledge sharing // *Information & Management*. 2008. № 45. P. 458–465. DOI: 10.1016/j.im.2008.06.007.
28. Leana C., Pil F.K. Social capital and organizational performance: Evidence from urban public schools // *Organization Science*. 2006. № 17. P. 353–366. DOI: 10.1287/orsc.1060.0191.
29. Рукавишников В.О. Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // *Социологические исследования*. 2008. № 2. С. 17–25.

Получено 31.01.2017

References

- Adler P.S., Kwon S. Social Capital: Prospects for a new concept. *Academy of Management Review*. 2002, vol. 27, pp. 17–40. DOI: 10.5465/AMR.2002.5922314. (In English).
- Leana C.R., Van Buren H.J. Organizational Social Capital and Employment Practices. *Academy of Management Review*. 1999, vol. 24, pp. 538–555. DOI: 10.5465/AMR.1999.2202136. (In English).
- Lin N. *Social Capital: a Theory of Social Structure and Action*. N.Y.: Cambridge University Press, 2001. (In English).
- Nahapiet J., Ghoshal S. Social Capital, Intellectual Capital, and the Organizational Advantage. *Academy of Management Review*. 1998, vol. 23, pp. 242–266. DOI: 10.5465/AMR.1998.533225. (In English).
- Bourdieu P. Formy kapitala [The Forms of Capital]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. 2002, vol. 3, no. 5, pp. 60–75. (In Russian).
- Coleman J. [Social Capital in the Creation of Human Capital]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2001, no. 3, pp. 121–139. (In Russian).
- Putnam R.D., Leonardy R., Nanetti R.Y. *Making democracy work. Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993, 288 p. (In English).
- What is social capital? Available at: <https://www.oecd.org/insights/37966934.pdf> (accessed 15.09.2016). (In English).
- Grootaert C., Bastelaer T. *Understanding and Measuring Social Capital: a Synthesis of Findings and Recommendations from the Social Capital Initiative / Social Capital Initiative Working Paper, № 24. The World Bank Social Development Family Environmentally and Socially Sustainable Development Network, April 2001*. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/INTSOCIALCAPITAL/Resources/Social-Capital-Initiative-Working-Paper-Series/SCI-WPS-24.pdf> (accessed 15.09.2016). (In English).
- Portes A. Social Capital: Its Origins and Application in Modern Sociology. *Annual Review of Sociology*. 1998, vol. 24, pp. 1–24. DOI: 10.1146/annurev.soc.24.1.1. (In English).
- Macherinskene I., Minkute-Genrikson R., Simanavichene Zh. [Social Capital of an Organization: Methodology of Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2006, no. 3, pp. 29–39. (In Russian).
- Burt R.S. The Contingent Value of Social Capital. *Administrative Science Quarterly*. 1997, no. 42, pp. 339–365. DOI: 10.2307/2393923. (In English).
- Oksanen T., Suzuki E., Takao S., Vahtera J., Kivimäki M. Workplace Social Capital and Health. *Global Perspectives on Social Capital and Health / ed. by I. Kawachi, S. Takao, S.V. Subramanian*. N.Y.: Springer, 2013, pp. 23–63. (In English).
- Andrews R. Organizational Social Capital, Structure and Performance. *Human Relations*. 2010, no. 63(5), pp. 583–608. DOI: 10.1177/0018726709342931. (In English).
- Landry R., Amara N., Lamary M. Does Social Capital Determinate Innovation? In What Extent? *Technological Forecasting and Social Change*. 2002, September, vol. 69(7), pp. 681–701. DOI: 10.1016/S0040-1625(01)00170-6. (In English).
- Ofori D., Sackey J. Assessing Social Capital for Organisational Performance: Initial Exploratory Insights from Ghana. *Organizations and Markets in Emerging Economies*. 2010, vol. 1, no. 2(2), pp. 71–91. (In English).
- Franke S. *Measurement of Social Capital: Reference Document for Public Policy Research, Development, and Evaluation*. Canada, 2005, 68 p. (In English).
- Jung J., Ernstmann N., Nitzsche A., Driller E., Kowalski C., Lehner B. Exploring the association between social capital and depressive symptoms: Results of a survey in German information and communication technology companies. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 2012, no. 54(1), pp. 23–30. DOI: 10.1097/JOM.0b013e318237a1b6. (In English).
- Krishna A., Shrader E. *Cross-cultural Measures of Social Capital: a Tool and Results from India and Panama / Social Capital Initiative Working Paper, № 21*. World Bank. 2000. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/INTRANETSOCIALDEVELOPMENT/882042-1111750197177/20502292/SCI-WPS-21-paper.pdf> (accessed 12.09.2016). (In English).
- Putnam R. *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. Quoted on: Stepanenko V. [Social Capital in Sociological perspective]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. 2004, no. 2, pp. 24–41. (In Russian).
- Siegler V. *Measuring Social Capital / Office for National Statistics*. 2014, 18 July. Available at: http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171766_371693.pdf (accessed 15.09.2016). (In English).
- Stone W. *Measuring Social Capital Towards a Theoretically Informed Measurement Framework for Researching Social Capital in Family and Community Life*. Australian Institute of Family Studies. Research Paper, № 24. February 2001. Available at: http://cedarscenter.com/resources/Measuring_Social_Capital.pdf (accessed 15.09.2016). (In English).
- Lin N, Cook K, Burt R.S. *Social Capital, Theory and Research*. N.Y.: Aldine de Gruyter, 2001. (In English).
- Rubtsova M.V., Vasileva E.A. [«Trust»: Conceptualization and Operationalization of a Concept in the Corpus Linguistics]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2016, no. 1, pp. 58–65. (In Russian).
- Chen X., Stanton B., Gong J., Fang X., Li X. Personal Social Capital Scale: an instrument for health and behavioral research. *Health education research*. 2009, no. 24, pp. 306–317. DOI: 10.1093/her/cyn020. (In English).

26. *Evropeyskoe sotsialnoe issledovanie v Rossii: instrumentariy* [European Social Survey: Method]. Available at: <http://www.ess-ru.ru/index.php?id=330> (accessed 30.09.2016). (In Russian).
27. Chow W.S., Chan L.S. Social network, social trust and shared goals in organizational knowledge sharing. *Information & Management*. 2008, no. 45, pp. 458–465. DOI: 10.1016/j.im.2008.06.007. (In English).
28. Leana C., Pil F.K. Social capital and organizational performance: Evidence from urban public schools. *Organization Science*. 2006, no. 17, pp. 353–366. DOI: 10.1287/orsc.1060.0191. (In English).
29. Rukavishnikov V.O. [Interpersonal trust: measurement and intercountry comparisons]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 2008, no. 2, pp. 17–25. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.01.2017

Об авторах

Германов Игорь Анатольевич

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2338-6693

Плотникова Елена Борисовна

кандидат исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3599-5215

About the authors

Germanov Igor Anatol'evich

Ph.D. in Sociology, Docent,
Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: germanov1973@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2338-6693

Plotnikova Elena Borisovna

Ph.D. in History, Docent,
Head of the Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: plotnikova1958@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3599-5215

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Германов И.А., Плотникова Е.Б. Концептуализация и операционализация понятия «социальный капитал» в исследованиях организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 106–114. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114

Please cite this article in English as:

Germanov I.A., Plotnikova E.B. Conceptualization and operationalization the concept of social capital in organizational study // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 106–114. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-106-114

УДК 281:2:316.32

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-115-122

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЕЕ СУЩНОСТЬ, ТРАДИЦИЯ АНДРОЦЕНТРИЗМА И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Семенова Вера Эдуардовна

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет

Семенова Лидия Эдуардовна

*Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
(Мининский университет)*

В статье рассматривается специфика и сущность христианской церкви как одного из знаковых и весьма востребованных социальных институтов современного, западного и российского общества. В ходе изложения материала авторы анализируют ее главные функции, основные характеристики и роль христианской церкви в мире, которую она играла в истории и играет в настоящее время в связи с противоположными по своей сути процессами сакрализации и секуляризации. Также предпринимается попытка осмыслить отдельные неоднозначные по своему содержанию и выводам философские позиции по данному теоретическому вопросу. В статье излагается точка зрения на церковь, получившая всеобъемлющую разработку в рамках теоретических изысканий феминизма, постфеминизма и гендерной теории, согласно которой данный социальный институт традиционно является андроцентристским, позиционирующим женщину и женское в качестве вторичного, подчиненного мужскому. Авторы приводят различные доводы как ярых противников, так и сторонников решения «женского вопроса» в христианской церкви и факты, свидетельствующие о наметившихся в последнее время реальных позитивных изменениях в решении данной актуальной проблемы. Делается вывод о противоречивой, неоднозначной роли христианской церкви в жизни современного общества и необходимости обновления ее позиции по вопросам гендерного равенства.

Ключевые слова: христианская церковь, современное общество, социальный институт, гендерное неравенство, андроцентризм, женское священство.

CHRISTIAN CHURCH IN THE MODERN WORLD: ITS NATURE, TRADITION OF ANDROCENTRISM AND NEW TRENDS

Vera E. Semenova

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

Lidya E. Semenova

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

The article deals with the specificity of the Church as one of the social institutions of modern intensively developing Western and Russian society. The authors analyze its main functions, the main characteristics and the role of the Church in the world, which it played in the history and plays in our days in connection with the processes of sacralization and secularization. Individual represents a summary of ambiguous philosophical positions on this issue. Article Sets out a point of view on the Church, which was developed in the feminist discourse, post-feminist and gender theory. According to this theory social institution of a Church is traditionally androcentric, and puts woman to the second place, after man. Authors give arguments both of opponents and supporters of the decisions of the «women's question» in the space of the Church and evidence of emerging positive changes in this relevant issue. The conclusion is the contradictory role of the Church in modern society and the necessity to update the androcentric position on gender equality.

Keywords: Christian church, modern society, a social institution, gender inequality, androcentrism, female priesthood.

Современная модель развития западноевропейского и российского общества вступила в период глубоких кризисных процессов, обуславливающих подчас радикальные трансформации, осознание неизбежности которых вынуждает политические элиты Запада и России осуществлять поиск точек опоры, позволяющих сделать эти процессы менее разрушительными для сложившегося мироустройства. При этом в поиске спасительных рецептов взоры политиков и государственных деятелей часто обращаются к историческому наследию как носителю зарекомендовавших себя институций, которые могут эффективно сработать и в настоящем, позволив сэкономить время, интеллектуальные усилия и материальные затраты на поиски неиспробованных, а потому сомнительных ресурсов.

Одним из таких традиционных социальных институтов, ассоциирующихся со стабильностью и выступающих в качестве оплота существующего миропорядка, является церковь. И именно эта особенность церкви делает ее чрезвычайно востребованной в современной России, нуждающейся в сохранении едва созданного общественного уклада, претендующего на преемственность с дореволюционным прошлым, когда христианская церковь действительно играла ключевую роль в социальной структуре.

Чтобы решить вопрос о правомерности возлагаемых на церковь ожиданий в плане ее способности решить возникающие в наши дни общественные проблемы, необходимо осуществить социально-философский анализ этого социального института, вскрыть его сущностные составляющие и специфику бытия в современном мире.

Сегодня церковь часто осмысливается в виде сложной централизованной и иерархической системы религиозных организаций, деятельность которых предполагает сохранение, воспроизведение и распространение религии, являющейся составным элементом духовной культуры общества. В то же время, принимая во внимание предлагаемую современной гуманитарной наукой трактовку понятия социального института, вполне правомочно отнести церковь к одному из таковых. Напомним, что под социальным институтом принято понимать те элементы организованной структуры общества, которые управляют процессами социальной жизни людей, обеспечивая тем самым стабильность общественной системы и ее дальнейшее развитие [1]. Считается, что в социальных институтах кристаллизована совокупность различных социальных норм и ценностей, которые выступают своеобразными трансляторами культурного опыта, играющими ключевую роль в конструировании социального мира [2]. И в этом смысле церковь, регламентирующая жизнедеятель-

ность людей и структурирующая общество на группы верующих и не верующих в Бога, наделяемых неравными статусами и ролями [3], выступает одним из социальных институтов.

Что же касается религии, то ее принято считать одним из типов мировоззрения и формой общественного сознания, особенностью которой является вера в сверхъестественное. При этом важно подчеркнуть, что религия зародилась задолго до появления церкви. Это, в частности, подтверждает структура самой религии, в которой наряду с религиозным сознанием и религиозной деятельностью, составным элементом в качестве религиозной организации выступает церковь.

Как социальный институт церковь характеризуется рядом признаков, наиболее знаковыми из которых являются профессиональное духовенство, формируемое на основе принципа иерархии, а также наличие разработанного догматического учения и канонического культа. Кроме того, церковь представляет собой и юридическое лицо, обладающее собственностью [4].

Осмысление сущности церкви предполагает анализ ее структуры, имеющей весьма сложный характер. В частности, внутри церкви структурируются различные взаимодействующие подсистемы, существующие на основе деятельности разнообразных учреждений и организаций, тоже имеющих статус социальных институтов, а именно духовенство, как управляющее образование, и паства, четко вписывающаяся в сконструированное церковными иерархами на основе догматических религиозных норм и санкций бытийное пространство. К тому же эти подсистемы характеризуются собственной внутренней структурой, не свободной от иерархии и регламентации.

История христианской церкви показывает, что ею пройден долгий путь развития — от отдельных общин и объединений до социального института, оформление которого началось в I–II вв. н.э. на территории Римской империи в связи с закреплением социальных функций в отношении общей собственности духовенства и мирян, приведшего к возникновению строгой дифференциации их прав и обязанностей. Завершился же он примерно в V в. н.э. Такая длительность указывает на факт сложности данного процесса, осуществлявшегося в тесной взаимосвязи с оформлением общественного и государственного устройства Древнего Рима.

Заинтересованность государства в христианской церкви связана с теми социальными функциями, которые она осуществляет в качестве социального института. При этом данные функции структурируются в целостную систему, цель которой — отстаива-

ние приоритетной роли церкви в обществе, противодействие секуляризации и атеизму. Рассмотрим наиболее знаковые для общества функции церкви.

В первую очередь к ним относится социально-политическая. Она реализуется на основе разработки, совершенствования и распространения собственной социальной доктрины, посредством чего церковь занимает в обществе не только социальную, но и, в отличие от религии, политическую позицию. В соответствии с религиозными моральными нормами церковь пытается регулировать социальное поведение верующих [5]. Подобная миссия имеет скрытый политический подтекст, поскольку вполне востребована государством, призванным обеспечить порядок, отвечающий собственным интересам, которые могут расходиться с приоритетами общества и личности. На наш взгляд, деятельность церкви делает паству более терпимой к существующей стратификации и социальным проблемам. Политическая составляющая деятельности церкви, как правило, обнаруживается в поддержке существующего строя и экономического курса государства.

Церковь реализует и мировоззренческую функцию, возможность осуществления которой во многом обусловлена лояльностью государства. Основная цель этой функции — возвышение авторитета религиозной идеологии в обществе, обращение в религиозную веру инакомыслящих. Посредством религиозно-пропагандистской, информационной и учебно-воспитательной деятельности церковь убеждает верующих и колеблющихся в том, что религия — это единственно верное мировоззрение [6]. Для носителя такого мировоззрения мир предстает неизменным, что делает картину реальности достаточно консервативной, а мышление человека ригидным. В этой связи не случайно, что церковь является одним из главных поборников традиций вне зависимости от их содержания и роли в жизни людей, поддерживающим установленный социальный порядок и структуру, что свидетельствует о тесной связи с ее социально-политической функцией.

Принятие верующим мира таким, каким он создан Богом, церковь пытается компенсировать за счет формирования у них уверенности в загробном воздаянии. За терпение и страдание, следование божественным заповедям обещается вечная райская жизнь души. Поэтому уверенный в том, что Бог его не оставит и отблагодарит за все мучения, верующий с большей долей смирения и радостью готов переносить социальную несправедливость («Бог терпел и нам велел»). В этом состоит компенсаторная функция церкви как социального института [6].

Заслугой церкви является осуществление интегрирующей функции, реализующейся посредством объединения своих приверженцев под эгидой общих

религиозных идей, святынь, ритуалов [5]. Такое единение способствует укреплению структуры общества, ибо создает незыблемые основы социального бытия.

Церковь выполняет и морально-этическую функцию, направленную на распространение религиозной морали, как обобщенной версии общечеловеческих норм и ценностей. В этом контексте можно говорить о позитивном влиянии церкви на общество.

Важной для общества является также и миротворческая функция христианской церкви. Она основана на теологии мира, истоки которой обнаруживаются в Библии, призывающей к миру между народами [6].

Выполняет церковь и культуротранслирующую функцию, внося существенный вклад в развитие цивилизации. История свидетельствует об участии христианской церкви в продвижении многих знаковых открытий и культурных явлений, определивших специфику бытия современного общества (достаточно вспомнить хотя бы монахов Кирилла и Мефодия — создателей старославянской азбуки и языка).

Однако в настоящее время при повсеместном распространении прагматических ценностей отношение у наших соотечественников к христианской церкви становится неоднозначным. Так, с одной стороны, российская молодежь характеризуется наличием преимущественно аморфных религиозных представлений и отсутствием ярко выраженного интереса к церковной жизни [7]. Более того, некоторые молодые люди весьма скептически настроены относительно своих верующих современников и даже в случае признания себя истинно верующими большей частью оказываются псевдорелигиозными [8]. Но вместе с тем обращает на себя внимание факт отсутствия даже в подростковой среде, обычно известной своей нетерпимостью ко всем, кто не вписывается в ее стандарты, негативного отношения к сверстникам — носителям христианского мировоззрения [9].

Итак, выполняемые христианской церковью функции определяют ту роль, которую она играет в современном обществе. С нашей точки зрения, к анализу специфики этой роли необходимо подходить диалектически, что, в частности, предполагает ее осмысление в качестве противоречивой, неоднозначной, определяемой в контексте неравномерных и тесно связанных друг с другом процессов сакрализации и секуляризации, приводящих как к положительным, так и к отрицательным последствиям для общества.

Резюмируя, подчеркнем, что христианская церковь пребывает в системе сложных, противоречивых отношений с государством и обществом, поскольку одновременно выступает как фактор стабилизации

существующей властной структуры, и вместе с тем способна заявить о себе как о преобразующем факторе, побуждающем общество двигаться в направлении достижения более высоких нравственных стандартов. Именно баланс консервативного и прогрессивного и определяет ту роль, которую церковь на протяжении всего своего существования играет в мире.

Осознание данного факта приводит нас к пониманию причин возникновения неизбежного научно-философского интереса к христианской церкви и религии, а также появления подчас шокирующих и одиозных позиций на сей счет. Среди таковых выделяются идеи Ф. Ницше о смерти Бога, призванные помочь осознать бесплодность созданного церковью христианского учения («Бог задохнулся в богословии, нравственность — в морали» [10, с. 321]), а также ставшие идеологией для советского государства и определившие на 70 лет активную или же латентную борьбу с религией и церковью мысли К. Маркса об истинной миссии религии, которая состоит в «компенсации» страха человека перед неконтролируемыми природными и общественными силами и сокрытии несправедливости эксплуатации классового общества [5].

В XX в., особенно во второй его половине, церковь сталкивается еще с одним серьезным вызовом, каковым явилось женское движение и возникший на его основе феминизм с альтернативным подходом к осмыслению социальной реальности [11], который трансформировался в наши дни в постфеминизм и гендерную теорию. Множество критических замечаний в адрес церкви, как, впрочем, и других андроцентричных социальных институтов (например армии [12]), начали высказываться в связи с поддерживаемой и распространяемой дискриминационной политикой в отношении женщин, основанной на признании женщины.

На наш взгляд, анализ содержания христианства и других известных религий позволяет убедиться в том, что по своей сути они являются патриархальными и андроцентристскими [13]; таким образом, как утверждала К. Миллетт, «патриархат всегда имел на своей стороне Бога» [14, с. 167].

Особенно четко это прослеживается в христианском мифе о грехопадении. С точки зрения К. Миллетт, приговор, вынесенный Еве, является политическим и представляет собой удачное «объяснение» зависимого положения женщин, становясь самым веским аргументом патриархальной традиции на Западе, согласно которой мужчина господствует над женщиной и в семейной, и в общественной жизни [14]. Другими словами, этот миф знаменует собой историческую победу патриархата, после которой женщина в лице Евы, по образному выражению М. Лютера, становится «блудницей чертовой» [13],

а при определенных обстоятельствах объявляется ведьмой, на которую открывается охота и чье убийство провозглашается богоугодным делом [15].

Феминистская ревизия теологии показала, что традиционные религии разных стран сыграли немаловажную роль в формировании гендерных стереотипов, дискриминирующих женское на фоне мужского вне зависимости от их расы, этноса и религиозной принадлежности. Культ Девы Марии с этой точки зрения возник из необходимости мужского духовенства реинтерпретировать древние образы «матерей-воительниц», праславянских «девобогатырок», подавляя тем самым активное женское начало [16].

Огромную роль в закреплении этих канонов сыграл христианский идеал непорочного зачатия и рождения. Так происходило божественное освящение нерушимости бинарной оппозиции ментального, логического, мужского творческого рождения как идеального культуросоздающего и физиологического, природного, женского реального рождения как греховного, порочного [16].

Подтверждением относительного постоянства следования церковью укорененной традиции и в наши дни могут служить слова священника РПЦ Сергия Свешникова о том, что «в задачи Церкви не входит установление всеобщего равенства полов, наций или сословий в рамках земной истории», церковь провозглашает «Христову победу над рабством греха, к которой одинаково может приблизиться и мужской пол, и женский, и раб, и свободный, и белокожий, и чернокожий христианин» [17].

Однако следует подчеркнуть, что дискриминационные христианские практики в отношении женщин были канонизированы не сразу. До момента становления церкви в качестве социального института, воспроизводящего патриархальную идеологию, женщины занимали видную позицию в жизни первых христианских общин. В частности, об этом свидетельствует Священное писание, обозначающее Марию Магдалину в качестве одной из самых преданных последовательниц Христа, которой он первой явился после своего воскресения. К Марии — матери Иоанна — после спасения из заточения приходит Петр и застаёт в ее доме людей, молящихся о нем, что является описанием одного из первых молитвенных собраний, зафиксированных в Писании. Еще одна известная из Библии женщина — Лидия, богатая предпринимательница, самостоятельно ведущая торговые дела после смерти мужа, которая принимает крещение от Павла и становится во главе одной из первых в Европе христианских общин. Именно эти и подобные им примеры из священных текстов вызывают вопросы относительно исключения женщин из активной церковной жизни в каче-

стве знаковых субъектов [16]. Все чаще раздаются голоса уже не только феминистских теоретиков в области альтернативной теологии, но и обычных женщин о необходимости пересмотра существующей традиции определения представительниц их пола лишь в виде вспомогательных, обслуживающих потребности мужского духовенства, о желании иметь возможность напрямую говорить с Богом и быть им услышанными.

Подобная тенденция, с нашей точки зрения, не случайна. Дело в том, что христианская церковь, всю историю своего существования идущая рука об руку с государственной институцией, воздействовала на государство и в то же время испытывала обратное влияние с его стороны. В этой связи демократические и гуманистические тенденции, характерные для общества конца XX – начала XXI в., неизбежно отразились и на христианской церкви, разные ветви которой в силу своих особенностей вынуждены действовать в той или иной степени созвучности с вызовами современности, не имея возможности их полного игнорирования.

Один из злободневных вопросов, который все чаще общественность ставит перед христианской церковью, — это вопрос о женском священстве.

Обычно против женского священства выдвигается несколько аргументов. Во-первых, согласно А. Кураеву, «священник на литургии — это литургическая икона Христа, и алтарь — это комната Тайной вечери. На этой вечери именно Христос взял чашу и сказал: пейте, это Кровь Моя... Мы причащаемся Крови Христа, которую дал Он Сам, именно поэтому священник должен быть литургической иконой Христа... Поэтому священнический архетип (первообраз) — мужской, а не женский» [18].

Вторым приводимым церковью аргументом выступает тот факт, что священник — это пастырь, а женщина, созданная как помощница, сама нуждается в поддержке и совете и потому не может нести пастырское служение. Свое призвание она призвана осуществлять в материнстве.

Еще одним важным основанием при отказе женщинам в статусе священника является отсутствие идеи женского священства в церковном предании. Вот как об этом говорит профессор Московской духовной академии доктор богословия А.И. Осипов: «Есть веские аргументы в пользу того, что отсутствие женского священства — существенная традиция. В истории Церкви первое столетие называется веком чрезвычайных дарований. Одновременно с крещением люди получали дарование, некоторые сразу несколько: пророчество, дар языков, дар исцеления болезней, изгнания бесов... <...> В этот век мы видим ... другое отношение к женщине. Среди святых того времени есть равноапостольные Мария

Магдалина, Фекла — женщины, которые по своим дарованиям оказались на одном уровне с апостолами, занимались тем же — проповедью христианства. Но нигде и никогда уровень их церковного почитания не соединялся с дарованием им священства... <...> Ни в Писании, ни в святоотеческой литературе нет ни одного факта, подтверждающего возможность женского священства» [18].

Однако, несмотря на отсутствие в знаковых христианских источниках прямых указаний на женское священство, к последнему десятилетию XX в. оно было введено в большинстве англиканских церквей, которые отступают от апостольских установлений и по другим вопросам. Некоторые подвижки в этом плане намечаются сегодня и в католической церкви. Так, Папа Римский Франциск, выступая перед участниками совещания руководительниц женских католических организаций, состоявшегося 12.05.2016 в ватиканском Зале аудиенций имени Павла VI, объявил о планах создания комиссии по изучению вопроса о возможности посвящения женщин в сан дьякона. «Церковь нуждается в том, чтобы женщины принимали более активное участие в процессе принятия решений. Они даже могут возглавлять ведомство в Ватикане... И этот рост роли женщин в жизни церкви — это не феминизм, а право всех крещеных людей, мужчин и женщин», — отметил понтифик [19]. Еще ранее, в феврале 2015 г., на пленарной сессии папского совета по культуре, проходящей в Ватикане на тему «Женские культуры: равенство и разница», Папа Франциск говорил о необходимости преодоления стереотипов, согласно которым мужчина и женщина противостоят друг другу, и принять модель, основанную на взаимности в равноправии и в различиях. По мнению понтифика, женщинам пора почувствовать себя не гостями, а полноправными участницами в различных сферах общественной и церковной жизни. При этом глава католической церкви подчеркнул, что этот вопрос безотлагателен, а к теме равенства и различий не следует подходить с точки зрения идеологии, поскольку она мешает адекватно воспринимать реальность [19].

Стоит отметить, что идея значительной модернизации католической церкви, инициируемая понтификом, продиктована соответствующей оценкой ситуации, сложившейся в христианской церкви и мире. Дело в том, что в последнее время католический мир столкнулся с нехваткой кадров священнослужителей-мужчин, и именно «кадровый голод» заставляет церковь прибегнуть к резервной силе — женщинам. Кроме того, такой шаг не противоречит церковной традиции, ибо в раннем христианстве до VIII в. существовали дьякониссы — женщины-дьяконы. И хотя историки пока не могут прийти к однозначному мнению относительно их статуса и

роли, данный низший священный сан может позволить женщинам помогать в ходе богослужений священникам и епископам, а по поручению священника совершать и некоторые обряды, такие как крещение и заключение церковного брака [19].

В то время когда католическая церковь обсуждает возможность активного участия женщин в церковной жизни, а во многих протестантских церквях уже разрешено посвящение женщин не только в дьяконский, но и в священнический и епископский сан, РПЦ придерживается иной позиции, объясняя ее необходимостью сохранения чистоты религиозных традиций. Игнорируя объективные факты общественной динамики, приведшие к изменению поляризации «мужского» и «женского» с четким разграничением данных сфер, православная церковь пытается сохранить стереотипы взаимодействия женщин и мужчин как в церковной, так и в светской жизни. Именно с этой целью РПЦ использует различные СМИ, например журнал «Фома», где нередко ссылается на мнение популярных и авторитетных женщин, чья риторика так или иначе поддерживает патриархатные нормы: «Женщина должна петь славу своему мужчине и должна быть под его властью, и это ее несколько не принижает. Это — нормально. К сожалению, только приходя в Церковь, женщины начинают без комплексов воспринимать свою “второстепенность” и перестают пытаться занять главенствующее место. В жизни женщины зачем-то все время стараются быть умнее, сильнее мужчин. Но женщине это тяжело, она перестает быть женщиной, если начинает соперничать с мужчиной. К счастью, есть такие места, как Церковь, где сохранился правильный порядок вещей» (Анна Ковальчук, актриса театра Ленсовета) [20].

Резюмируя изложенное выше, отметим, что, выступая в качестве социального института, отделенного от государства, христианская церковь продолжает играть достаточно активную роль в жизни общества; значение ее противоречиво и неоднозначно. Мы полагаем, что только переосмысление женской субъектности в церковной и светской культуре и внедрение идей гендерного равенства в практику социального бытия будет способствовать решению ряда насущных общественных проблем и позволит предотвратить появление новых опасных язв на теле современного общества. Полагаем, что немалую роль в содействии этим позитивным процессам может сыграть именно христианская церковь, объявляющая себя оплотом нравственности и общечеловеческих ценностей и сохраняющая весомый авторитет у значительной части населения.

Список литературы

1. Глов М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 13–19.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
3. Основы религиоведения / под ред. И.Н. Яблокова. М.: Высшая школа, 1994. 368 с.
4. Самыгин С.И., Нечипуренко В.И., Полонская И.Н. Религиоведение: социология и психология религии. Ростов-н/Д.: Феникс, 1996. 672 с.
5. Смелзер Н. Социология. Ростов-н/Д.: Феникс, 1994. 688 с.
6. Добрускин М.Е. Особых функций церкви (на материалах русской православной церкви) // Библиотека Гумер – православие. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/Dobr_SocFunk.php (дата обращения: 01.06.2016).
7. Клинецкая Н.В. Религия и политическое сознание учащейся молодежи (по результатам социологического исследования студентов Санкт-Петербурга) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 3(23). С. 116–121.
8. Семенова Л.Э., Чевачина А.В., Семенова В.Э. Гендерная специфика представлений современной российской молодежи о религии и мотивах обращения к ней // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. Ч. 3. URL: <http://www.science-education.ru/131-23343> (дата обращения: 30.06.2016).
9. Гапонова С.А., Сивкова М.Б. Особенности положения в классном коллективе подростков-переселенцев, воспитывающихся в семьях с христианскими традициями // Вестник Мининского университета. 2013. № 1. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/search/osobennost-i-polozheniya-v-klassnom-kollektive-podr/> (дата обращения: 11.06.2016).
10. Хайдеггер М. Ницше. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2006. 608 с.
11. Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Социальная утопия и феминизм: мы рождены, чтоб сказку сделать былью? // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 45–52.
12. Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Армия и маскулинность в контексте патриархатной системы современного общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 38–45. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-38-45.
13. Семенова Л.Э., Семенова В.Э. Образ женщины в религиях мира // Сборник научных трудов: социально-психологические проблемы / под ред. Л.Э. Семеновой. Н. Новгород: НФМГЭИ, 2002. С. 239–250.

14. Миллетт К. Сексуальная политика // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 147–172.
15. Семенова В.Э. Философско-теологические основания средневековой охоты на ведьм: гендерный ракурс проблемы // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. Ч. 1. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18997> (дата обращения: 24.06.2016).
16. Суковатая В.А. Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 183–192.
17. Свешников С. О роли женщины в Церкви // Образовательный портал «Слово». 2010. 29 ноября. URL: <http://www.portal-slovo.ru/theology/43702.php> (дата обращения: 01.06.2016).
18. Данилова Ю. Почему? О женщине в Церкви // Нескучный сад. 2006. № 5. URL: <http://www.pravmir.ru/pochemu-o-zhenshhine-v-cerkvi/> (дата обращения: 01.06.2016).
19. Папа Франциск намерен изучить вопрос о женщинах-дьяконах в Католической церкви // NEWSru.com: Религия и общество. 2016. 13 мая. URL: <http://www.newsru.com/religy/13may2016/diakonissenfrage.html> (дата обращения: 11.06.2016).
20. Роль женщины в церкви // Фома. 2007. № 4(48). С. 4–7. URL: <http://foma.ru/rol-zhenshhinyi-v-czerkvi.html> (дата обращения: 01.07.2016).
8. Semenova L.E., Chevachina A.V., Semenova V.E. [The Gender Specificity of the Views of Russian Modern Youth about the Religion and Motives of the Appeal to Her]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2015, no. 2, part 3. Available at: <http://www.science-education.ru/131-23343> (accessed: 30.06.2016). (In Russian).
9. Gaponova S.A., Sivkova M.B. [The Particular Position in a Class of Teenagers-Migrants Living in Families with Christian Tradition]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University]. 2013, no. 2. Available at: <http://vestnik.mininuniver.ru/reader/search/osobennosti-polozheniya-v-klassnom-kollektive-podr/> (accessed 11.06.2016). (In Russian).
10. Heidegger M. *Nitshe. T. I* [Nietzsche. Vol. 1]. Saint Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 608 p. (In Russian).
11. Semenova V.E., Semenova L.E. [Social Utopia and Feminism: Were We Born to Make a Fairy-tale Come True?]. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society]. 2013, no. 1, pp. 45–52. (In Russian).
12. Semenova V.E., Semenova L.E. [The Army and Masculinity in the Context of the Patriarchal System of Modern Society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2015, no. 1(25), pp. 38–45. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-1-38-45. (In Russian).
13. Semenova V.E., Semenova L.E. [The Image of Women in World Religions]. *Sbornik nauchnyh trudov: sotsialno-psihologicheskie problem* [Collection of Scientific Papers: Socio-psychological Problems]. Nizhniy Novgorod, NBMHEU Publ., 2002, pp. 239–250. (In Russian).
14. Millett K. [Sexual Politics]. *Voprosy filisofii* [Questions of Philosophy]. 1994, no. 9, pp. 147–172. (In Russian).
15. Semenova V.E. [Philosophical-theological Grounds of a Medieval Witch Hunt: a Gender Perspective of the Problem]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education]. 2015, no. 1, part 1. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18997> (accessed 24.06.2016). (In Russian).
16. Sukovataya V.A. [Feminist Theology and Gender Studies in Religion: Perspectives of the New Spirituality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity]. 2002, no. 4, pp. 183–192. (In Russian).
17. Sveshnikov S. [On the Role of Women in the Church]. *Obrazovatelnyy portal Slovo* [Educational Portal «the Word»]. 2010, 29 November. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/theology/43702.php> (accessed 01.06.2016). (In Russian).

Получено 28.07.2016

References

1. Glotov M.B. [Social Institution: Definition, Structure, Classification]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Research]. 2003, no. 10, pp. 13–19. (In Russian).
2. Andreeva G.M. *Psihologiya sotsialnogo poznaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, 288 p. (In Russian).
3. *Osnovy religiovedeniya* [The Basics of Religion]. Moscow, Vyshaya shkola Publ., 1994, 368 p. (In Russian).
4. Samyigin S.I., Nechipurenko V.I., Polonskaya I.N. *Religiovedenie: sotsiologiya i psihologiya religii* [Religious Studies: Sociology and Psychology of Religion]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1996, 672 p. (In Russian).
5. Smelzer N. *Sotsiologiya* [Sociology]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1994, 688 p. (In Russian).
6. Dobruskin M.E. [About the Social Functions of the Church (on Materials of the Russian Orthodox Church)]. *Biblioteka Gumer – pravoslavie* [Library of Gumer - Orthodox Christian]. Available at: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/ortodox/Article/Dobr_SocFunk.php (accessed 01.06.2016). (In Russian).
7. Klinetskaya N.V. [Religion and Political Consciousness of Students]. *Vestnik Permskogo universiteta*.

18. Danilova Yu. Pochemu? [Why? The Woman in the Church]. *Neskuchnyi sad* [Not boring Garden]. 2006, no. 5. Available at: <http://www.pravmir.ru/pochemu-o-zhenshhine-v-cerkvi/> (accessed 01.06.2016). (In Russian).
19. [Pope Francis Intends to Explore the Issue of Women Deacons in the Catholic Church]. *NEWSru.com: Religiya i obschestvo* [NEWSru.com: Religion and Society]. 2016. 13 May. Available at: <http://www.newsru.com/religy/13may2016/diakonisse-nfrage.html> (accessed 11.06.2016) (In Russian).
20. [The Role of Women in the Church]. *Foma* [Foma]. 2007, no. 4(48), pp. 4–7. Available at: <http://foma.ru/rol-zhenshhinyi-v-czerkvi.html> (accessed 01.06.2016). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 28.07.2016

Об авторах

Семенова Вера Эдуардовна

кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии, педагогики и психологии

Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 603950, Нижний Новгород, ул. Ильинская, 65; e-mail: verunetchka08@list.ru
ORCID: 0000-0001-5841-5354

Семенова Лидия Эдуардовна

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры классической и практической психологии

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), 603005, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1; e-mail: verunetchka08@list.ru
ORCID: 0000-0001-5077-394X

About the authors

Semenova Vera Eduardovna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, 65, Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia; e-mail: verunetchka08@list.ru
ORCID: 0000-0001-5841-5354

Semenova Lidya Eduardovna

Doctor of Psychology, Docent, Professor of the Department of Classical and Practical Psychology

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), 1, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, 603005, Russia; e-mail: verunetchka08@list.ru
ORCID: 0000-0001-5077-394X

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Семенова В.Э., Семенова Л.Э. Христианская церковь в современном мире: ее сущность, традиция андроцентризма и новые тенденции // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 115–122. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-115-122

Please cite this article in English as:

Semenova V.E., Semenova L.E. Christian church in the modern world: its nature, tradition of androcentrism and new trends // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 115–122. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-115-122

УДК 297

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-123-130

РАЗНОВИДНОСТИ ИСЛАМСКОГО ПРОЕКТА В СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Федотова Марина Геннадьевна

Омский государственный технический университет

Рассмотрены разновидности исламского проекта в условиях глобальных трансформаций исламского мира. Показана взаимосвязь между двумя наиболее распространенными разновидностями исламского проекта, формирующими дискурс фундаментализма и модернизма в исламе, и социальной практикой субъектов, трансформирующих исламский мир. Основу означивания (выделения определенного комплекса значений в качестве доминирующего в сознании мусульманина) составляет ислам как религия и идеология, формирующая политический дискурс и политическое действие.

Исламские фундаменталисты понимают воссоздание исламского государства на основе шариата не только как духовную практику, но и как социальную и политическую деятельность. Основой означивания является онтологическое противопоставление мира ислама и остального мира (территории войны), представление о религии и ценностях «иноверцев» как о глубоко враждебных, угрожающих утратой самоидентификации мусульман, о необходимости борьбы со злом атеизма и либерализма западной культуры. Требование активных социальных действий во имя защиты «чистого ислама» и создания подлинно исламского государства на основе шариата предопределило наиболее высокую степень социальной мобилизации последователей салафизма. Основной особенностью фундаменталистского варианта исламского проекта применительно к процессу означивания является специфическая форма выражения синкретизма религии и политики.

Особенностями означивания модернистского проекта в исламе являются: представление о единстве мира мусульман и иноверцев, разграничение духовной и политической практики на основе ислама, представление о необходимости интеграции западной и восточной культур на основе исламской традиции, либерализация личности, использование западных моделей государственного строительства, использование практики иджтихада для достижения консенсуса среди исламских модернистов.

Ключевые слова: ислам, фундаментализм, традиционализм, модернизм.

VARIETY OF ISLAMIC PROJECT ON SYSTEM TRANSFORMATION OF SOCIETY

Marina G. Fedotova

Omsk State Technical University

We Consider the Variety of Islamic Project in the Conditions of Global Transformation of the Islamic World. Article shows the relationship between the social practice of the subjects transforming the Islamic world and two most widespread varieties of the Islamic project, which form the discourse of fundamentalism and modernism in Islam. The basis of signification (the allocation of a certain set of values as the dominant Muslim consciousness) is Islam as a religion and ideology that shapes political discourse and political action. Concepts of Islamic fundamentalism and Islamic modernism are conceptualized for the first time in the present article.

Islamic Fundamentalists understand the Reconstruction of an Islamic State Based on Shari'a not only as a Spiritual Practice, but as a Social and Political Activities. The Basis of Signification are the Ontological Opposition of the World of Islam and the Rest of the World (the Territory of War), the Idea of Religion and the Values of «infidels» as a deeply Hostile, Threatening the Loss of Identity of Muslims, and the idea of necessity to fight the evil of Atheism and Liberalism of Western Culture. The demand for active social action in the name of protecting «pure Islam» and creating a truly Islamic state on the basis of the Shariah predetermined the highest degree of social mobilization of the followers of Salafism. The main feature of the fundamentalist version of the Islamic project in relation to the process of signification is the specific form of expression of syncretism of religion and politics.

The specific features of the modernist project in Islam are: the Idea of the Unity of the World's Muslims and Infidels, the Distinction Between the Spiritual and Political Practices on the Basis of Islam, the Idea of the Need to Integrate Western and Eastern Cultures on the Basis of the Islamic Tradition, the Liberalization of the Individual, the use of Western Models of Nation-building, the Use of Ijtihad Practice to Reach a Consensus among Islamic Modernists.

Author Concludes That the Islamic Project as a Whole is Deprived of Internal Unity in Muslim Societies, because it has not a Common Development Model. Variants of Islamic Globalization Project are Extremely Controversial. Author considers that the Islamic World Will Continue its Development according to the «Reciprocal» Model of a Secular State to Sharia and Back, and from the Globalizing Society to the Localization of the Islamic World and back.

Keywords: Islam, Fundamentalism, Traditionalism, Modernism.

Исламский мир сегодня переживает два типа трансформаций — внутренние, связанные с трансформацией внутрисистемного устройства мусульманских государств, получившие новый импульс во время «арабской весны», и внешние, глобализационные, связанные с интеграцией мусульманского общества в западный мир. И внутренние, и внешние трансформации предполагают выбор мусульманского общества в отношении к не-мусульманскому. Исламский проект содержит два качественно различающихся варианта этого выбора: первый — интеграция в не-исламский, прежде всего либеральный, проект глобализации (исламский модернизм); второй — защита собственной идентичности от угрозы вестернизации, вызванная этим радикализация, и попытки насильственно-террористического превращения не-исламского мира в «территорию ислама» (исламский фундаментализм). Какими видятся перспективы данных трансформаций, исходя из текущего состояния исламского проекта?

Основой исламского проекта является политизированный ислам. Ориентированность данного глобализационного проекта на ислам делает необходимым анализ его основных направлений в качестве вариантов исламского проекта. В силу наибольшей политизированности и более высокой степени востребованности в исламском мире фундаментализма и модернизма ограничимся анализом этих двух вариантов исламского проекта.

Фундаментализм или салафизм (ас-салаф ас-салих — праведные предки) оформился в IX–XIV в. в трудах Ахмада ибн-Ханбала и Таки ад-Дина Таймийя. Современная идеология проекта основана на работах Мухаммада Ибн Абдуль-Ваххаба, Сайида Кутба, Мустафы Шукри и др. (ваххабизм и неоваххабизм, фарадиты, такфириты, «братья-мусульмане» и др.). Основные черты этого направления достаточно хорошо изучены и состоят в следующем: а) обращение к истокам вероучения в целях перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей (возрождение «истинного» ислама); б) активные действия по установлению исламской власти («хакимийи»), приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и сунны («шариа»), продвижению во все сферы общественной жизни норм морали, существовавших во времена Пророка и его ближайших

сподвижников; в) более или менее радикальный характер проводимых в соответствии с идеологическими установками политических, социальных и экономических преобразований («исламская революция»); г) осуществление активного внешнеполитического курса в направлении достижения единства с аналогичными движениями за рубежом; проведение международной деятельности по распространению идей «исламского возрождения» [1, с. 14].

Становление исламского фундаментализма в качестве глобализационного проекта многие исследователи связывают с угрозой расшатывания основ исламского общества под воздействием «западной отравы» секулярных идей и образа жизни. Например, В.В. Ушакова отмечает: «Очевидно, что фундаментализм в той или иной его разновидности возникал всякий раз, когда мусульмане терпели поражение (или считали, что так было), чувствовали себя ущемленными, а свою религию и традиции — поставленными под угрозу» [2, с. 309].

Осознание опасности порабощения западной цивилизацией, утраты самоидентификации, духовной гибели мусульман вызывает радикальный ответ на глобализационные вызовы. И хотя радикальное крыло присутствует во всех направлениях ислама, но с фундаментализмом радикализм связан в наибольшей степени. Для данного варианта исламского проекта характерно означивание любых иных, помимо фундаменталистской версии ислама, проявлений религиозности или атеизма как отступников от истинной веры и «лицемеров». Фундаменталисты при этом опираются на аяты Корана, отражающие период борьбы против язычников, требующие физической расправы над неверующими: «...бейте же их по шеям, бейте их по всем пальцам!» (Добыча, аят 12); «...берите их и избивайте, где бы не встретили вы их. Над этим Мы дали вам явную власть!» (Женщины, аят 93) и др. Эти положения Корана распространяются фундаменталистами и на «людей писания», т.е. христиан и иудеев, несмотря на то, что в коранической традиции иноверцы (в отличие от язычников) также богоспасаемы: «Поистине, те, которые уверовали, и те, кто обратился в иудейство, и христиане и сабии, которые уверовали в Бога и в Последний день и творили благое, — им их награда у Господа их, нет над ними страха, и не будут они печальны» [3, 2:62]. Наряду с упоминанием этих и других аятов схожей

тематики в выступлениях фундаменталистов не встречаются цитаты из Корана и Сунны, в которых говорится, например: «А если кто убьет верующего умышленно, то воздаянием ему — геенна, для вечно-го пребывания там. И разгневался Аллах на него, и проклял его, и уготовал ему великое наказание» (Женщины, аят 95(93)). Тем самым происходит механический перенос информации из коммуникационного поля религии в коммуникационное поле политики. И если для дискурса поля религии характерен внеисторизм и иррациональность (вера), то дискурс поля политики, напротив, включает историзм и рациональность. В силу специфического соединения веры и политики в исламе (политизированном исламе) вероучительные источники ислама мифологизируются, происходит их переозначивание по принципам пропаганды и рекламы.

Фундаментализм называют также возрожденческим движением, поскольку последователи этой традиции стремятся к возрождению ислама в таком виде, в каком его завещали «праведные предки» во времена пророка Мухаммеда и первых четырех халифов. Требование активных социальных действий во имя защиты «чистого ислама» и создания подлинно исламского государства на основе шариата предопределило наиболее высокую среди всех трех направлений степень социальной мобилизации последователей салафизма.

Истоки высокой мобилизационной активности последователей фундаментализма обнаруживаются в специфическом миропонимании. Мир в сознании последователей фундаментализма разделен на исламское общество, которое принимает «истинный ислам» и живет по законам шариата, и общество, которое не восприняло истину последнего пророка Мухаммеда и потому живет в состоянии джахилии, т.е. невежества, первобытного варварства. Современными теоретиками исламского фундаментализма понятие джахилии толкуется расширенно: не только как состояние общества до изречения последней истины пророком Мухаммедом, но и как состояние современного общества. С. Кутб пишет: «Джахилистским является всякое общество, которое не исповедует принцип поклонения Аллаху, и только Ему, с учетом того, что такое поклонение должно проследиваться в вероисповедальном представлении, в обрядах поклонения и юридических законоположениях» [4, с. 283]. В состоянии джахилии пребывают не только неверные, но и мусульмане, которые искажают «истинный ислам», т.е. последователи любых других направлений и течений ислама, кроме фундаментализма. По отношению к обществам, находящимся в состоянии джахилии, истинный мусульманин праве объявить такфир, т.е. обвинение в неверии (куфр) и вести против них борьбу (джихад). Тем самым мир в сознании фунда-

менталиста разделен на две части — «территория ислама» (дар-уль-ислам) и «территория войны» (дар-уль-харб). Принципиально важным для мобилизационной активности последователей фундаментализма в таком миропонимании является представление о неустранимости противоречия между «истинным исламом» и остальным миром до тех пор, пока мессия (Махди) не придет на Землю. Таким образом, уже в онтологии мусульман-фундаменталистов содержится один из наиболее распространенных приемов пропаганды — разделение мира на «своих» и «чужих». Этот прием применяется для сплачивания групп и их мобилизации для противодействия «чужим».

И.А. Добаев отмечает: «В сознании адептов формируется довольно простая семантическая схема мировосприятия, которая функционирует на уровне архетипа: мир, в том числе и общество, совершенны по воле бога, всякое несовершенство общества (зло и несправедливость в нем) привносятся людьми (неверующими, верующими неправильно и верующими неискренне). Отсюда вытекает вывод о том, что борьба с “врагами ислама” (многобожниками, отступниками и лицемерами) является смыслом истинной веры. Таким образом, изначально представленная семантическая схема восприятия мира содержит мобилизационную установку» [5].

Понятие «джихад» в фундаменталистской интерпретации означает по преимуществу как «малый джихад», т.е. вооруженная борьба с неверными. Представления о «великом джихаде» сердца, языка, руки, которые есть в Коране, фундаменталисты в своих теоретических построениях почти не используют. Ведение джихада приравнивается к выполнению божественной миссии. Джихад обязан вести каждый мусульманин, стоящий на пути Аллаха, против всех, кто не разделяет фундаменталистских убеждений, даже если речь идет о мусульманине. Доказывая, что в состоянии джахилии могут находиться и правительства мусульманских стран, С. Кутб обосновывает право на смуту, бунт (фитну) против джахилистских правительств.

Менее радикальные взгляды на джихад высказывает другой идеолог фундаментализма — А. Маудуди. Он считает, что джихад есть не столько миссия индивида, сколько обязанность уммы в целом. Объявить джихад может только правительство и только во время войны против не-мусульман. Мусульмане объектами джихада, по А. Маудуди, быть не могут. Возможен и «духовный джихад» — деятельность по формированию общественного мнения [6, р. 28].

Таким образом, и радикальные, и умеренные идеологи фундаменталистской версии исламского проекта, перенося традиционный ислам из коммуникационного поля религии в коммуникационное

поле политики, превращая ислам в исламизм, упрощают традиционные исламские онтологические построения, идеологизируют их, создавая мобилизационную модификацию традиционного ислама.

Как было отмечено выше, одной из главных задач фундаменталистской версии исламского глобализационного проекта является построение исламского государства. В отличие от традиционалистов, фундаменталисты рассматривают воссоздание исламского государства, функционирующего на основе шариата, не только как духовную практику или исламский призыв, но как социальную и политическую деятельность. Х. аль-Банна говорил следующее о нераздельности ислама и политики: «Мы призываем вас к исламу, который принес Мухаммед... Правительство — часть его, — а свобода — одна из религиозных обязанностей. Если кто-либо скажет вам: “Это — политика!” — скажите: “Это — ислам, и мы не признаем никакого разделения”» [7, с. 29].

Отдельные принципы построения исламского государства, возрождающего «опыт Медины» (622–632 гг.), были изложены в трактате Ибн Таймийя «Религиозное управление» («ас-Сияся аш-шариййа»). В частности, Ибн Таймийя говорил о необходимости в исламском государстве интегральной власти, когда правитель обладает всей полнотой духовной и политической власти. При этом духовная миссия халифа, возглавляющего умму, является ведущей. Неподчинение халифу — тяжкий грех.

Эти принципы в XX в. развил А. Маудуди. Его концепция исламского государства основывается на принципе суверенитета Аллаха («хакимият Аллах»): «Основополагающий принцип ислама состоит в том, что человеческие существа — индивидуально и коллективно — должны сложить с себя все права на владычество, законодательство и осуществление власти над другими. Никому не должно быть разрешено отдавать приказы или повеления, ссылаясь на его собственное право, и никто не обязан принимать обязательство выполнять эти приказы и повиноваться таким повелениям. Никто не имеет права создавать законы от имени собственной власти, и никто не обязан примиряться с ними. Этим правом облечен только Аллах» [8]. Следовательно, легитимация власти в исламском государстве возможна только согласно воле Аллаха, воплощенной в Коране и Сунне. Между тем фундаменталисты основой мусульманского общества провозглашают общину как некую идеальную целостность, организованную на принципах братства (ср. «братья-мусульмане»), с размытыми границами социальной иерархии. Халиф реализует сакральную волю Аллаха в жизни мусульманской общины. Перенос религиозного принципа суверенитета Аллаха в практику функционирования исламского государства вызвал противоречие между принципами братства в общине и жест-

кой необходимостью следовать воле Аллаха. Если свобода Аллаха означает абсолютную, то свобода мусульманина по необходимости соотносится с волей Аллаха (в данном случае — как политической волей), халифа и членов общины. И.П. Добаев отмечает: «Отрицая свободу воли человека, [фундаменталисты] утверждают, что нормальная жизнедеятельность индивида возможна только в общине единоверцев» [5]. Это противоречие нашло отражение в рассуждениях теоретиков фундаментализма о взаимоотношениях личности и государственной власти в исламском государстве: «В то время как концепция Маудуди о суверенитете [Аллаха] сделала его поборником сильного правительства, Кутб пришел, по иронии, к противоположным взглядам — суверенитет [Аллаха] для Кутба был цитом против дурных правительств и основой индивидуальной свободы» [9, р. 118]. Показательна в этом отношении также эволюция взглядов А. Маудуди, который постепенно из сторонника «сильного правительства» (диктатуры) стал сторонником «теодемократии», утверждая, что «исламское государство должно быть “божественным демократическим правлением” — “теодемократией”, где ограниченный народный суверенитет мусульман сочетается с высшим суверенитетом Бога» [10, р. 136–140]. Указанное противоречие между общинностью и единоначалием используют также теоретики модернизационного течения ислама для обоснования возможности демократии в исламском обществе.

Таким образом, для фундаменталистского варианта исламского проекта характерно означивание мира как разделенного на «территорию ислама» и «территорию войны», представление о религии и ценностях «иноверцев» как о глубоко враждебных, угрожающих утратой самоидентификации мусульман, необходимости борьбы со злом атеизма и либерализма западной культуры. Главной особенностью фундаменталистского варианта исламского проекта применительно к процессу означивания является специфическая форма выражения синкретизма религии и политики. При переносе концептуальных для исламизма понятий, таких как «джахилийя», «джихад», «халифат» и др., из коммуникационного поля религии в коммуникационное поле политики эти понятия упрощаются. В исламизме происходит мифологизация ислама, фундаментализм парадоксальным образом оказывается оторванным от своих религиозных корней. Упрощение и однозначность толкования религиозных вопросов способствуют активной социальной мобилизации последователей фундаментализма. Не случайным в этой связи выглядит не редкое религиозное невежество радикальных фундаменталистов. В частности, опрос участников террористических актов в Арабской Республике Египет показал, что 56,67 % опрошенных не

помнят из Корана ничего или помнят отдельные аяты [11, с. 36–42].

Еще один вариант исламского проекта представлен в исламском модернизме. Сторонники этого направления в исламе стремятся синтезировать традиционные исламские и либеральные ценности, а в социальной практике объединить религиозную догматику и светские формы государства. Одной из наиболее распространенных форм реализации этого проекта является государственный ислам. На протяжении XX–XXI вв. как политический проект исламский модернизм в той или иной степени реализуется в Египте, Турции, Иране, Афганистане, Марокко, Тунисе, Саудовской Аравии, Кувейте, Ливии.

Данное течение достаточно неоднородно. К исламскому модернизму обычно относят: турецкий ислам (К. Ататюрк), «левый ислам» (М. Таха), «евроислам» (Ю. аль-Кардави) и др. Тем не менее, можно выделить две ключевых идеи, характерные для модернистского проекта в целом. Во-первых, означивание мира как общего, единого для всех мусульман, не разделенного на «территорию ислама» (дар-уль-ислам) и «территорию войны» (дар-уль-харб). Во-вторых, означивание исламского государства как соответствующего прежде всего духу Корана, опирающегося на модернизированные формы шариата.

Основой означивания, как и у фундаменталистов, является возрожденный в первоизданной чистоте ислам. Один из первых модернизаторов ислама Джамаль ад-Дин аль-Афгани выдвинул лозунг «очищение религиозной веры» (аль-Ислах ад-Диний), подразумевая под этим обновление ислама в соответствии с требованиями времени. Современные исламские модернисты, в частности Ю. Аль-Кардави, считают, что применять буквально законы шариата, сложившиеся в Средневековье, к современным обществам и ситуациям нельзя уже просто потому, что изменилось само общество: «Наше понимание религии и религиозной практики, по словам Ю. Аль-Кардави, должно основываться на исследовании божественного откровения, с одной стороны, и реального динамически развивающегося мира — с другой. Коран показывает нам чудеса и тайны физического мира, а размышление о реальном мире возвращает нас к пониманию Корана. Наша задача — осознать, каким образом одно взаимодействует с другим, и в чем мир и Коран противоположны и схожи между собой» [12, с. 686].

В отличие от фундаменталистов, модернисты считают в исламе сакральными и неизменными в веках только корни («усуль») — религиозные догмы, ритуал и ясные тексты Корана. При этом ветви ислама («форү»), под которыми подразумеваются многообразные взаимоотношения между людьми, не только могут, но и должны подвергаться изменениям в интересах уммы. М. Абдо, отстаивая необхо-

димость изменений, ссылается на исламский юридический принцип «маслаха» (польза, общее благо): «Маслаха означает приоритет общины над предписаниями Корана и Сунны, когда речь идет об отношениях между людьми, не оговоренных явными священными текстами и достоверными хадисами» [13, с. 169].

Другой способ обоснования необходимости перемен в исламе предложил М. Таха. В работе «Второе послание ислама» он трактует суры Корана, которые написаны в Медине и Мекке, как два различных послания пророка Мухаммеда: «суры, которые были написаны в Медине, состоят из конкретных законов, написанных для мусульманской уммы, а суры, которые написаны в Мекке, содержат в себе основные принципы религии и представляют собой ценность и в наши дни» [12, с. 686].

Устаревшим и нуждающимся в очищении модернистам видится онтология, подразумевающая бинарность мира — дар-уль-ислам и дар-уль-харб. Представители «фикха меньшинства» (Ю. Аль-Кардави, Т. Аль-Альвани и т.д.) говорят о едином мире со своими пространствами: «даже трансцендентное переходит в имманентное в некоем “третьем” или “промежуточном” пространстве. Но никак не является каким-то таким пространством, которое не включает в себя другие пространства, иначе теряется атрибут Аллаха Всеобъемлющего» [12, с. 686].

Онтологический тезис о единстве мира позволяет модернистам обосновать положение об исламе как веротерпимом учении и религии универсального гуманизма (инсаний). В едином мире человечество не разделено, в нем возможно общечеловеческое, а не только лишь мусульманское братство, не являются предосудительными нововведения (бида) в культурную и социальную практику, воспринятые в «неисламском» мире.

Иное толкование приобретает в связи с этим и понятие «джихад». Для модернистов джихад — прежде всего духовная и интеллектуальная борьба за обновление традиционных ценностей: «“Священная война” такого рода должна быть направлена на изменение правил прошлого в соответствии с новой обстановкой (при условии, что эти изменения не нарушают общих традиционных принципов и ценностей) и одновременно на изменение современной ситуации там, где это требуется, чтобы привести ее в соответствие с этими общими принципами и ценностями» [14, с. 221].

Представления о модернизации общества невозможны без утверждения свободы как ценности. В целом в работах исламских модернистов при утверждении догмата об Аллахе Всемогущем вместе с тем обосновывается высокая степень свободы человека по отношению к духовному самоопределению, общине единоверцев, даже к Корану. В рамках бо-

жественного предопределения человек обладает свободой воли. Для исламских модернистов человек — не просто проводник воли Аллаха, послушный мнению общины единоверцев, а соучастник Божественного творения: «Поистине Аллах установил его наместником на земле, почтил его и научил названиям всех вещей и подчинил ему все, что в небесах и на земле» [15]. М. Икбал разработал концепцию самореализации человека («худи»), согласно которой в процессе социальной деятельности и творчестве в человеке проявляется божественное Я: «Жребий человека в том и состоит, чтобы участвовать в глубинных процессах универсума и формировать свою судьбу так же, как и судьбу мира. <...> И в этом процессе прогрессивного изменения, в том случае когда человек берет на себя инициативу, он становится сотворцом Бога» [12, с. 34].

Сопричастность личности к божественному творению современного мира делает необходимой активную социальную позицию каждого человека, исповедующего ислам. В духовной практике это выражается в реализации принципа «врата иджтихада открыты», в политической — обосновывается приемлемость для мусульманина демократической формы правления. Иджтихад — свободное суждение по современным вопросам с опорой на Коран и Сунну. Если традиционалисты считают, что врата иджтихада необходимо держать закрытыми, поскольку новые суждения, не содержащиеся в мусульманских вероучительных источниках, искажают истинный ислам, то модернисты, напротив, считают, что каждый мусульманин в силу своей сопричастности Творению может понять и правильно применить мусульманское вероучение в современной жизни. Р. Масмуди считает демократию «ключом к открытию врат иджтихада» [16, р. 4]. Т. Аль-Альвани говорит о необходимости революции сознания мусульман, необходимости такого иджтихада, который бы способствовал повышению значимости мусульман в глобальном мире: «Никакие попытки ... не будут напрасны, поскольку они являются вложением в будущее ислама и могут обеспечить ответ на видимые противоречия, которые терзают нас сегодня: традиционализм против модернизма; классическая мысль против современного мышления; материальный мир против жизни после смерти; религия против науки и др... Иджтихад предоставляет мусульманам выход из этого болота» [17, р. 132].

Для исламского модернизма характерно особое представление о роли ислама в государстве. Это проявляется прежде всего в отказе от шариатского государства в том представлении, какое вкладывают в это понятие традиционалисты и фундаменталисты. Модернисты считают необходимым в политике и государственном устройстве сохранять, главным

образом, дух Корана, модернизируя шариат согласно требованиям времени. Модели построения государства значительно различаются: во-первых, это светское государство, где влияние ислама ограничено областью морали (А. Разек); во-вторых, государство, где нормы шариата и светские законы сосуществуют (Ю. Аль-Кардави); в-третьих, это государственный ислам, где религия функционирует в рамках, обозначенных органами государственной власти, правильная интерпретация текстов мусульманского вероучения также становится обязанностью государства (К. Ататюрк).

Одной из основных задач, которые ставят перед собой исламские модернисты, является обоснование непротиворечивости ислама и представительного правления. М. Абдо считал, что мусульмане, которые равны перед Богом, должны быть также равны и перед законом. Принципы парламентаризма не противостоят традициям Востока, принципу совещательности (шура) и представительству мусульман перед властью халифа (меджлис).

Ряд норм шариата, направленных на установление социальной справедливости в обществе, например, налогообложение особого рода, направленное на помощь неимущим членам общины — «закят», запрет на ростовщический процент — «риба», дали основание исламским модернистам, в частности Аль-Афгани, утверждать, что исламскому обществу изначально присущ особый «исламский социализм».

Возможность сочетания демократии и ислама, западных и восточных ценностей обосновал в своих работах М. Икбал. Идеальное исламское государство, по М. Икбалу, — это государство, «где Любовь и Наука, символизируя сущности Востока и Запада, счастливо займут одинаковое интеллектуальное пространство» [18, с. 643]. Истоки «исламской демократии» он видит в общине пророка Мухаммеда. Исламский политический идеал строится на признании, во-первых, абсолютного верховенства закона Божьего перед светскими законами, и, во-вторых, абсолютного равенства всех членов мусульманской общины. М. Икбал выступает против «притязаний мусульманских теологов и правоведов на особую роль в государстве (признавая за ними лишь полномочия “толкователей закона”), а также против попыток восстановления теократической власти как в лице суннитского халифа, так и шиитского имама» [19, с. 19]. Европейская демократия, основанная на рационализме, является «препятствием на пути морального продвижения человека» [19, с. 166], потому что «истина, открытая чистым разумом, не способна породить то пламя живого убеждения, которое способно вызвать только откровение, полученное лично» [19, с. 166]. Мусульмане, обладающие высшими идеями на основе откровения пророка Мухаммеда, используя опыт европейской

рациональности, способны создать идеальное исламское государство.

Необходимо отметить, что именно в исламском модернизме был разработан первый собственного глобализационный проект. Речь идет об идеологии панисламизма (Д. Аль-Афгани), выдвинувшего идею «религиозно-политического союза мусульманских народов». Этот союз, по мысли Д. Аль-Афгани, должен быть ограничен духовной сферой жизни мусульманского общества. В XX–XXI вв. идея панисламизма была воспринята фундаменталистами и позже трансформировалась в идею «всемирного халифата», т.е. прежде всего государственного объединения мусульман на основе законов шариата.

Итак, особенностями означивания модернистского проекта в исламе являются: представление о единстве мира мусульман и иноверцев, разграничение духовной и политической практики на основе ислама, представление о необходимости интеграции западной и восточной культур на основе исламской традиции, либерализация личности, использование западных моделей государственного строительства, использование практики иджихада для достижения консенсуса среди исламских модернистов.

На основе анализа фундаменталистского и модернистского вариантов исламского проекта можно сделать вывод о том, что в целом исламский проект лишен внутреннего единства, в мусульманских обществах не выработана общая модель развития, варианты исламского глобализационного проекта крайне противоречивы. Прослеживаются следующие линии бифуркации: шариатское/светское государство; веротерпимость/нетерпимость к иноверцам; панисламизм/пантюркизм, панарабизм или более локальные модели объединения мусульман. Можно предположить, что исламский мир в дальнейшем будет развиваться по «возвратно-поступательной» модели от светского государства к шариатскому и обратно, и от глобализирующегося общества к локализации исламского мира и обратно. Яркие примеры подобной модели развития демонстрируют в последние годы Арабская Республика Египет и Турция.

Список литературы

1. Поляков К.И. Исламский фундаментализм в Судане. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2000. 168 с.
2. Ушакова В.В. Исламский вызов в условиях глобализации // *Аспекты*. Вып. V. М.: МГУ, 2008. С. 305–312.
3. *Коран* / пер. И.Ю. Крачковского. М.: Вост. лит., 1963. 235 с.
4. Кутб С. Вехи на пути Аллаха. Махачкала: Бадр, 1997. 370 с.
5. Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика. 2002. URL: http://provizitku.ru/politosociolog/dobaev_i_p_islam

- skij_radikalizm_-_genezis_ehvoljucija_praktika_otv_redaktor_ju_g_volkov_rnd_izdatel'stvo_sk_nc_vsh_2002_329_s.html (дата обращения: 10.03.2016).
6. Maududi A.A. Jihad in Islam. Beirut: Islamic Publications (Pvt.) Ltd. 1980. 28 p.
 7. Багдади А.М. Идеиные истоки и идеология исламского фундаментализма. М.: МГУ, 1998. 43 с.
 8. Маудуди А.А. Политическая теория ислама // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2003/5/2003_5_30.html (дата обращения: 10.03.2016).
 9. Bouzid A. Man, Society and Knowledge in the Islamist Discourse of Sayyid Qutb: dis. ... of Doctor of Philosophy in Science and Technology Studies. Blacksburg, VA, 1998. 273 p.
 10. Maududi A.A. The Islamic Law and Constitution. Lahore: Islamic Publications (Pvt.) Ltd., n.d. 406 p.
 11. Обейд А.А. Угрозы терроризма и борьба с ним // Азия и Африка сегодня. 2004. № 4. С. 36–42.
 12. Даудов Р.Х. Место и роль традиционализма и модернизма в исламской онтологии // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 11. С. 684–689.
 13. Мартыненко А.В. Основные тенденции развития интеллектуальной культуры ислама в Новое и Новейшее время // *Genesis: исторические исследования*. 2012. № 1. С. 168–211.
 14. Степанянц М.Т. Реформаторство как антитеза традиционности // *Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока*. М.: Наука: Вост. лит., 1993. С. 218–225.
 15. Аль-Кардави Ю. Сущность единобожия. URL: <http://chechen.org/archives/1037> (дата обращения: 10.03.2016).
 16. Smock D. Ijtihad: Reinterpreting Islamic Principles for the Twenty-first Century / Institute of Peace. Special Report. 2004. 8 p. URL: <http://www.usip.org/sites/default/files/resources/sr125.pdf> (accessed: 10.03.2016).
 17. Al-Alwani Taha J. Taqlid and Ijtihad // *The American Journal of Islamic Social Sciences*. 1995. Vol. 8, № 1. P. 129–142.
 18. *Великие мыслители Востока* / ред. Ян Мак-Грил. М.: Крон-Пресс, 1998. 656 с.
 19. Икбал М. Реконструкция религиозной мысли в исламе. М.: Вост. лит., 2002. 200 с.

Получено 12.03.2016

References

1. Polyakov K.I. *Islamskiy fundamentalizm v Sudane* [Islamic Fundamentalism in Sudan]. Moscow, The Middle East Institute Publ., 2000, 168 p. (In Russian).
2. Ushakova V. [Islamic Challenge in the Context of Globalization]. *Aspekty. Vyp. 5* [Aspects. Iss. 5.]. Moscow, Moscow State University Publ., 2008, pp. 305–312 (In Russian).

3. Koran [The Qur'an]. Moscow, Eastern literature Publ., 1963, 235 p. (In Russian).
4. Qutb S. *Vehi na puti Allaha* [Milestones on the Path of Allah]. Makhachkala, Badr Publ., 1997, 370 p. (In Russian).
5. Dobaev I.P. *Islamskiy radikalizm: genezis, evolyutsiya, praktika* [Islamic Radicalism: Genesis, Evolution and Practice]. Available at: http://provizitku.ru/politosociolog/dobaev_i_p_islamskiy_radikalizm_-_genezis_ehvoljucija_praktika_otv_redaktor_ju_g_volkov_rnd_izdatelstvo_sknc_vsh_2002_329_s.html (accessed 10.03.2016). (In Russian).
6. Maududi A.A. Jihad in Islam. Beirut: Islamic Publications (Pvt.) Ltd. 1980. 28 p. (In English).
7. Baghdadi A.M. *Ideynye istoki i ideologiya islamskogo fundamentalizma* [Ideological Origins and Ideology of Islamic Fundamentalism]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 43 p. (In Russian).
8. Maududi A.A. [Political Theory of Islam]. *Otechestvennye zapiski* [Notes of the Fatherland]. 2003, no. 5. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2003/5/2003_5_30.html (accessed 10.03.2016). (In Russian).
9. Bouzid A. Man, Society and Knowledge in the Islamist Discourse of Sayyid Qutb: dis. ... of Doctor of Philosophy in Science and Technology Studies. Blacksburg, VA, 1998. 273 p. (In English).
10. Maududi A.A. The Islamic Law and Constitution. Lahore: Islamic Publications (Pvt.) Ltd., n.d. 406 p. (In English).
11. Obaid A. [The Threats of Terrorism and the Fight Against it]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today]. 2004, no. 4, pp. 36–42. (In Russian).
12. Daudov A.D. [Place and Role of Traditionalism and Modernism in Islamic Ontology]. *Fundamentalnye issledovaniya* [Fundamental Research]. 2014, no. 11, pp. 684–689. (In Russian).
13. Martynenko A.V. [Main Tendencies of Intellectual Culture of Islam in Modern and Contemporary Times]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Studies]. 2012, no. 1, pp. 168–211. (In Russian).
14. Stepanyants M.T. [Reformism as the Antithesis of Tradition]. *Bog – chelovek – obschestvo v traditsionnykh kulturakh Vostoka* [God – Man – Society in the Traditional Cultures of the East]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 218–225 (In Russian).
15. Al-Qaradawi Y. *Suschnost edinobozhiya* [Essence of Monotheism]. Available at: <http://chechen.org/archives/1037> (accessed 10.03.2016). (In Russian).
16. Smock D. Ijtihad: Reinterpreting Islamic Principles for the Twenty-first Century / Institute of Peace. Special Report. 2004. 8 p. Available at: <http://www.usip.org/sites/default/files/resources/sr125.pdf> (accessed 10.03.2016). (In English).
17. Al-Alwani Taha J. Taqlid and Ijtihad. *The American Journal of Islamic Social Sciences*. 1995, vol. 8, no. 1, pp. 129–142. (In English).
18. *Velikie mysliteli Vostoka* [The Great Thinkers of the East]. Moscow, Kron-Press Publ., 1998, 656 p. (In Russian).
19. Iqbal M. *Rekonstruktsiya religioznoy mysli v islame* [Reconstruction of Religious Thought in Islam]. Moscow, Eastern. lit-ra Publ., 2002, 200 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 12.03.2016

Об авторе

Федотова Марина Геннадьевна

кандидат философских наук, доцент кафедры
«Философия и социальные коммуникации»

Омский государственный технический университет,
644050, Омск, пр. Мира, 11;

e-mail: fmg@bk.ru

ORCID: 0000-0003-2571-6198

About the author

Fedotova Marina Gennad'evna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy
and Social Communication

Omsk State Technical University,
11, Mira av., Omsk, 644050, Russia;

e-mail: fmg@bk.ru

ORCID: 0000-0003-2571-6198

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Федотова М.Г. Разновидности исламского проекта в системной трансформации общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 1. С. 123–130.

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-123-130

Please cite this article in English as:

Fedotova M.G. Variety of Islamic project on system transformation of society // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 1. P. 123–130. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-1-123-130

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются с указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не рекомендуются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы располагаются и нумеруются по мере упоминания в тексте**. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «>» и «<». Знаки «<>», «<->», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics* [Filosofiya ekonomiki]. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leybnits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyu 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники список литературы делается только один, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться:

- индексом УДК;
- аннотацией состоящей минимум из 200 слов;
- ключевыми словами (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми);

- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора: ORCID** (в обязательном порядке регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/>) и **ResearcherID** (желательно);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайшем выпуске.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2017 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	30 марта
в № 2 — до 01 мая	29 июня
в № 3 — до 01 августа	28 сентября
в № 4 — до 01 октября	26 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We recommend to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If the source included into the bibliography have the doi, the doi indication is mandatorily to be given in section «References». You should insert doi at the end of the reference and separate doi from pages of the reference by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship** or **foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID (ORCID, ResearcherID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@vandex.ru** The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue.

There is no fee for the publication of manuscript for PhD students. PhD student have to provide scan-copy of reference signed by head of an organization.

Submission deadlines in 2017

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 30
No 2 May 1	June 29
No 3 August 1	September 28
No 4 October 1	December 26

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2017
Выпуск 1

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 22.03.2017
Дата выхода в свет
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15,81
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь в издании научного журнала оказывает
ОАО «ROSSET»
<http://www.rosset-kzms.ru>

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке